педагогика детства

Ян Амос Коменский

Учитель учителей

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Яна Амоса Коменского называли «отцом педагогики», настолько принципиально новыми для своего времени были его взгляды на образование и воспитание детей. Феномен Коменского состоит в том, что он совершил гуманитарный прорыв в XVII веке, оставил нам «Великую дидактику», которая сохраняет свою актуальность и поныне. Удивительная судьба! Коменский сумел остаться Учителем учителей на протяжении нескольких веков до сегодняшнего дня.

Почитайте, не торопясь, его труды. Возможно, многое вам покажется знакомым. Но вспомните, что эти знания – и, главное, умение эти знания получать – дали вам ваши учителя. А их научил Коменский.

Для родителей, педагогов, воспитателей, студентов педагогических вузов.

- Ян Амос Коменский
  - ○
  - ○ Отец педагогики
  - ○ Часть I
    - ■ От составителя
    - ■ Материнская школа или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет
      - ■
      - ■ Глава I
      - ■ Глава II
      - ■ Глава III
      - ■ Глава IV
      - ■ Глава V
      - ■ Глава VI
      - ■ Глава VII
      - ■ Глава VIII
      - ■ Глава IX
      - ■ Глава XI
      - ■ Глава XII
  - ○ Часть II
    - ■ От составителя
    - ■ Великая дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему,
      - ■
      - ■ Всем, стоящим во главе человеческих учреждений, правителям государств,

- пастырям церквей, ректорам школ, родителям и опекунам детей
- Польза дидактики
- Дидактика
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава X
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XVI
    -
    - Основоположение I
    - Основоположение II
    - Основоположение III
    - Основоположение IV
    - Основоположение V
    - Основоположение VI
    - Основоположение VII
    - Основоположение VIII
    - Основоположение IX
  - Глава XVII
    -
    - Основоположение I
    - Основоположение II
    - Основоположение III
    - Основоположение IV
    - Основоположение V
    - Основоположение VI
    - Основоположение VII
    - Основоположение VIII
    - Основоположение IX
    - Основоположение X
  - Глава XVIII
    -
    - Основоположение I
    - Основоположение II
    - Основоположение III
    - Основоположение IV
    - Основоположение V
    - Основоположение VII
    - Основоположение VIII
    - Основоположение IX

- Основоположение X
- Глава XIX
  - Проблема I
  - Проблема II
  - Проблема III
  - Проблема IV
  - Проблема V
  - Проблема VI
  - Проблема VII
  - Проблема VIII
- Глава XX
- Глава XXI
- Глава XXII
- Глава XXIII

○ Часть III
- От составителя
- О культуре природных дарований
- Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом культуры природных дарований
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
- Пансофическая школа, то есть Школа всеобщей мудрости
  - Часть первая
- Пансофическая школа
  - Часть вторая
- Законы хорошо организованной школы
- Похвала истинному методу
- Правила поведения, собранные для юношества в 1653 году

○ Часть IV
- От составителя
- Мир
- Небо
- Огонь
- Воздух
- Вода
- Облака
- Земля
- Произведения земли
- Металлы

- Камни
- Одушевленные и прежде всего Птицы
- Семь возрастов человека
- Душа человека
- Садоводство
- Хлебопечение
- Как производится мед
- Обработка льна
- Части дома
- Колодцы
- Гончар
- Город
- Зеркала и оптические стекла
- Бумага
- Искусства речи
- Этика
- Человечность
- Умеренность
- Трудолюбие
- Мужество
- Справедливость
- Родословное дерево
- Щедрость

- notes
  - 1

Ян Амос Коменский
Учитель учителей: Избранное

© ООО Издательский дом «Карапуз», 2008.
© Е.Н. Леонович, Ю.А. Серебренникова – составление, вступительная статья, примечания, 2008.

Отец педагогики

Нелегко найти в какой-либо научной области ученого и практика, оказавшего на становление и развитие этой области такое влияние, какое оказал на педагогику великий сын чешского народа Я.А. Коменский (1592–1670). Его по праву считают великим мыслителем-гуманистом, отцом педагогики, учителем народов.

Представить Я.А. Коменского современному читателю и легко, и трудно. Легко – потому что Я.А. Коменский широко описан в современной литературе по педагогике; трудно – потому что его жизненный и творческий путь недостаточно глубоко осмыслен с современных позиций.

Большая заслуга его перед человечеством состоит в том, что он создал педагогические и философские труды, пронизанные духом демократизма, любовью и уважением к людям, почитанием труда. Он ратовал за ликвидацию сословных привилегий и угнетения человека человеком, за равноправие великих и малых народов и внимание к их национальным правам, за установление всеобщего мира на земле. Он верил в духовно-нравственное совершенствование человеческой природы и мечтал о преобразовании общества гуманными способами.

Педагогическая концепция Я.А. Коменского явилась составной частью его проекта переустройства общества. Именно с этих позиций он сумел дать критическую оценку всей отжившей системе обучения и воспитания, предвосхитив в своих работах появление Школы Будущего. Бережно сохраняя все то ценное, что было накоплено его предшественниками в области теории и практики воспитания, Коменский создал педагогическое учение, которое и по сей день сохраняет свою исключительную ценность.

Ян Амос Коменский родился в 1592 г. в местечке Нивнице, которое находится недалеко от моравского города Угерский Брод.

Его отец Мартин имел собственную мельницу и слыл состоятельным человеком. Являясь по меркам своего времени образованным человеком, он хорошо знал Библию и активно проводил просветительскую работу среди членов секты «Чешские (или богемские) братья».

«Чешские братья» жили в то время как одна большая семья. Они вели энергичную трудовую жизнь, культивировали в своей среде взаимопомощь, особо заботились о детях и их образовании. Именно в их общинах впервые получило распространение всеобщее начальное обучение.

Детские годы Яна были безоблачными, но счастье длилось

недолго. В 12 лет на него обрушилось страшное горе: эпидемия унесла отца, мать и двух братьев. В живых остался он и его единственная сестра Маргарита. Сиротам были назначены опекуны, и жизнь детей пошла по другому руслу. Спустя некоторое время Яна забрала к себе родная тетка и определила в школу «братьев» в городе Стражнице. Вскоре этот город был захвачен венгерскими войсками и подвергнут страшному разорению. Это вынудило юношу вернуться в родной Нивнице.

В 17 лет Коменский поступает в латинскую школу города Пшерова, которую заканчивает с отличием. Время, проведенное в этой школе, насквозь пропитанной схоластически-догматическим духом, он во многом считал потерянным для себя. Наверное, уже тогда, видя полную непригодность существовавшей системы обучения и воспитания, Коменский вынашивает мысли о собственной педагогической системе.

После латинской школы Коменский прошел обучение в одной из школ секты «Чешские братья», готовившей своих учеников в проповедники. Как самый способный, юноша был отправлен общиной в Германию для получения высшего образования.

Так, в 19 лет он становится студентом богословского факультета Герборнского университета. Годы, проведенные в этом учебном заведении (1611–1613), сыграли огромную роль в идейном развитии Коменского. Большое влияние оказали на него профессора Альстред и Пискатор, которые были последователями взглядов хилиазма (мистической веры в тысячелетнее Царствие Христа на земле, в течение которого будут утверждены равенство всех и счастье каждого, идеальное благоденствие и добро). В частности, Альстред полагал, что изучение природы должно служить на благо человека и происходить с помощью наблюдения и опытов. Совокупность многих опытов ведет, по Альстреду, к индукции (умозаключению, идущему от фактов к общему утверждению), которая является «матерью науки».

В университетские годы Я.А. Коменский не только старательно изучает труды Платона, Аристотеля, Цицерона и других великих античных философов, но и сам задается вопросами об источниках и путях познания. Так появляются его работы «*Спорные вопросы, собранные в саду философии*», «*Берет ли всякое познание исток из ощущения*» и другие, в которых молодой ученый высказывает мысль о том, что мир познаваем и что «начало познания, безусловно, всегда исходит из чувства».

Окончив Герборнский университет, Я.А. Коменский отправляется в путешествие по Европе и добирается до Амстердама. После этого путешествия его зачисляют в знаменитый Гейдельбергский университет. Однако болезнь

вынуждает его оставить университет. Чтобы поправить здоровье, он идет пешком в Прагу, а оттуда в родную Моравию. Там в 1614 г. в возрасте 22 лет его назначают руководителем Пшеровской братской школы, в которой он некогда учился и в которой получил среднее образование. Назначение руководителем братской школы открывает новый период в жизни Я.А. Коменского. Увлеченный работой в качестве педагога-практика, он пишет «*Правила более легкой грамматики*» и «*Письма к небу*».

В 1618 г. община «Чешские братья» назначает Коменского пастором-проповедником и одновременно ректором братской школы в город Фульнек северной Моравии. В этом же году он женится на Магдалине Визовской, падчерице бургомистра города Пшерова. Все свои силы Коменский отдает улучшению жизни членов общины, с любовью и страстью занимается со своими учениками. Молодой Коменский вносит в организацию школьной работы большие изменения. Он хотел, чтобы обучение было привлекательным для детей, старался возбудить у них интерес к знаниям. Нарушая каноны тогдашней школьной жизни, он ввел наглядность как средство обучения, знакомил учеников на прогулках с реальной жизнью.

Следует напомнить, что Чехия в то время представляла собой самостоятельное королевство, входившее в состав Священной Римской империи, а потому имела право избирать своего короля и обладала относительной свободой и независимостью. Однако Габсбурги (династия, правившая в Австрии), стремясь укрепить свою власть, к началу Тридцатилетней войны захватили богатые районы Чехии и поставили во главе административного и церковного управления ими немецких феодалов.

Одержав победу в 1620 г., Габсбурги добрались до города Фульнека, где преподавал в то время Коменский. Вскоре над ним, как над активным протестантом и членом общины «Богемские братья», нависла серьезная угроза. С этого-то момента и начинается тяжелый и длинный период его скитаний. Беда за бедой настигают Коменского: в 1621 г. католики сожгли его дом – в огне погибают библиотека и ценные рукописи. В 1622 г. чума уносит из жизни его жену Магдалины и его обоих детей.

Он с глубокой скорбью покидает Моравию и скрывается в маленьком г. Брандисе, где пишет роман-трактат философско-социального содержания «*Лабиринт света и рай сердца*», в котором пытается пролить свет на природу человеческих взаимоотношений, а также устройство и жизнь общества. Как утверждают биографы, эта работа пронизана горечью – то, что видел Коменский в жизни, не могло радовать его. В нем автор-

Путник, размышляя о выборе профессии, разглядывает людей разного рода деятельности и описывает их нравы. Под пером Коменского получают яркую характеристику ремесленники, купцы, торговцы, ученые, медики, юристы и т. д. Их имена говорят сами за себя – Себялюб, Сластолюб, Малознай, Предубежденный, Неопытный, Слухосуд, Легкомысл, Поспех, Коекак, Хочутак.

1624 г. становится счастливым для Коменского – он знакомится с дочерью епископа Марией-Доротеей и женится на ней. Доротея во многом разделяет взгляды мужа и становится активным деятелем движения «братьев». Летом 1626 года обстоятельства вынуждают супругов укрываться в северо-восточной Чехии в замке помещика Иржи Садовского. Здесь Коменский пишет дидактические работы на чешском языке, которые послужили началом «*Великой дидактики*».

С 1627 г. официальной религией в Чехии провозглашается католичество, а потому Коменскому приходится оставить родину и перебраться в Польшу. Поселяется он в польском городе Лешно, который издавна служил убежищем для «Чешских братьев». В Польше Коменский проводит долгих 28 лет.

Вскоре после переезда он начинает преподавать в гимназии «братьев» естествоведческие предметы, а в 1635 г. его избирают на должность ректора гимназии. В эти годы Я.А. Коменский создает «*Материнскую школу, или О заботливом воспитании юношества в первые* шесть *лет*» (1628), работает над «*Великой дидактикой*»[1], пишет учебник латинского языка «*Открытая дверь языков и всех наук*». Рукопись «*Великой дидактики*» Коменский отправляет другу Иоахиму Гюбнеру с просьбой высказать мнение об этой работе. И неожиданно получает отрицательный отзыв! Тогда Коменский откладывает издание своего произведения. И только спустя 29 лет оно было опубликовано в Амстердаме в «*Полном собрании дидактических сочинений*».

В городе Лешно он задумал свою «*Пансофию*» (в переводе с греческого *пан* – все и *софия* – мудрость, т. е. охватывающая все мудрость) – научно-педагогическую работу. Его идея состояла в том, чтобы описать результаты и последние достижения ученых о мире, которые надлежало человеку его времени усвоить в возрасте до 24 лет. К удивлению автора, английский меценат, крупный коммерсант и к тому же образованный человек Самуэл Гартлиб, пользующийся большим влиянием в английском парламенте, ставит вопрос о приглашении Коменского в Англию для осуществления идеи пансофии. В соответствии с этим С. Гартлиб заявляет о необходимости учреждения в Англии международной коллегии наук, которая смогла бы обобщить и

свести воедино все достижения из различных областей науки и знания.

В 1641 г. Коменский прибывает в Лондон и гостит в семье Гартлиба. Но… страна охвачена огнем гражданской войны и английскому парламенту не до развития образования и культуры, а потому грандиозным планам Коменского не суждено было осуществиться. Однако пребывание в Англии оказалось для него плодотворным: он успевает написать труд пансофического характера «*Путь света*», в котором развивает идею всеобщей гармонии и мира между народами. Великий мыслитель и просветитель ставит вопрос о создании международного языка, об учреждении всемирного совета! И это в 17 веке!

Несколько разочаровавшись в реализации идеи «*Пансофии*» и приостановив работу над ней, Коменский занялся вопросами методики преподавания латинского языка. В 1646 г. он представляет в Стокгольме Высшему жюри университета, куда был приглашен, свои дидактико-методические труды и в их числе работу – «*Новейший метод преподавания языков*», в которой излагает методику преподавания латинского языка, основанную и построенную на индуктивном методе. «Сперва – пример, затем – правило; предмет и параллельно – слово; свободное и осмысленное усвоение, а не мучительное зазубривание». Вот основные начала нового метода.

В 1648 г. умирает главный епископ «Чешских братьев», и синод приглашает на эту должность Коменского. Он возвращается в Лешно, где ему суждено стать последним руководителем общины «Чешских братьев».

В 1650 г. судьба приводит Коменского в Венгрию. Там ему оказывает покровительство граф Сигизмунд Ракочи, который предлагает ему стать консультантом руководства школой в г. Сарос-Патаке и осуществить свой пансофический план. Коменский охотно принимает это приглашение, поскольку в Венгрии «Чешским братьям» оказывают помощь и содействие.

Венгерский период, длившийся четыре года, стал одним из самых плодотворных периодов в жизни Коменского. Великий педагог сумел открыть три по-новому организованных класса, наладить в них обучение по своим учебникам и в духе «*Великой дидактики*». Из педагогических трудов этого времени наиболее значимыми стали сочинения «*О культуре природных дарований*», «*Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом культуры природных дарований*», «*Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости*», «*Законы хорошо организованной школы*», «*Похвала истинному методу*», «*О пользе точного наименования вещей*», «*Правила поведения, собранные для*

юношества в 1653 году». В это же время была написана книга «*Мир чувственных вещей в картинках*», которая чрезвычайно быстро распространилась по всей Европе как учебник для изучения латинского языка. Этот учебник интересен тем, что в нем последовательно реализован принцип наглядности преподавания. Он выдержал бессчетное число изданий, и в переработанном виде варианты его использовались в европейских школах до конца XIX в.

Но политические события вновь вторгаются в жизнь Коменского, он вынужден покинуть гостеприимную Венгрию и переехать в Амстердам. Здесь в 1657 г. по постановлению сената и при материальной поддержке ван Геера было осуществлено издание полного собрания дидактических сочинений Яна Коменского в двух томах.

С начала 60-х гг. семидесятилетний Коменский почти полностью отходит от педагогики и последние 10 лет своей жизни посвящает деятельности по освобождению своей многострадальной родины. В 1667 г. он публикует работу «*Ангел мира*», в которой призывает человечество к миру и решению спорных вопросов государств на основе доброй воли – без оружия и насилия.

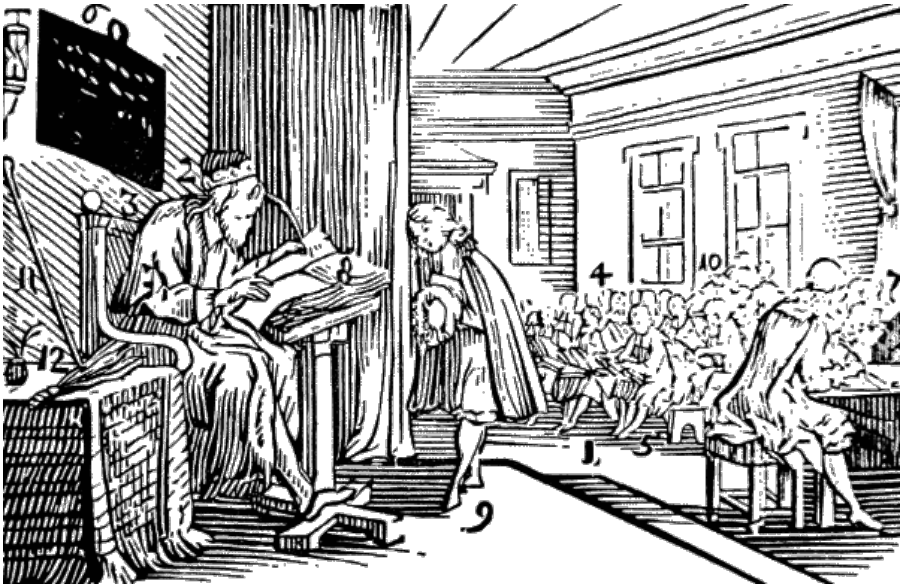
В сочинении «*Единственно необходимое*» Коменский подводит итоги своей жизни. Он с горечью пишет: «Вся моя жизнь протекала не на родине, а в непрерывных скитаниях, мое пристанище постоянно менялось, нигде не находил я себе прочного приюта».

«*Продолжение братского завещания*» – это автобиография великого гуманиста, мыслителя, педагога. Оно стало последним его сочинением.

Скончался Ян Амос Коменский скончался 15 ноября 1670 г.

Похоронен в Наардане, вблизи Амстердама.

Часть I
О воспитании детей в первые шесть лет жизни



От составителя

Трактат «Материнская школа», написанный на чешском языке в 1628 г., относится к ранним педагогическим произведения Яна Амоса Коменского. Спустя пять лет после написания работа была переведена и издана на немецком, польском, английском языках.

В этой книге автор раскрывает свои взгляды на дошкольное воспитание. Почему Коменский поднял этот вопрос, почему его волновали проблемы воспитания ребенка в первые шесть лет? Потому что «…каково начало, таково и все». Эти слова звучат в самом начале его педагогического труда. Для него совершенно очевидно, что в данный период закладываются нравственные качества личности, формируются способности человека. Это положение значительно позже было доказано многочисленными психологическими исследованиями.

Одним из первых (после греческого мыслителя Платона) Я.А. Коменский предлагает родителям, выражаясь современным языком, развернутую программу дошкольного воспитания, четко обосновывает его задачи, содержание, способы и результаты. В частности, пишет о том, что должен знать ребенок шести лет из географии, истории, астрономии, арифметики, геометрии и других наук.

В работе дано немало практических советов и рекомендаций для родителей. Так, например, Коменский советует женщинам в пренатальный период быть умеренными, спокойными, уравновешенными, так как он связывает психическое и физическое состояние будущей матери с психическим и физическим состоянием ее ребенка.

Но не только о физическом здоровье детей печется Коменский. Он думает о том, как подготовить малыша к жизни, как дать ему практические навыки. Чтобы ребенок овладел действиями с предметами, он рекомендует родителям широко использовать в качестве орудий труда игрушки. Советует поощрять активность и предприимчивость ребенка, которые всегда свидетельствуют о его здоровье и живом уме. Духовно-нравственное воспитание невозможно, как считает ученый, если родители не являются образцом для подражания, если они пренебрегают разумными наставлениями.

Не обходит он своим вниманием и вопрос о наказании. Наказание должно быть легким и сразу сменяться похвалой, если ребенок стал вести себя как подобает. Если же он упорствует в непослушании, его следует наказать – прибегнуть к розгам. «Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит

предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розга и для чего она служит». Последний постулат и по сей день вызывает жаркие споры, но одно бесспорно – родительская любовь всегда должна сочетаться с разумной требовательностью.

Говоря о воспитании, Коменский рекомендует не отдавать детей в школу ранее шестилетнего возраста. Этим он подчеркивает исключительную важность дошкольного периода в жизни человека, когда для его развития должны быть созданы особые условия. Но и «…задерживать ребенка дома более шести лет» он не рекомендует. По мнению педагога, только школа может обеспечить дальнейшее полноценное развитие ребенка, при условии, если ребенок готов к обучению как физически, так и морально. Задача родителей – воспламенять желание детей учиться, развивать в них интерес и любовь к школе.

Материнская школа или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет

Основа всего государства состоит в правильном воспитании юношества.

Цицерон

…Всем, на кого падает какая-либо часть попечения о детях, привет!

После того как я решил напомнить всем вам, возлюбленные, о вашей обязанности, представляется необходимым предпослать три следующих положения.

Какие драгоценные сокровища дарует Бог тем, кому он вверяет залог к жизни.

С какою целью он дает это.

И к каким целям нужно направлять корабль воспитания.

Юношество до такой степени нуждается в хорошем воспитании, что, лишившись его, должно было бы погибнуть.

Высказав эти три положения, я приступаю к своему начинанию.

Под твоим руководством, Отец, от которого именуется всякое рождение на земле и на небе, я по порядку изложу нужное вам искусство воспитания в приложении к первому нежному возрасту.

Глава I

Так как дети являются драгоценнейшим даром Божиим и ни с чем не сравнимым сокровищем, то к ним нужно относиться с величайшей заботливостью.

<…>Что для родителей дети должны быть милее и дороже, чем золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни, …это можно заключить из взаимного сравнения тех или других. Именно: во-первых, золото, серебро и другие такого рода предметы суть вещи неодушевленные и ни что иное, как попираемый ногами прах, лишь немного более обработанный и очищенный, а дети – живые образы живого Бога.

Во-вторых, золото и серебро суть вещи внешние, а дети – это те создания, которые создал Бог первыми.

В-третьих, золото и серебро – вещи ненадежные, а дети –

бессмертное наследие. Ибо хотя многие из детей умирают, …они не обращаются в ничто и не погибают, а только переходят из смертной оболочки в бессмертное царство.

В-четвертых, золото и серебро переходят от одного к другому, как бы не принадлежа никому, а являясь общим всем, а дети являются для родителей таким достоянием, что нет никого в мире, кто мог бы лишить кого-либо этого права, отнять у него это достояние.

В-шестых, у в кого в доме есть дети, тот может быть уверен, что в его доме присутствуют ангелы; всякий, кто обнимает руками маленьких детей, пусть не сомневается, что обнимает ангелов. Как это значительно!

Наконец, серебро, золото, драгоценные камни не могут научить нас ничему иному, чему учат другие творения, а именно – мудрости, могуществу, благости. А дети нам даются как зерцало скромности, приветливости, доброты, согласия и других добродетелей.

Глава II

Для каких целей Бог дает детей и к чему следует стремиться при их воспитании.

Люди приучают вола к пахоте, собаку к охоте, коня к верховой езде и к перевозке тяжестей, потому что они созданы для таких целей и их нельзя приспособить для других целей. Человек – более высокое создание, чем все эти животные, – должен быть приведен к самым высоким целям.

Поэтому родители недостаточно исполняют свой долг, если научают своих детей есть, пить, ходить, говорить, украшаться одеждами, ибо все это служит только для тела, которое не есть человек, а служит хижиной для человека. Хозяин этой хижины (разумная душа) обитает внутри; о нем и следует заботиться больше, чем о внешней этой оболочке.

Родителям нужно заботиться о том, чтобы кроме упражнения в вере и благочестии, давать своим детям возможность приобретать изящные культурные навыки и обучаться свободным искусствам и всему необходимому для жизни.

Словом, должна быть твердо установлена троякая цель воспитания юношества: вера и благочестие, добрые нравы, знание языков и наук. И все это в том самом порядке, в котором предлагается здесь, а не наоборот.

Глава III

Юношество неизбежно нуждается в воспитании и в правильном обучении.

Однако никто не должен думать, что юношество само по себе и без усиленного труда может быть воспитано (в благочестии, добродетелях и в науках). Если прививок, из которого должно вырасти дерево, требует, чтобы его привили, посадили, поливали, обнесли изгородью и дали ему подпорки; если материал для деревянной статуи необходимо срубить, расколоть, обскоблить, вырезать, отполировать и окрасить в различные цвета; если коня, быка, осла, мула нужно приучить к тому, чтобы они могли служить человеку; мало того, если сам человек нуждается в упражнениях, чтобы привыкнуть к еде, питью, бегании, разговору, к хватанию рукой, к работе, – каким же образом, спрашиваю я, кому-нибудь само собою может достаться обладание более высокими и более удаленными от внешних чувств качествами веры, добродетели мудрости и знания? Это совершенно невозможно.

Именно поэтому Бог возложил на родителей обязанность с величайшей старательностью внедрять в самый нежный ум и искусно внушать ему относящееся к познанию Бога и страху Божию и говорить об этом детям, дома ли они или гуляют, спят или встают.

Но так как часто родители или не способны воспитывать детей или вследствие занятия служебными или семейными делами не имеют времени на это, а другие даже относятся к этому с пренебрежением, то, по мудрому и спасительному решению, издревле было установлено, чтобы в каждом государстве образование юношества, вместе с правом наказания, поручалось мужам мудрым, благочестивым и почтенным.

Их зовут педагогами, магистрами, наставниками и учителями, а места, назначенные для таких занятий, коллегиями, гимназиями, школами (т. е. местами отдыха или литературных развлечений); этим названием указывается на то, что дело обучения и ученья само по себе и по своей природе приятно и сладко и представляет собой чистую игру и забаву для духа.

Однако в последующие времена обучение уклонилось безмерно далеко от первоначального своего приятного характера, так что школы стали для молодежи не местом игры и наслаждения, а местом тяжелой работы и мучения, особенно в некоторых случаях, когда юношество вверялось людям глупым, совершенно чуждым благочестия и мудрости Божией, от безделья ослабевшим, низким, подававшим самый дурной пример, продававшим себя за деньги в качестве учителей и наставников. Они учили юношество не вере, благочестию и добрым нравам, но

суеверию, нечестию и дурной нравственности. Будучи совершенно незнакомы с настоящим методом и желая все вдолбить силою, они страшно мучили учеников.

Хотя наши предшественники вместе с церковной реформой кое-что из этого исправили, однако Бог нечто сохранил и до нашего времени, чтобы к своей славе и нашему утешению исправить это более легким, сжатым, основательным преподаванием.

Теперь с Божиею помощью мы приступаем к изложению идеи этого воспитания, применяемого преимущественно в первое шестилетие жизни в материнской школе.

Глава IV

В каких занятиях постепенно должны упражняться дети с самого рождения, чтобы на шестом году своей жизни они оказались усвоившими эти упражнения.

Кто не знает того, что сучья многолетнего дерева сохраняют то самое взаимное расположение друг к другу, по которому они должны были образовываться с самого возникновения. Ведь иначе не могло и быть. Кто мог бы надеяться, что у животного также разовьются когда-либо впоследствии все его члены, если оно не получило зародыша их в начале своего формирования, кто мог бы исправить какое-либо животное, если оно появится на свет хромым, слепым, неполным или увечным? Следовательно, и человек в начале образования тела и души должен быть создан таким, каким он должен быть в течение всей жизни.

Правда, Богу было бы легко обратить закоренелого порочного человека в честного и сделать иным. Однако обыкновенно бывает так, что как что-либо стало образовываться с самого начала, таким останется до конца и в старости приносит те же самые плоды, семена которых получило в молодости. С этим согласна и известная пословица: «Занятия молодости – наслаждение старости».

Поэтому родители не должны откладывать воспитание до обучения своих детей учителями и служителями церкви (так как невозможно уже выросшее кривое дерево сделать прямым и лес, повсюду усеянный терновыми кустами, превратить в огород). Они сами должны изучить способы обращения со своими сокровищами, согласно с их ценностью, чтобы под их собственным руководством дети начинали возрастать в мудрости и любви у Бога и людей.

И так как мы сказали, что всякий, кто хочет жить на пользу Богу и людям, должен быть воспитан в благочестии, добрых

нравах и полезных науках, то эти основы родители должны закладывать в первые годы жизни.

Истинное и спасительное благочестие возможно лишь при соблюдении следующих требований:

● наше сердце, будучи всегда и везде обращено к Богу, должно искать его во всех делах;

● идя по стопам Божественного провидения, оно всегда и везде должно относиться со страхом, любовью и послушанием;

● поэтому, всегда и везде помня о Боге, обращаясь к Богу и соединяясь с Богом, оно должно наслаждаться миром, радостью и утешениями.

Это есть истинное благочестие, приносящее человеку рай Божественного наслаждения; его основы преподносятся ребенку до шести лет: он должен знать, что Бог существует, везде присутствуя, взирает на всех нас; тем, кто за Ним следует, дарует пищу, питье, одежду и все; людей строптивых и безнравственных наказывает смертью; Его следует бояться и всегда призывать и любить как отца; нужно исполнять все то, что Он повелевает; если мы будем добрыми и честными, Он примет нас на небо и пр.

А что касается добрых нравов, то дети должны отличаться:

● *умеренностию*: их нужно научить есть и пить сообразно с требованием природы; не объедаться и не переполняться пищей и питьем сверх необходимости;

● *опрятностью*, чтобы они научились соблюдать правила приличия при еде, в одежде и в попечении о теле;

● *почтительностью* к старшим, чтобы они научились относиться с уважением к их действиям, словам и взглядам;

● *предупредительностью,* чтобы они по знаку и слову старших готовы были немедленно выполнить все;

● крайне необходимо, чтобы они научились *говорить правду,* чтобы все их речи были, по учению Христа: что есть – то есть, чего нет – того нет. Пусть же никогда не приучают их лгать и говорить не то, что есть, серьезно или в шутку;

● также нужно приучать их к *справедливости,* чтобы они не касались ничего чужого, не трогали, не брали тайно, не прятали и не причиняли кому-либо вреда;

● нужно также внушать им *благотворительность;* чтобы они были щедрыми, а не скупыми и завистливыми;

● чрезвычайно полезно *приучать их к труду,* чтобы они привыкли избегать ленивого досуга;

● их нужно *приучать не только говорить,* но и молчать, где это необходимо: во время молитвы или когда говорят другие;

● нужно приучать их к *терпению*, чтобы они не думали, что все должно являться к ним по мановению их руки; с раннего

возраста постепенно они должны приучаться обуздывать страсти;

● так как деликатность (гуманность) и готовность служить старшим является особенным украшением юности, то будет уместным, чтобы и к этому они также приучались с детства;

● пусть они научатся *изяществу* манер, чтобы к каждому умели проявлять деликатность, умели приветствовать другого, подавать руку, наклонять колено, благодарить за одолжение и др.;

● а вместе с тем они должны приучаться *держать себя с достоинством*, во всем вести себя сдержанно и скромно.

<…>Что касается свободных искусств, то они делятся на три разряда. Ведь мы учимся одно – знать, другое – делать, третье – говорить, или лучше – всему (знать, действовать, говорить), кроме дурного.

В первые шесть лет ребенок познает следующее:

● он узнает названия стихий: огня, воздуха, воды, земли и научится называть явления природы – дождь, снег, узнает, что такое свинец, лед, железо и пр. Знает названия деревьев, трав и цветов; также научится различать животных: что такое птица, конь, корова и пр.; наконец, как называются части тела, для какой цели они предназначены: уши – чтобы слушать, ноги – чтобы бегать и пр.

● Из оптики им будет достаточно знать, что такое тьма, что такое свет и различия некоторых более употребительных цветов, а также их названия.

● Он отличает солнце от луны, знает про звезды. Ему известно место, где он родился и где он живет: деревню, город, крепость или замок. Знает, что такое поле, гора, луг, лес, река и пр.

● Что такое час, день, неделя, месяц, год, что такое весна, лето и пр.

● Он может запомнить, что произошло вчера, сегодня, в прошлом году, два или три года назад; правда, это воспоминание может быть туманным.

● Ребенок должен знать, кто входит в состав его семьи и кто нет.

● Знать кого-либо из общественных деятелей в государстве: консула, сенатора или судью; знать, что граждане иногда собираются на совещания и пр.

● В первые шесть лет ребенок должен научиться понимать, что такое вопрос, что такое ответ и на предложенный вопрос отвечать прямо, а не так, чтобы на вопрос о чесноке рассказывал о луке.

● Что касается арифметики, ребенок будет знать, что такое

много или что такое мало и будет уметь считать до 20 или до 60 и будет понимать, что 3 более 2, 3 и 1 = 4.

● Он знает, что значит малое или большое, короткое или длинное, узкое или широкое, тонкое или толстое, также, что такое четверть, локоть, сажень.

● Музыкальное развитие детей будет состоять в том, что они смогут спеть на память какой-нибудь стих из псалмов или гимнов.

● Началом какого-либо ремесла или труда явится умение рубить, колоть, сечь, строить, располагать, связывать, развязывать, сваливать в кучу, разваливать.

Что касается развития языка, то он совершенствуется грамматикой, риторикой и поэтикой.

● В первые шесть лет ребенок должен уметь назвать столько вещей, сколько их знает, хотя и с ошибками, но отчетливо, чтобы его можно было понять.

● Риторика – это умение пользоваться жестами, а также использовать выражения, которые они слышат.

● Начало поэтики закладывается заучиванием наизусть стихов.

Далее, нужно идти с детьми вперед, не распределяя учебный материал с точностью по годам или месяцам по следующим причинам:

● не все родители могут соблюдать дома порядок, какой бывает в общественных школах, где никакие исключительные дела не нарушают порядка работы;

● в раннем детском возрасте не все дети обладают одинаковыми способностями: некоторые дети начинают говорить на первом году жизни, а некоторые – только на втором или даже на третьем.

Итак, я покажу, каким образом в первые шесть лет нужно образовывать и воспитывать детей в понимании вещей; в физических трудах и в ловкости; в искусстве речи; в нравах и добродетелях; в благочестии; так как основой всего этого является крепкое здоровье, то прежде всего будет указано, каким образом, при тщательном попечении родителей, можно сохранить детей здоровыми и невредимыми.

Глава V

Каким образом должно развивать у детей здоровье и силу.

Так как обучать детей можно только в том случае, если они будут живы и здоровы (ведь с больными и хилыми не достигнешь никакого успеха), то первая забота родителей оберегать здоровье

детей. Это обязанность преимущественно матерей, а потому необходимо здесь к ним и обратиться с советами.

Женщины, когда они беременны, должны заботиться о себе, чтобы как-нибудь не повредить своему ребенку. Поэтому они должны соблюдать воздержание и умеренность, чтобы объядением и опьянением или несвоевременным постом, простудами и пр. не изнурять себя и не подрывать своих сил, чтобы не губить и не ослаблять своего ребенка. Женщинам нужно избегать также всякого излишества. Они не должны на что-либо наталкиваться, обо что-либо ударяться или даже неосторожно ступать, так как всем этим легко повредить слабого и еще не окрепшего во чреве ребенка. Беременной женщине необходимо строго воздерживаться от всяких волнений, чтобы не предаваться внезапному страху, не слишком сердиться, не мучиться, не терзаться и пр. Ведь если она не будет этого остерегаться, у нее может родиться робкий, раздражительный, беспокойный, печальный ребенок. И что еще хуже, вследствие внезапного страха и чрезмерной раздражительности, может быть выкидыш или родившийся ребенок может быть слабого здоровья. Беременная не должна ослаблять себя излишним сном, вялостью и бездельем, но в выполнении работ она должна быть бодрой и веселой. Ведь какова она, такого же характера она родит и ребенка и пр. Остальные советы дадут опытные врачи и почтенные матери.

Когда ребенок уже родился, родители тотчас должны позаботиться о соответствующем для него питании. При этом должно обратить внимание на то, чтобы мать сама была кормилицей и не отталкивала от себя своего ребенка и не меняла теперь своего питания.

Отчуждение детей от их матерей и вскармливание их молоком кормилиц (если это только не вызывается каким-либо неизбежным случаем или слабостью матерей) прежде всего противно Богу и природе, во-вторых, вредно для детей, в-третьих, гибельно для самих матерей, в-четвертых, совершенно не заслуживает уважения и достойно сильнейшего порицания.

Отказывать в груди собственным детям не соответствует материнскому назначению.

А какое зло получается в том случае, если детей кормит не мать, но наемная кормилица, я это поясню на примерах трех римских императоров.

По свидетельству Лампридия, всю свою жизнь Тит был подвержен болезням потому, что у него была больная кормилица. Калигула был дикий зверь в человеческом обличии: причину этого приписывали не родителям, а кормилице, грудью которой он питался; она, кроме того, что была злая и безбожная, кормила

его грудью, обыкновенно намазывая ее кровью. Отсюда он стал настолько свирепым, что не только охотно проливал человеческую кровь, но даже лизал языком кровь, оставшуюся на мече, никогда не чувствуя удовлетворения своей кровожадности. Он осмелился пожелать, чтобы у всех людей была только такая шея, которую можно было срубить одним ударом. Цезарь… предавался пьянству: его кормилица не только сама была любительницей вина и пьяницей, но и приучила его с детства к супу с вином.

Позже, кормя ребенка грудью, можно постепенно приучать его к другой пище. Эта пища должна быть мягкой, сладкой, легко перевариваемой. Приучать маленьких детей к лекарствам, как у некоторых в обычае, крайне вредно.

Во-первых, лекарства являются препятствием для естественного пищеварения в желудке и, следовательно, мешают росту. Лекарства и пища противоположны друг другу: пища дает телу кровь и жизненные соки и увеличивает их, а лекарство противодействует им, удаляет и изгоняет их. Кроме того, принимаемое сверх необходимости лекарство становится привычкой и теряет свою силу, а потому в необходимых случаях не дает никаких последствий, так как организм ребенка к нему привык. Мало того, отсюда следует (что важнее), что дети, привыкшие к лекарствам в нежном возрасте, никогда не достигают полного развития сил и крепкого здоровья, их силы слабы, они становятся больными, бледными, слабосильными, страдают нарывами, ускоряют свой конец и преждевременно умирают.

Поэтому, возлюбленные родители, если вы желаете быть мудрыми, не давайте вашим детям без необходимости лекарства, также горячего и острого. Кто кормит детей такого рода блюдами и поит такими напитками, тот делает нечто подобное неразумному садовнику, который, желая, чтобы дерево быстро выросло и расцвело, посыпает корень известью, чтобы согреть его. Конечно, верно, что это растение быстрее будет расти и пустит почки, но быстрее начнет засыхать и вянуть и в середине своего роста совершенно погибнет. Детям и остальным созданиям в нежном возрасте Бог назначил и определил в пищу молоко; значит, их нужно питать им. А как только их можно будет отнять от груди, их нужно питать подобною же пищей, – давая ее, однако, в умеренном количестве, – а именно: хлебом, маслом, кашами, какими-либо овощами, водою и легкими фруктовыми напитками; и дети будут расти, как травка у текучей воды; нужно лишь предоставлять им умеренный сон, частые игры, легкие движения. Спартанцы, умнейшие из всех народов, которые когда-

либо жили на земле, особенно заботясь о правильном воспитании юношества, государственными законами строго запретили пить вино молодым людям до двадцати лет. Если таким образом юношеству воспрещено было употребление вина, то что сказали бы они теперь о водке, которая одинаково губит и юношей и старцев?

И вообще за здоровьем детей нужно следить с величайшей тщательностью, так как их тело хрупко, кости мягки, кровеносные сосуды слабы, ни один член еще не развился вполне и совершенно. Итак, нужна разумная предусмотрительность в том, как ребенка взять на руки, приподнять, носить, положить, спеленать, качать в колыбели, чтобы по неосторожности не повредить ему, как бы он не упал, не ушибся, в результате чего не лишился зрения или слуха, не стал хромым или увечным. Ребенок – более дорогое сокровище, чем золото, но он более хрупок, чем стекло, легко может быть искалеченным, а происходящий отсюда вред непоправим.

Будет также полезно соблюдать упорядоченный образ жизни, а именно: несколько раз в день ребенку нужно ложиться спать и снова вставать, несколько раз его кормить или развлекать игрой, так как это весьма полезно для здоровья и является основой порядка в будущем. Хотя это кому-нибудь может показаться смешным, однако, действительно детей можно приучить к довольно приличному и приятному порядку.

Как огонь немедленно гаснет, если не будет иметь притока воздуха и постоянного движения, так и дети должны иметь ежедневные упражнения и быть в движении. Для этого младенцев укачивают в колыбели, переносят с места на место, катают в колясочках (пока они сами не будут в состоянии двигаться и бегать). А когда подросший ребенок начинает ходить, можно ему позволить выполнять то или другое дело. Чем больше ребенок что-либо делает, бегает, играет, тем лучше он растет, тем легче варит его желудок, тем сильнее он физически и духовно.

Как гласит пословица: веселое настроение – половина здоровья; Сирах же утверждает: веселие сердца есть сама жизнь человека. Не будем пренебрегать советом мудрых. А потому все родители должны стремиться, чтобы у детей не было недостатка в развлечениях. Например, на первом году настроение у них поднимается от раскачивания в колыбели, от пения, всевозможных звуков, ношения по двору или по саду или даже поцелуев, объятий… На втором, третьем, четвертом году они получают удовольствие от игры, беганья, слушания музыки, приятных зрелищ, рисования и т. д. Ребенку ни в каком случае не нужно отказывать в том, что ему угодно и приятно; мало того,

если к тому, что приятно для зрения, слуха и других чувств, будет замечен какой-либо интерес, то это укрепит тело и дух. Не следует допускать только того, что противно благочестию и добрым нравам.

Глава VI

Каким образом нужно упражнять детей в понимании вещей.

Дело родительской мудрости не только заботиться о том, чтобы их дети были живыми или чтобы у них было накоплено как можно более богатства, но и из всех сил стремиться к тому, чтобы ум их наполнить мудростью. Ведь мудрость дороже драгоценных камней и жемчужин, и все, к чему люди стремятся, нельзя сравнивать с мудростью.

Но задумайтесь, родители, когда нужно начинать с детьми эти упражнения в мудрости. Соломон говорил, что он получил наставления от отца своего в раннем детстве. И хотя он был единственным ребенком у матери, однако, она не препятствовала его образованию. Равным образом и нашим детям еще в младенческом возрасте можно дать понимание природных и других явлений.

Физическая жизнь у только что родившихся детей заключается в том, чтобы есть, пить, спать, переваривать пищу, расти. Только на втором или на третьем году они начинают понимать, что такое папа, что такое мама, пища или питье и пр. Скоро они станут понимать, что такое вода, что такое огонь, что такое ветер, что холод, что жара, что корова, что собачка, а также и некоторые различия естественных вещей. Это внушат им няньки, обнимая их, нося на руках и говоря: «Вот лошадь, вот птица, кошка и т. д.». На четвертом, пятом, шестом году жизни они могут делать все большие и большие успехи в понимании тех же самых вещей.

Свет – первое, что может видеть ребенок, и он привлекает к себе его глаза. Однако должно следить за детьми и не позволять им пристально смотреть на слишком сильный свет и на блестящие предметы, которые притупляют остроту зрения, которое только что укрепляется. Нужно позволять им смотреть на умеренный свет, а особенно на зеленый. На второй и третий год можно показывать детям красоты небесного свода, деревьев, цветков текущей воды, надевать на них красивые одежды и пр., так как все это дети рассматривают с удовольствием. Мало того, острота зрения и мысли развиваются, если дети смотрят в зеркало. На четвертом году и в последующие годы знания о мире

надо расширять еще больше: следует выводить детей в огород, поле и пр. или к реке, чтобы они рассматривали животных, деревья, травы, цветы, текущую воду, движение мельничных колес… Дома рассматривали рисунки в книгах, картины на стенах и пр.

На третьем году жизни они смотрят на небо и устанавливают различие между солнцем, луною и звездами. На четвертом и на пятом году в состоянии наблюдать, что солнце и луна всходят и заходят; луна иногда бывает полная, а иногда серпом – на это можно и должно также указывать детям. На шестом году можно, пожалуй, им сообщить, что зимой дни самые короткие, а ночи самые длинные, а летом день напротив – длинный, а ночь – короткая и пр.

На втором и на третьем году дети знают комнату, в которой они живут. Они должны понимать, когда нужно идти гулять, есть, ложиться спать, где светло или тепло. На третьем году они запоминают, как называются помещения в доме – сени, кухня, спальня, то, что находится на дворе: конюшня, сарай, огород. На четвертом году, гуляя, они знают, как пройти к рынку, к соседу, к дяде, к бабушке, к тетке, к своему воспитателю.

Их нужно также учить различать время, а именно: что есть день, а что – ночь, а также, что такое утро, вечер, полдень, полночь. Далее родители должны им сказать, что неделя имеет семь дней и какой день за каким следует; когда придет праздник; когда наступит время собирать виноград.

Как только дети начнут говорить, надо им задавать вопросы: «Кто тебе это дал? Где ты был вчера? Где ты был в среду? Пусть ребенок отвечает: у деда, у бабки, у тетки и пр. Какой подарочек ты оттуда принес? Что обещал дать тебе твой крестный отец?». Что-то из этого задержится в их памяти (детская память начинает собирать себе сокровища). Нужно, чтобы собирала она только доброе и полезное, а что противно добродетели, то не должно попадаться им на глаза.

На четвертом и пятом году они должны приучаться к бережливости; отличать праздничную одежду от будничной, и первую беречь; не рвать, не пачкать. Так они поймут, где хранится одежда – в сундуках, шкафах, которые находятся в кладовых, подвалах, для чего нужны замки и ключи. Что касается утвари, то о ее предназначении они узнают от родителей, от нянек, от старших братьев или сестер и из домашнего разговора. В этих целях особенно полезно давать детям для игры деревянных или оловянных лошадок, коровок, овечек, колясочки, горшочки, столики, стульчики, кружки; они будут служить им не только для игры, но и для понимания вещей. Ведь это и означает: учить

маленьких детей жизни.

Нужно учить и наставлять детей, чтобы они понимали, что говорится в шутку или серьезно, а также, чтобы они знали, когда на шутку должно отвечать шуткой, а когда говорят серьезно. Без всякого затруднения они научатся понимать это по выражению лица и жестов.

Развивается ум детей и когда им читают басни и другие искусно сочиненные рассказы. Такого рода маленькие рассказы дети охотно слушают и легко их запоминают. Так как в такие искусно составленные басни вкладывается какая-либо нравственная идея, то это занимательно для ума и должно принести им пользу.

Хотя родители могли бы принести детям немало пользы, однако, еще более полезны детям сверстники, все равно – рассказывают ли они что-либо один другому или играют. Одинаковый детский возраст, одинаковые успехи, нравы и привычки более способствуют взаимному развитию, так как глубиною изобретательности один другого не превосходит. Между ними нет никакого стремления к господству одного над другим, никакого принуждения, никакого страха, но одинаковая любовь, искренность, свободные о каждом деле вопросы и ответы. Когда мы вращаемся среди детей, этого нам, старшим, всегда не хватает, а этот недостаток является препятствием в общении.

Итак, следует не только позволять, но даже принимать меры к тому, чтобы дети ежедневно посещали компании детей и вместе с ними играли на улицах или бегали с ними. Нужно избегать только одного, чтобы дети не входили в испорченные сообщества, которые должны принести больше зла, чем пользы. Осторожные родители, заметив, что по соседству есть такое сообщество, легко предупредят эту опасность.

Глава VII

Каким образом нужно приучать детей к деятельной жизни и постоянным занятиям.

Дети охотно всегда чем-нибудь занимаются. Это весьма полезно, а потому не только не следует этому мешать, но нужно принимать меры к тому, чтобы всегда у них было что делать. Пусть они будут теми муравьями, которые всегда заняты: что-нибудь катают, несут, тащат, складывают, перекладывают; нужно только помогать детям, чтобы все, что происходит, происходило разумно, и указывать им даже, как играть (ведь заниматься серьезным они еще не могут). Рассказывают, что в древние времена юноша увидел, как афинский полководец Фемистокл на

песчаной площадке играет со своим сыном в лошадки. Когда Фемистокл заметил, что юноша удивляется тому, что столь знаменитый муж ведет себя столь по-детски, он просил его не рассказывать кому-либо об этом ранее, чем сам не будет иметь сына. Этим он давал понять, что, сделавшись сам отцом, он лучше поймет чувство родителей по отношению к детям и перестанет смущаться тем, что теперь считает ребячеством.

Так как дети стремятся подражать всему, что видят в других, то им нужно позволять это, за исключением тех случаев, когда они хотят пользоваться вещами, которыми они могут нанести себе вред, как, например, ножами, топорами, стеклом и т. п. А потому нужно иметь готовые игрушечные вещи: оловянные ножи, деревянные мячи, плуги, коляски, салазки, мельницы, домики и т. п.; играя с ними, дети будут развивать в теле здоровье, в уме – живость, а во всех членах – подвижность. Охотно строят они домики и выводят стены из глины, дерева, камней; здесь сказывается их природный дар строительства. Словом, во что бы ни захотели дети играть (лишь бы это не было вредным), им нужно помогать, а не мешать. Ведь им больше нечем заниматься, а безделье вредно для души и для тела.

Если дети научатся открывать рот для пищи, держать прямо голову, поворачивать глаза, брать что-либо рукою, сидеть, стоять, все это будет скорее делом природы, чем упражнения.

На втором и третьем году дети начинают понимать, что значит бегать, прыгать, различным образом поворачиваться, играть с чем-либо, зажигать, снова гасить, переливать воду, переносить что-либо с места на место, класть, поднимать, расстилать, ставить, вращать, свертывать, развертывать, сгибать, выправлять, ломать, колоть и пр.; все это нужно разрешать детям; больше того, при удобном случае, показывать им, как это делать.

Четвертый, пятый и шестой годы – это годы ручного труда и всяких строительных работ. Нехорошим признаком является бездеятельность. Если ребенок всегда бегает или всегда что-либо делает, это служит верным доказательством здорового тела и живого ума. Поэтому, как было сказано, за что бы ребенок ни взялся, не нужно не только ему мешать, но нужно помогать с тем, чтобы все, что делается, делалось разумно и подготовляло к дальнейшим серьезным трудам.

На четвертом или на пятом году жизни надо предложить им мел, уголь, с тем, чтобы они по желанию ставили точки, проводили линии, делали на бумаге крюки, кресты, круги. Можно показывать также способ, как это делать. Таким образом они приучатся держать в руках мел и писать буквы и узнают, что такое точка или линия; впоследствии это чрезвычайно облегчит

труд преподавателя.

Диалектика здесь может быть только натуральная и добытая опытом. Как ведут себя те, кто живет вместе с детьми – разумно или неразумно, так приучаются жить и дети.

Основы арифметики можно заложить только на третьем году, когда дети начнут считать сначала до пяти, а впоследствии до десяти или по крайней мере начнут ясно выговаривать эти числа, хотя бы вначале они и не понимали, что это значит. Потом они сами могут заметить, для какой цели служит счет. Если на четвертом, на пятом, на шестом году они научатся считать по порядку до двадцати и быстро различать, что семь больше пяти, пятнадцать больше тридцати, то этого будет достаточно. Какое число четное, какое нечетное, они без всякого труда поймут из игры, которую мы называем «чет-нечет». Упражнять в арифметике далее будет бесполезно и даже вредно.

Основы геометрии они в состоянии усвоить на втором году, отличая большое от малого; впоследствии они легко поймут, что такое короткое, длинное, широкое, узкое. На четвертом году они поймут различия некоторых фигур, например, что мы называем кругом, что линией, что крестом. Наконец они узнают, что такое дюйм, четверть, пядь, и пр. Они попытаются измерять, взвешивать и сопоставлять одно с другим.

Музыка для нас естественна. Как только мы являемся на свет, мы тотчас исполняем райскую песнь, которая напоминает нам о нашем падении: а-а! э-э! Плач – первая наша музыка, удержать от которой детей невозможно, а если бы даже и было возможно, то было бы вредно, так как плач приносит пользу здоровью. Ведь пока нет остальных упражнений в движениях, грудь и остальные внутренние органы таким способом освобождаются от того, что для них излишне. На втором году детям начинает доставлять удовольствие также и пение, игра на музыкальных инструментах. Детям нужно идти навстречу, чтобы их слух и сердце услаждались созвучием и гармонией.

На четвертом году некоторые поют сами; запоздалых не следует принуждать, но нужно им давать в руки свирель, бубен, детский струнный инструмент, чтобы, свистя, звеня, треща, они приучали слух к восприятию различных звуков или даже подражали им.

Распевая вместе с детьми и как бы играя с ними, родители и няньки совершенно без всякого труда могут внедрить эти песенки в их ум, так как память детей стала уже гораздо обширнее и восприимчивее, чем была раньше.

Глава VIII

Каким образом нужно искусно упражнять детей в употреблении языка.

Две особенности решительно отличают человека от животных: разум и речь; разум нужен человеку для самого себя, а речь – для ближнего. Поэтому нужно прилагать одинаковую заботу к тому и другому, чтобы и ум, и язык были у человека как можно более развиты и усовершенствованы. Прибавим теперь кое-что относительно образования речи, а именно, когда надо заложить основы грамматики, риторики и поэтики, и каким образом.

С шести месяцев, но, обычно, в конце первого года, в их языке начинают формироваться некоторые звуки или даже слоги: *а, е, и, ба, ма, та* и пр. На следующий год дети пытаются произносить целые слова. В это время обычно им предлагают произносить некоторые простые слова: *мама, папа, тетя;* так и необходимо поступать, ибо сама природа приказывает начинать с более легкого.

Однако не стоит позволять им говорить неправильно. Почему же мать, сестра, нянька не занимаются с детьми, которые уже свободно начинают говорить, и во время игр и развлечений не научат их произносить хорошо и отчетливо буквы, слоги и целые слова (однако сперва более короткие) или отдельные буквы или слоги?

На четвертом, пятом, шестом году вместе с пониманием окружающего мира речь детей будет обогащаться, только не следует пренебрегать упражнениями, чтобы они привыкли называть вещи своими именами, что видят и чем занимаются. Поэтому нужно часто ставить им вопросы: что это такое? что ты делаешь? как это называется? При этом всегда нужно обращать внимание на то, чтобы они произносили слова отчетливо, требовать от них большего нет необходимости. В этих занятиях можно использовать шутки и развлечения. Например, кто лучше и скорее произнесет какое-либо длинное слово, вроде *Тараташуара, Навуходоносор, константинопольцы* и пр.

На первом году жизни мы имеем обыкновение вводить детей в познание нас самих и в познание вещей известными жестами и действиями: когда мы поднимаем их с постели, кладем спать, показываем им что-нибудь или улыбаемся, то посредством всего этого мы показываем, чтобы они повторили за нами наши действия, засмеялись, протянули руки, взяли то, что мы им даем. Так и мы учимся понимать друг друга при помощи жестов. Ребенок на первом и на втором году может научиться понимать, что значит веселое и печальное лицо, что значит угроза пальцем, что значит утвердительный или отрицательный кивок головой.

Приблизительно на третьем году дети начнут понимать фигуральные выражения и повторять их, иногда спрашивая, что они означают. Из учения о тропах они могут понять не много. Однако, на пятом или на шестом году они услышат что-либо подобное от своих сверстников и также это усвоят. Нечего беспокоиться о том, чтобы в этом возрасте они это поняли или знали, так как они будут иметь еще достаточно времени для этих высоких слов. Я стремлюсь только к тому, чтобы показать, что корни всех наук и искусств заложены уже в нежном возрасте ребенка, и на этих основаниях строить все вполне возможно и нетрудно, лишь бы только с разумным существом мы действовали разумно.

Как только ребенок начинает понимать слова, то вместе с тем начинает любить также созвучия и ритмы. Поэтому, когда ребенок, упав, начинает плакать, няньки утешают его примерно так: «Мой мальчик, мой красавчик, где ты бегал? Что принес? Если бы дитя спокойно сидело, не вернулось бы с шишкой». Это до того нравится детям, что они не только умолкают, но даже смеются. Обыкновенно, похлопывая их по ручке, няньки поют: «О, мой ребенок, мой мальчик, спи, засни, сомкни прекрасные глазки, ни о чем не заботься».

Было бы хорошо, если бы на третьем и на четвертом году количество такого рода рифмованных песенок увеличилось. Пусть няни, играя, напевают их детям не только для того, чтобы отвлечь их от плача или убаюкать, но также и для того, чтобы они сохранились в их памяти и с течением времени могли быть им полезными. Хотя бы дети теперь и не понимали, что такое ритм или стих, однако они учатся замечать некоторое различие между обычной речью и стихами. Мало того, когда они будут учиться в школе, им будет приятно сознавать, что они ранее слышали стихи и даже знают их наизусть. Итак, детская поэзия состоит в том, чтобы, зная несколько ритмов или стишков, дети могли понять, что такое ритм или поэзия, и что такое простая речь. Этого достаточно знать о развитии способности речи и о том, как далеко и по каким ступеням нужно развивать ее у шестилетнего ребенка.

Глава IX

Каким образом нужно упражнять детей в нравственности и добродетелях.

Если бы кто-либо спросил, каким образом в столь нежном возрасте можно приучить детей к этим серьезным вещам, я отвечу: молодые деревца легче заставить расти так или иначе,

чем взрослое дерево; таким же образом гораздо скорее можно направлять ко всему доброму юношество в первые годы его жизни, чем впоследствии, используя при этом только некоторые приемы. Они следующие:

- постоянный образец добродетелей;
- своевременное и разумное наставление и упражнение;
- умеренная дисциплина.

Необходимо постоянно показывать детям хороший пример. Поэтому в том доме, где есть дети, нужна величайшая осмотрительность, чтобы не произошло чего-либо противного добродетели, но чтобы все соблюдали умеренность, опрятность, уважение друг к другу, взаимное послушание, правдивость и пр. Если это будет происходить постоянно, не нужны будут ни множество слов для наставления, ни побои для принуждения. Но так как часто сами взрослые нарушают правила нравственности, то не удивительно, что дети подражают тому, что видят.

Однако к этим приемам нужно будет присоединить своевременные и разумные наставления. Уместно будет учить детей словами тогда, когда мы видим, что примеры действуют на них недостаточно, или когда, желая подражать примеру других, они делают это недостаточно умело. Здесь-то и будет полезно дать им наставление, чтобы они вели себя так, а не иначе: «Вот смотри, как делаю я, как делает отец или мать. Брось это! Стыдись! Ты не будешь прекрасным юношей, если будешь вести себя таким образом». Прибегать к слишком длинным увещаниям или говорить длинные речи – еще не время, да это ни к чему не приведет.

Иногда нужны и наказания. Есть две ступени наказания. Первая ступень – прикрикнуть на мальчика, если он ведет себя неприлично. Однако это нужно делать разумно, чтобы он не был потрясен и чтобы в то же время он почувствовал страх и следил за собой. Иногда могут последовать за этим более сильное порицание и обращение к его совести с последующим увещеванием и угрозой, чтобы он этого более не допускал. Если заметно исправление в поведении, то будет полезно немедленно его похвалить. Ведь разумной похвалой и порицанием достигается многое не только у детей, но даже у взрослых. Если эта первая ступень наказания останется недейственной, тогда последует другая – наказать розгами или побить рукой с той целью, чтобы ребенок опомнился и более следил за своим поведением.

Здесь я не могу воздержаться от того, чтобы не выразить сурового порицания обезьяньей или ослиной любви со стороны некоторых родителей по отношению к детям. Закрывая на все

глаза, такие родители позволяют детям расти без всякой дисциплины и без всякого наказания. В таких случаях детям разрешается совершать какой-угодно негодный поступок, бегать туда и сюда, кричать, вопить, без причины плакать, грубо отвечать старшим, приходить в гнев, показывать язык, позволять себе какое угодно своеволие – все это родители терпят и извиняют. «Ребенок, – говорят они. – Не нужно его раздражать. Он еще этого не понимает». Но ты сам – глупый ребенок. Если ты замечаешь, что ребенок не понимает, то почему не пробуждаешь его сознание? Ведь не для того он рожден, чтобы остаться теленком или осликом, но чтобы стать разумным существом. Не думай, что ребенок не понимает. Если он понимает, что значит предаваться своеволию и гневу, беситься, злиться, надувать губы, бранить другого и пр., то, конечно, он поймет также, что такое розга и для чего она служит. Не у ребенка не хватает здравого смысла, но у тебя, глупый человек: ты не понимаешь и не желаешь понять, что будет служить на пользу и отраду и тебе, и твоему ребенку. Ведь почему большая часть детей впоследствии становятся неуступчивыми по отношению к родителям и всячески их огорчают, если не потому, что не привыкли их уважать.

Совершенно правильно сказано: кто будет расти без дисциплины, состарится без добродетелей. Поэтому Божественная мудрость поучает: «Наказывай своего сына, и он успокоит тебя и даст наслаждение душе твоей». Если родители не повинуются этому совету, то получают от детей своих не наслаждение и покой, а позор, укоризну, огорчение и беспокойство. Часто приходится слышать от родителей такие жалобы: у меня плохие и безнравственные дети, один – безбожник, другой – расточитель, а тот – человек безрассудный. И что удивительного, мой друг, если ты жнешь то, что посеял? Ты посеял в их сердце своеволие и хочешь собрать плоды дисциплины? Это было бы похоже на чудо: дикое дерево не может приносить плоды привитого. Пока деревцо было нежным, нужно было приложить старание, чтобы оно было привито, согнуто или выпрямлено, а не вырастало бы так уродливо. Весьма верно изобразил д-р Гейлер (знаменитый страсбургский проповедник, живший два века тому назад) таких родителей: дети рвут свои собственные волосы, режут себя ножами, а отец сидит с завязанными глазами.

До сих пор были общие соображения. Теперь о вышеуказанных добродетелях я буду говорить отдельно: как дети могут совершенствоваться в них прилично, разумно и легко.

Первое место среди добродетелей должны занимать умеренность и воздержание, так как это основа здоровья и мать всех остальных добродетелей. К ним дети привыкнут, если им

будут давать столько пиши, питья и позволят столько спать, сколько требует природа. Ведь животные, следующие указаниям одной только природы, более воздержанны, чем мы. Таким образом дети должны есть, пить, спать только в то время, когда их побуждает к этому природа, именно, когда очевидно, что у них есть чувство голода, жажды и потребность сна. Кормить их, поить и укладывать спать, мало того, пичкать их и переполнять пищей или заставлять спать помимо их желания было бы безумным. Достаточно, если им давать все согласно с требованиями природы. Нужно обращать внимание на то, чтобы аппетит не возбуждался искусственно какими-нибудь изысканными кушаньями или лакомствами. Ведь это смазанные повозки, на которых возят больше, чем необходимо, это приманки, ведущие к обжорству. Правда, иногда нисколько не мешает предложить детям что-либо более вкусное, однако, давать пищу, состоящую только из лакомств, чрезвычайно вредно как для здоровья, так и для добрых нравов.

Основы чистоты можно начинать закладывать на первом же году жизни, ухаживая за ребенком с возможно большей опрятностью. Как это должно происходить, няньки, если они не лишены здравого смысла, знают. На втором, третьем году полезно учить детей, чтобы они прилично брали пищу, не пачкали жиром пальцев, не пятнали себя разбрызганной пищей, не издавали во время еды звуков, не высовывали языка и пр. Пить дети должны аккуратно, не обрызгивая себя. В одежде нужно требовать всевозможной чистоты, чтобы они не волочили одежды по земле, не пачкали и не пятнали ее умышленно. Детям это свойственно еще по недостатку у них ума, а родители по какой-то глупости на все это смотрят сквозь пальцы.

Дети легко привыкнут почитать старших, если узнают, что старшие очень о них заботятся и внимательны к ним. Итак, если часто будешь обращаться к ребенку, будешь его обличать и наказывать, не беспокойся, он будет питать к тебе уважение. А если детям будешь позволять все, как обыкновенно делают родители, чрезмерно любящие детей, то несомненно, что дети будут жить в своеволии и упрямстве. Любить детей – дело природы, а скрывать свою любовь – дело благоразумия. Вполне правильно говорил Сирах, что необъезженный конь окажется упрямым, а избалованный сын обречен на гибель. Итак, лучше держать детей в строгости и в страхе, чем открывать им глубину своей любви и тем самым открывать им дверь к своеволию и непослушанию. Хорошо также давать и другим право порицать детей, так, чтобы, где бы они ни были (а не только на виду у родителей) привыкли сдерживать себя и таким образом

воспитывать в себе скромность и уважение ко всем людям. Поэтому неосмотрительно и совершенно неразумно поступают те, кто никому не позволяет даже искоса посмотреть на своих детей. А если кто сказал что-нибудь или сделал замечание, родители начинают за них вступаться даже в присутствии самих детей. Благодаря этому горячая кровь, точно оседлав коня, дает полную свободу своеволию и заносчивости. А потому этого нужно остерегаться.

Нужно с величайшей настойчивостью доводить юношество до действительного послушания. Если оно научится сдерживать собственную волю, а чужую исполнять, то в будущем это станет основой величайших добродетелей. Нежному растению мы не позволяем расти по своей воле, но привязываем к колышку, чтобы, будучи привязано, легче поднимало свою верхнюю часть и набирало силы. Отсюда совершенно правильно было сказано Теренцием: «Все мы от своеволия становимся хуже». Итак, всякий раз, как отец или мать скажут ребенку: «Не трогай этого, сиди, дай ножик, дай то или другое» и пр., нужно добиваться того, чтобы они тотчас исполняли, что им приказывают. А если они пожелают проявить упрямство, то его легко можно будет сломить окриком или разумным наказанием.

Персы стремились приучать детей к воздержанию и правдивости. И не без основания, так как лживость и лицемерие делают человека ненавистным для людей. Ложь есть порок рабов, и все люди должны питать к нему отвращение, как говорил Плутарх. Итак, следует требовать от детей, чтобы они не отрицали сделанного, если что-то испортили, но скромно сознались и, с другой стороны, не говорили того, чего не было. Поэтому Платон воспрещает в присутствии детей читать сказки и вымышленные басни, а желает давать детям сразу серьезную литературу. А потому я не знаю, как можно оправдать родителей, которые учат детей вину за сделанный проступок перекладывать на других, и если дети сумеют это сделать, то учителя обращают это в шутку и забаву. Но кому от этого величайший вред, как не ребенку? Если он приучится подменять ложь шуткой, то он научиться лгать.

Стремление к обладанию чужими вещами пока еще не заражает этого нежного возраста, если детей не портят няньки или те, кто имеет попечение о них. Это происходит в том случае, если в присутствии детей один ребенок уносит вещи другого и скрывает их или тайком берет себе пищу, или покушается на чужое. Дети приучаются подражать, в этом они самые настоящие обезьяны; ведь что бы они ни видели, это к ним пристает, и они делают то же самое. Итак, няньки или те, кто занимается с

детьми, должны вести себя в их присутствии с величайшей осторожностью.

Радушию и благотворительности (по отношению к другим) в эти первые годы дети будут учиться в том случае, если будут видеть, как родителями раздается милостыня среди бедных, или если им самим прикажут отнести ее, или если иногда им подскажут уделить другим что-либо, что они имеют. Когда они это сделают, их нужно за это похвалить.

Наши предки имели обыкновение говорить, что праздность – подушка сатаны. Итак, благоразумно уже с нежного возраста не оставлять человека праздным, но постоянно занимать его трудами, так как таким образом заграждается дорога злейшему искусителю. Лучше играть, чем пребывать в праздности, ибо во время игры ум все-таки чем-либо напряженно занят. Таким образом, без всякого затруднения дети весьма легко могут упражняться в подготовке к деятельной жизни, так как сама природа заставляет их что-либо делать.

Пока дети еще учатся говорить, им нужно предоставить свободу говорить и возможно больше лепетать. Но после того как они научились говорить, будет весьма полезным научить их также молчать. Мы желали бы, чтобы они были не немыми статуями, а разумными созданиями. Кто думает, говорил Плутарх, что молчание – дело ничтожное, тот неразумен. Началом великой мудрости является возможность разумно пользоваться молчанием. Молчание никому, конечно, не повредило, но весьма многим повредило то, что они говорили. Вреда могло бы и не быть, однако, как то и другое – говорить и молчать – является основой и украшением всего нашего разговора на всю жизнь, то они должны быть соединяемы нераздельно, чтобы сразу мы приобретали себе возможность пользоваться тем и другим. Итак, родители должны научить детей молча выслушать какие-либо приказания отца или матери. Научившись молчать, дети, прежде чем говорить или отвечать на вопросы, будут думать, что и как им разумно сказать. Ибо говорить все, что подвернется на язык, глупо, и не подходит тем, кого мы желаем сделать разумными существами.

Терпению ребенок может научиться, если в воспитании не будет излишней изнеженности и чрезмерной снисходительности. Например, какой-нибудь упрямый ребенок криком и плачем стремится добиться того, что пришло ему в голову. Другой свой гнев, злость, жажду мести проявляет кусаясь, ударяя ногами, царапаясь и другими способами. Такие аффекты неестественны, это прорастающие плевелы, а потому родители и няни должны относиться к ним с большой рассудительностью и подавлять их

также в самом корне. В первом раннем возрасте это гораздо легче сделать, чем впоследствии, когда злость пустит глубокие корни. Напрасно говорят: «Он – ребенок, не понимает». Выше уже было сказано, что такие люди сами лишены разума. Справедливо, однако, что бесполезные травы мы не сразу можем вырвать, как только они начинают вырастать из земли, так как мы еще не можем правильно распознать сорных трав от посеянных и не можем выдернуть их рукой. Однако верно и то, что не следует ждать, пока они подрастут, потому что впоследствии крапива будет жечь сильнее, чертополох будет больше колоть руки, а полезные травы будут заглушены и погибнут. А когда терновник, пустивший уже крепкие корни, вырывается силою, то часто подрываются корни у растущего рядом посева. Итак, как только ты заметишь плевелы, крапиву и терновник, тотчас вырывай. Тем успешнее будут произрастать культурные растения. Если ты видишь, что ребенок хочет сверх необходимости лакомиться и объедаться медом, сахаром и какими угодно фруктами, ты будь разумнее его и не позволяй этого; уведи его, займи чем-либо другим, на его плач не обращай внимания; наплакавшись, перестанет и отучится от этого. Если он пожелает вести себя дерзко и нагло, не жалей его, крикни на него, накажи его физически, убери от него то, из-за чего он плачет. Таким образом он наконец поймет, что нужно подчиняться твоей воле, а не стремиться к тому, что его манит. Для такого воспитательного приема двухлетний ребенок достаточно созрел; нужна, однако, осмотрительность, чтобы ребенка не раздражить и не вызвать у него гнева. Ибо в этом случае ты сам открыл бы ему дорогу для пренебрежения твоими увещаниями и твоими наказаниями.

Чтобы приучить детей к работе и услужливости, не нужно сильного труда, так как они сами по себе хватаются за все, только бы им не мешали и лишь бы их научили, как это должно делать благоразумно. Итак, отец или мать пусть постоянно поручают детям выполнять то, что они могли бы исполнить сами: «Мой мальчик, подай мне это сюда. Подними это, положи это на скамейку. Поди, позови Ваню. Скажи Аннушке прийти ко мне»; все – сообразно с его силами. Кроме того, следует упражнять детей в быстроте и подвижности (расторопности, так, чтобы, когда им что-либо поручается, они, оставив игры и все остальное, исполняли это как можно быстрее. Этой готовности подчиняться старшим дети должны научиться с самого юного возраста, и затем она будет служить им великим украшением.

Что касается вежливости, то родители могут обучить ей детей настолько, насколько сами в состоянии быть вежливыми. Милым будет тот ребенок, который как по отношению к своим

родителям, так и по отношению к другим ведет себя почтительно и приветливо; у некоторых это как бы прирожденное качество, другие должны в этом упражняться, и этим не следует пренебрегать.

Наконец, чтобы эта приветливость и ласковость не была неразумной, ее нужно умерять скромностью и серьезностью. Когда осел, о котором рассказывает басня, видя, что собачка ласкается к своему хозяину, виляет хвостом и прыгает ему на грудь, попытался сделать то же самое, то вместо благодарности получил удары палкой. Эту басню можно рассказать детям, чтобы они поняли, что к чему.

А чтобы они знали, что прилично и что неприлично, их нужно приучать, как правильно сидеть, как вставать, как прилично ходить, не кривляясь, не шатаясь, не раскачиваясь; как они должны просить, если им что-либо нужно, как благодарить, когда им что-то дают, как приветствовать, если кого-либо встречают, как снимать шляпу, держать спокойно руки и многое другое, что касается добрых и хороших нравов и привычек.

Глава XI

Как долго следует держать детей в материнской школе.

Как маленькие растения, выросшие из своих семян, пересаживают в огород, чтобы они лучше росли и приносили плоды, так детей, воспитанных под покровом матери, укрепившихся умственно и физически, для лучшего роста нужно передавать на попечение учителя. Ведь перенесенное в другое место деревцо всегда вырастает выше, и огородный плод всегда вкуснее полевого. Но когда и как это нужно делать? Отпускать детей из материнского крова и передавать преподавателям ранее шестилетнего возраста я не советовал бы по следующим причинам.

Слишком юный возраст требует для себя больше заботы, чем может дать ему учитель, имеющий на своем попечении массу детей. Итак, лучше пока им оставаться под родным кровом матери.

Затем безопаснее, чтобы мозг основательно окреп ранее, чем он начнет работать, а у ребенка на пятом или на шестом году едва лишь заканчивается все образование черепа и мозг становится твердым. Итак, для этого возраста достаточно того, что дается при домашнем обучении, само собой, незаметно и как бы в игре.

Кроме того, было бы совершенно бесполезно, если бы мы действовали иначе. Если взять для прививки черенок еще слабый,

он будет расти медленно, если же более крепкий – быстрее. Молодая лошадь, слишком рано запряженная в повозку, становится слабее, но если дать ей достаточно времени, чтобы подрасти, будет везти лучше, и вознаградит за данную отсрочку.

И наконец, не так долго ждать до шестого или начала седьмого года, если дома нет недостатка в том, в чем дети могли бы укрепляться в эти первые годы своей жизни. Если ребенок уже начал приобретать навыки в благочестии и добрых нравах (особенно в почтительности, послушании и повиновении по отношению к старшим), а также в мудрости, в быстром выполнении дела, в отчетливом произношении слов, то не будет слишком поздно, если он поступит учиться в школу шести лет.

Напротив того, я бы не советовал задерживать ребенка дома долее шести лет, так как в этот срок легко можно закончить то, что нужно было усвоить дома. И если затем тотчас не отдать ребенка в настоящую школу, несомненно, он привыкнет к бесполезному досугу. Мало того, нужно опасаться, чтобы вследствие этого ненужного досуга он не приобрел тот или иной порок, который потом, точно вредные плевелы, с трудом можно было бы вырвать. Итак, самое лучшее продолжать то, что раз было начато.

Однако этого не следует понимать безусловно, как будто переход в школу непременно должен происходить только после достижения шести лет. Сообразно со способностями ребенка этот срок можно или продлить, или сократить на полгода, или даже на целый год. Ведь некоторые деревья приносят плоды даже весной, другие – летом, иные – осенью.

И хотя некоторые дети (ранее шести, пяти и даже до четырех лет) желали бы высоко летать, однако, будет хорошо скорее сдерживать их, чем позволять им это, а тем более побуждать их к этому. Иначе, тот, кто прежде времени желает быть доктором, едва будет бакалавром, а иногда даже окажется глупцом, как и виноградная ветвь, которая вначале роскошно растет и в большом количестве приносит виноград, будет подниматься вверх, однако, ослабит корень и будет недолговечна. Есть, напротив того, дети более отсталые, с которыми едва ли можно будет что-либо начать на седьмом или на восьмом году.

Признаки, по которым можно сделать заключение о готовности детей посещать общественные школы:

● если ребенок знает то, что ему следует знать в материнской школе;

● если в нем будут замечены внимание и размышление по поводу предлагаемых вопросов и известная способность суждения;

● если у него обнаружится сверх того некоторое стремление к дальнейшему обучению.

Глава XII

Каким образом родители должны готовить своих детей к школе.

Все человеческие дела требуют осмотрительности и должной подготовки. Итак, родители должны отдавать своих детей для образования в школу обдуманно и прежде всего сами должны подумать, что предстоит им делать, и открыть глаза детям, чтобы они поразмыслили о том же самом.

Итак, неразумно поступают те родители, которые без всякой подготовки ведут своих детей в школу, точно телят на бойню или скотину в стадо; пусть потом школьный учитель мучается с ними, терзает их, как хочет. Но еще более безумны те, кто сделали из учителя пугало, а из школы застенок и все-таки ведут туда детей. Это происходит в том случае, если родители или прислуга в присутствии детей говорят о школьных наказаниях, о строгости учителей, о том, что больше дети не будут играть, и т. п. «Пошлю тебя в школу, – говорят они, – успокоишься, выпорют тебя, подожди только» и пр. Этим способом в детях развивается не кротость, но отчаяние и рабский страх родителей и учителей.

Итак, разумные и благочестивые родители, воспитатели и попечители будут поступать так: когда приближается время посылать детей в школу, они будут ободрять их, точно наступает ярмарка или собирание винограда, говоря, что они пойдут в школу вместе с другими детьми и вместе с ними будут учиться и играть. Может также отец или мать пообещать ребенку прекрасные одежды, изящную шляпу, красивую дощечку для письма, книжку и что-либо подобное, а иногда и показать то, что уже приготовлено для ребенка (ко дню отправления в школу). Однако давать этого не следует (чтобы дети все более и более воспламенялись желанием).

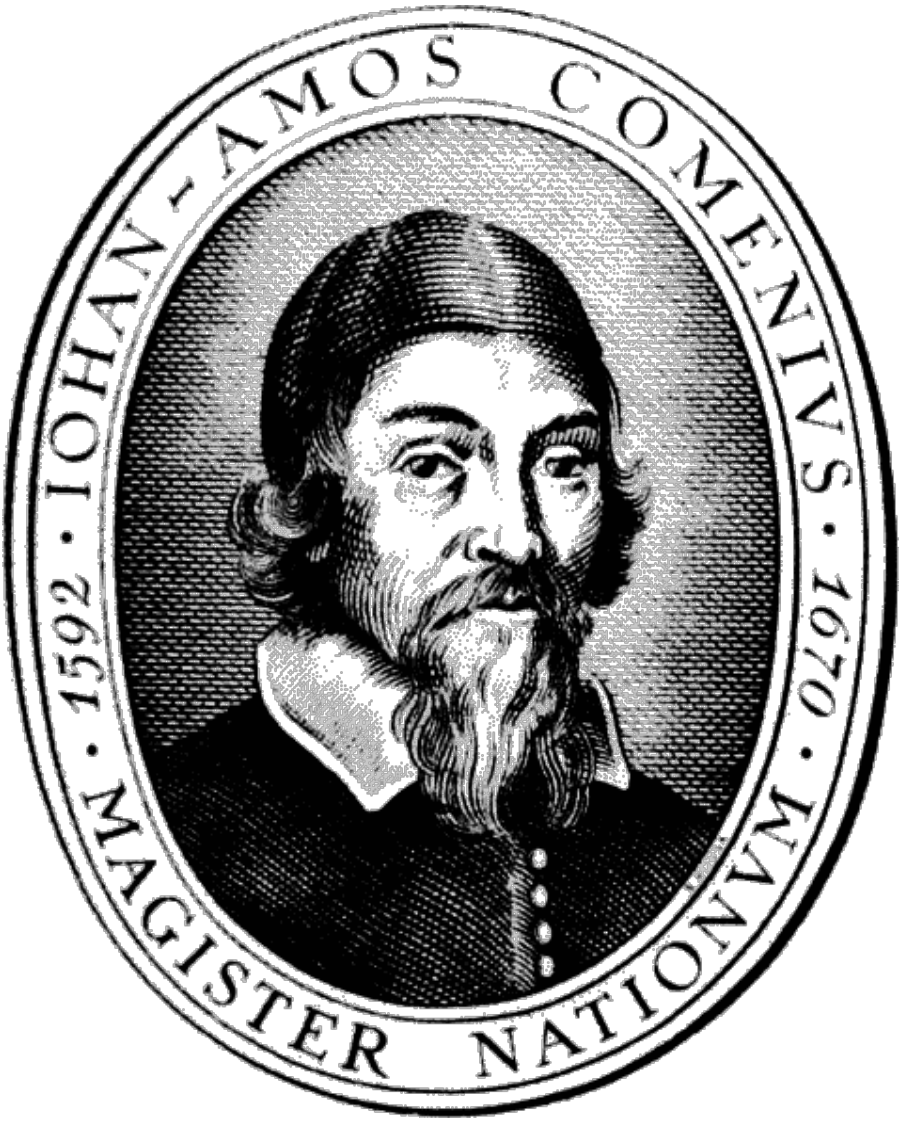
Хорошо будет также разъяснить детям, какое это прекрасное дело посещать школу и учиться. Ведь из таких детей выходят важные люди, начальники, доктора, сенаторы, выдающиеся, славные, богатые и мудрые люди, к которым остальные должны относиться с почтением. Таким образом, гораздо лучше посещать школу, чем дома томиться от безделья или бегать по улицам. А чтобы они заранее познакомились с этими занятиями, не мешает дать им в руки мел, которым бы они могли рисовать на скамейках, на столе или на данной доске проводить линии, рисовать, что только хотят: чашки, кресты, круги, звездочки,

лошадей, деревья, и пр., передают ли они это верно или нет – неважно, лишь бы только они получали от этого удовольствие. Невозможно, чтобы это осталось без результата: ведь в школе им легче будет писать буквы и различать их, и вообще не следует упускать из виду ничего, что можно придумать для возбуждения в детях любви к школе.

Кроме того, родители должны внушать детям любовь и доверие к будущим преподавателям. Иногда нужно дружелюбно упоминать об учителе и вообще расхваливать его ученость и мудрость, его любезность и доброту, указывая, что он человек выдающийся, многое знает, ласков к детям и их любит. И хотя правда, что некоторых он наказывает, но только безнравственных и непослушных, кто заслуживает того, а послушных он не наказывает никогда. При всем этом он показывает, каким образом что-либо нужно писать или читать и пр. Говоря с детьми так по-детски, родители должны устранить у детей всякий страх перед школой. Затем также нужно спрашивать: «Будешь ли ты послушен?» Если ребенок скажет, что он будет послушен, ему нужно сказать, что учитель его полюбит. А чтобы у ребенка завязалось какое-либо знакомство с его будущим учителем и чтобы он правильно понял сказанное ему и укрепился в этой надежде, мать или отец иногда могут послать учителю подарок.

Тогда учитель (помня о своем долге) ласково с ним поговорит, покажет ему что-нибудь, чего тот не видел (книжку, рисунок, какой-нибудь музыкальный или математический инструмент и то, что ребенку может доставить удовольствие). Иногда также учитель что-либо подарит ребенку: дощечку для письма, флакончик чернил или что-либо подобное. А чтобы учителю не было от этого ущерба, родители (ради которых это происходит) могут и должны это как-нибудь возместить или вперед что-либо послать. Таким образом, ребенок будет относиться к школе и к учителям бодро и с расположением, особенно если у него будет проявляться благородная натура. Здесь уже половину дела сделает тот, кто так хорошо начнет; ведь сама школа будет для него только забава, и дети будут делать успехи с радостью.

Часть II
Об искусстве учить всех всему



От составителя

«*Великая дидактика*» Я.А. Коменского по праву считается одним из самых выдающихся произведений педагогической литературы.

Данный труд был написан на чешском языке и в 1638 г. переведен самим автором на латинский язык. В нем великий педагог одним из первых ввел в научный круг новое понятие – «дидактика». Слово «дидактика» происходит от древнегреческого глагола «*didaskein*», что означает «учить, объяснять, доказывать», а также «учиться».

Впервые Коменским сделана попытка заложить основы педагогики как науки, показать ее связь с другими науками.

Важнейшие проблемы педагогики Коменский рассматривает с философских позиций. «Философы назвали человека микрокосмом (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме все, что расстилается во все стороны по великому миру (макрокосмос)». «Итак, что такое в начале человек?» – задает он вопрос и отвечает: «Человек есть малый мир». Пытаясь разгадать тайну человека, автор «*Великой дидактики*» сравнивает ум человека, только что вступающего в мир, «с семенем или зерном». Нет необходимости привносить что-либо человеку извне, считает он, необходимо развивать то, что в нем заложено природой.

По Коменскому, стремление к знаниям у человека врожденное. Какова же тогда роль педагога? Во-первых, помочь ребенку развиваться в соответствии с его природой: «Учитель есть помощник природы, а не ее владыка, ее образователь, а не преобразователь…». Во-вторых, обращать внимание ребенка на «значение всего существующего», иначе говоря, формировать в его сознании картину мира.

Важнейшей заслугой Коменского является попытка определить принципы обучения – основные исходные положения педагогической теории и практики.

Надо сказать, что педагогическое учение Коменского основывалось на сенсуалистической теории познания философа Фрэнсиса Бэкона (1561–1626) – родоначальника материализма в Англии. Английский философ отстаивал идею, что всякое познание действительности должно начинаться с чувственного восприятия и завершаться рациональным обобщением.

Исходя из этого, Коменский полагал, что обучение должно начинаться с реального наблюдения за вещами, а не со словесного толкования о них. Он руководствовался следующим: «Все, что только можно, – предоставлять для восприятия

чувственного, а именно: видимое – для восприятия зрением, слышаемое – слухом, запахи – обонянием, подлежащее вкусу – вкусу, доступное осязанию – путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами…». «Ничего не может быть в сознании, что заранее не было дано в ощущении».

Разрабатывая систему элементарного образования, Коменский золотым правилом обучения считает наглядность.

Заметим, к использованию наглядности в процессе обучения обращались еще в те времена, когда не существовало ни письменности, ни самой школы. В учебных заведениях древних государств наглядность была одним из главных способов познания мира. В Средние же века, в эпоху господства схоластики и догматизма, наглядность в процессе обучения уже не играла той значимой роли.

Заслуга Коменского состоит в том, что он впервые ввел использование наглядности как общепедагогический принцип обучения, в основе которого лежало усвоение учащимися знаний путем непосредственных наблюдений над предметами и явлениями, путем их чувственного восприятия. Коменский считал, что наглядность облегчает детям обучение, делает его интересным и увлекательным.

Помимо принципа наглядности, Коменский говорит о таких важнейших принципах, как принцип сознательности и активности, принцип последовательности и систематичности знаний, принцип упражнений, принцип прочного овладения знаниями и навыками, которые получили название дидактических принципов.

Принцип сознательности и активности в обучении предполагает осознанное, глубокое и основательное усвоение знаний и навыков. Главное же условие успешного обучения – постижение сущности предметов и явлений, их понимание учащимися: «Правильно обучать юношество – это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, изречений, мнений, а это значит – раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно в этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки знания». Результат сознательного знания – не только понимание, но и использование знаний на практике: «Ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его ни учил, покажешь ему, какую это принесет повседневную пользу в общежитии».

Коменский дает целый ряд ценных указаний, как осуществлять сознательное обучение. Главное требование – это: «При образовании юношества все нужно делать как можно более

отчетливо, так, чтобы не только учащий, но и учащийся понимал без всякого затруднения, где он находится и что он делает».

Сознательность в обучении педагог неразрывно связывает с активностью учащихся, с их творчеством. Он пишет: «Никакая повивальная бабка не в силах вывести на свет плод, если не будет живого и сильного движения самого плода». Исходя из этого, одним из самых главных врагов обучения Коменский считает бездеятельность и лень учащегося. Лень следует изгонять трудом.

Принцип последовательного изучения основ наук и систематичных знаний базируется на том, что знания учащихся должны быть систематизированы, даны в определенной логической, методической последовательности.

Последовательность и систематичность в первую очередь важна при решении следующих вопросов:

- каким образом распределять материал;
- с чего начинать обучение и в какой последовательности его выстраивать;
- как установить связь между новым и уже изученным материалом и др.

Автор «Великой дидактики» говорит о требованиях, без которых последовательность изучения наук будет трудно осуществима. Это:

- «порядок – душа всего»;
- обучение должно соответствовать уровню знаний учащихся – «вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы»;
- все должно изучаться последовательно «с начала и до завершения».

Чтобы эти требования были реализованы, Коменский дает указания и формулирует дидактические правила:

- занятия должны быть распределены таким образом, чтобы на каждый год, каждый месяц, день и час были поставлены определенные учебные задачи, которые должны быть заранее продуманы учителем и осознаны учащимися;
- задачи должны решаться с учетом возрастных особенностей, точнее говоря соответственно задачам отдельных классов;
- один предмет следует преподавать до тех пор, пока от начала и до конца не будет усвоен учащимися;
- «все занятия должны быть распределены таким образом, чтобы новый материал всегда основывался на предшествующем и укреплялся последующим»;
- обучение «должно идти от более общего к более частному», от более легкого к более трудному, от известного к неизвестному,

от более близкого к более удаленному.

Успех обучения определяют систематически проводимые упражнения и повторения, при этом реализуется *принцип упражнений и прочного овладения знаниями и навыками*. На последний принцип указывал еще древний китайский философ Конфуций (около 551–479 до н. э.), который строил именно на нем свою систему обучения. Однако понимание и выполнение этого принципа в различные времена менялось в зависимости от цели и содержания обучения.

Во времена Коменского в школах господствовала зубрежка. Великий педагог к понятию «упражнение» подошел по-новому: он считал, что усвоение знаний невозможно без активности учащихся. По его мнению, упражнение должно служить не механическому запоминанию, а пониманию явлений, сознательному усвоению новых понятий и использованию полученных знаний в практической жизни. Коменский считал, что есть упражнения, которые развивают чувства, ум, память. Он писал: «Упражнения памяти должны практиковаться беспрерывно», «Обучение нельзя довести до основательности без возможно более частых и особенно искусно поставленных повторений и упражнений». Но вместе с тем педагог выступает против механического запоминания и указывает: «Основательно внедряется в ум только то, что хорошо понятно, тщательно закреплено памятью». «Ничего нельзя заставлять заучивать, кроме того, что хорошо понятно».

Из этих положений видно, что Коменский упражнения и повторения полностью подчиняет задаче сознательного и прочного усвоения знаний учащимися.

При создании своей дидактической теории Коменского выдвинул *принцип природосообразности*. Он писал, что объективные внутренние закономерности присутствуют как в природе, так и в процессе обучения и призывал учитывать эти закономерности при построении процесса обучения и воспитания.

Система обучения, предложенная ученым, позволяет в той или иной мере ответить не только на вопрос *как учить*? но и *чему учить*? «В школах всех должно учить всему тому, что касается человека».

Ян Амос Коменский в своих воззрениях далеко ушел вперед от своих современников, и нет ничего удивительного, что его педагогическая система была забыта и лишь в середине XIX в. вновь привлекла к себе европейских читателей и педагогов. В настоящее время ее изучают высшие педагогические заведения едва ли не во всех странах мира.

Великая дидактика, содержащая универсальную теорию учить всех всему,

или

Верный и тщательно обдуманный способ создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того и другого пола, без всякого, где бы то ни было, исключения, могло обучаться наукам, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться всему, что нужно для настоящей и будущей жизни КРАТКО, ПРИЯТНО, ОСНОВАТЕЛЬНО, ГДЕ ДЛЯ ВСЕГО, ЧТО ПРЕДЛАГАЕТСЯ, ОСНОВАНИЯ почерпаются из самой природы вещей; ИСТИННОСТЬ подтверждается параллельными примерами из области механических искусств; ПОРЯДОК распределяется по годам, месяцам, дням и часам, наконец, указывается ЛЕГКИЙ И ВЕРНЫЙ ПУТЬ для удачного осуществления этого на практике.

Дидактика есть теория обучения. В последнее время некоторые выдающиеся мужи, тронутые сизифовым трудом школ, решили исследовать эту теорию. Но как начинания их, так и успех были различны.

Некоторые задались целью написать сокращенные руководства для более легкого преподавания только того или иного языка. Другие изыскивали более быстрые и краткие пути, чтобы скорее научить той или другой науке или тому или другому искусству. Третьи предлагали что-либо иное. Но почти все они исходили при этом из внешних наблюдений, составленных на основе более легкой практики.

Мы решаемся предложить Великую дидактику, т. е. универсальное искусство учить всех всему. И притом учить с верным успехом; так, чтобы неуспеха последовать не могло; учить быстро, чтобы ни у учащих, ни у учащихся не было обременения или скуки, чтобы обучение происходило скорее с величайшим удовольствием для той и другой стороны; учить основательно, не поверхностно и, следовательно, не для формы, но подвигая учащихся к истинной науке, добрым нравам и глубокому благочестию. Наконец, все это мы выясняем a priori, т. е. из самой настоящей неизменной природы вещей, точно заставляя вытекать из живого источника неиссякающие ручейки; затем, соединяя их в одну большую реку, мы устанавливаем некоторое универсальное

искусство создавать всеобщие школы.

Конечно, то, что мы обещаем, весьма значительно и крайне желательно. И я легко предвижу, что это кому-нибудь покажется скорее мечтаниями, чем изложением сути дела. Но кто бы ты ни был, читатель, воздержись со своим суждением, пока не узнаешь, что здесь действительного, и тогда будет возможность не только составить заключение, но и произнести его. Ведь я не желаю, не говоря уже о том, что не стремлюсь, чтобы кто-нибудь, увлеченный нашими взглядами, выразил свое согласие с тем, что еще не исследовано. Я настойчиво прошу, убеждаю, настаиваю, чтобы каждый, кто явится в качестве исследователя этого дела, высказывал свои собственные и притом более усовершенствованные взгляды, которые бы не могли быть ослаблены никакими обманчивыми мнениями.

Дело это поистине весьма серьезное и, с одной стороны, должно стать предметом общего желания, а с другой – его нужно взвесить общими обсуждениями и продвигать вперед общими усилиями, так как оно преследует общее благо всего человеческого рода. «Какой больший и лучший дар мы можем предложить государству, как не тот, чтобы учить и образовывать юношество, особенно при настоящих нравах и в наше время, когда юношество так испорчено, что его нужно обуздывать и сдерживать общими силами». Так говорит Цицерон. А Филипп Меланхтон пишет: «Правильно образовывать юношество – это имеет несколько большее значение, чем покорить Трою». Сюда же относится знаменитое изречение Григория Назианзина: «Образовать человека, существо самое непостоянное и самое сложное из всех, есть искусство из искусств».

Следовательно, предложить «искусство из искусств» есть дело чрезвычайной трудности и требует обсуждения и притом не одного человека, а многих людей, так как один человек никогда не бывает настолько проницательным, чтобы от его взора не ускользнуло весьма многое.

…Это искусство учить и учиться в значительной мере было неизвестно предшествующим векам, и таким образом учебные занятия и школы были полны трудов и колебаний, и самообманов, и ошибок и заблуждений, так что более основательного образования могли достигнуть лишь те, кто отличался необычайными дарованиями.

Однако с недавнего времени Бог стал предпосылать как бы утреннюю зарю и внушил некоторым почтенным мужам Германии проникнуться отвращением к запутанности применявшегося в школах метода и размышлять о каком-нибудь более легком и более сокращенном методе обучения языкам и искусствам. Одни

из них достигали поставленной цели с большим успехом, чем другие. Это видно из изданных ими дидактических книг и из их опытов.

Я решил рассмотреть и исследовать причины, основания, способы и цели обучения, как предлагает назвать это искусство Тертуллиан.

Так возник этот трактат, излагающий и выясняющий дело полнее (как я надеюсь), чем это было до сих пор.

Всем, стоящим во главе человеческих учреждений, правителям государств, пастырям церквей, ректорам школ, родителям и опекунам детей

Нет на земле никакого более действенного пути для исправления человеческой испорченности, как правильное воспитание юношества. Соломон, исследовавший все лабиринты человеческих заблуждений и выразивший жалобу на то, что превратного нельзя исправить и недостатков нельзя исчислить, все же наконец обращается к юношеству.

Нет ничего труднее, как перевоспитать человека плохо воспитанного. Дерево, вполне выросши высоким или низким, с ветвями, распростертыми прямо или искривленными, так и остается и не допускает изменения своего вида. Обод, изогнутое дерево у колеса, неизменно находящееся в этом положении, как показывает опыт, легче ломается, чем выпрямляется.

Отсюда с необходимостью вытекает вывод: если нужно употребить средства против испорченности человеческого рода, то это должно производиться главным образом путем осторожного и тщательного воспитания юношества. Точно так же, кто хочет обновить сад, тот должен насадить в нем молодые деревца и, насадив, тщательно ухаживать за ними, чтобы обеспечить успешный их рост, тогда как при пересадке состарившихся деревьев искусство садоводства обладает ничтожной силой.

Предусмотрительно воспитывать юношество – это значит заботиться о том, чтобы души юношества предохранялись от соблазнов мира и врожденные им семена нравственности вызывались к счастливому произрастанию чистыми и постоянными наставлениями и примерами и, наконец, их умы исполнились бы истинным познанием Бога, самих себя и различных вещей. Да научатся они в этом свете видеть свет Божий и превыше всего любить и почитать Отца светов.

Мы живем вместе, добрые смешавшись со злыми, и число злых бесконечно больше числа добрых. Примерами злых так

сильно увлекается юношество, что предлагаемые в противодействие злу наставления о соблюдении добродетели либо не имеют никакой силы, либо имеют силу ничтожную.

Что же сказать о том, что и наставления в добродетелях предлагаются редко? Немного есть родителей, которые бы могли поучить своих детей чему-либо доброму или потому, что сами не учились ничему подобному, или потому, что, будучи заняты другим, этим пренебрегают.

Не много есть таких учителей, которые бы умели хорошо внушать юношеству добрые правила. А если иногда такой и бывает, то такого учителя отвлекает какой-нибудь вельможа, чтобы он отдал свой труд частным образом детям вельможи, и его способности не приносят пользы для народа.

Вследствие этого остальное юношество растет без должного ухода, наподобие леса, которого никто не насаждает, никто не орошает, не обрезывает, не выпрямляет. Поэтому дикие и неукротимые нравы и обычаи владеют миром и всеми городами и селениями, всеми домами и всеми людьми, у которых в теле и душе везде величайшее множество неурядиц. Если бы сегодня у нас воскресли и вернулись к нам Диоген, Сократ, Сенека, Соломон, они не нашли бы у нас ничего другого, кроме того, что было когда-то.

В человеческом роде нельзя противодействовать злу удачнее, как противодействовать ему в раннем возрасте человека; нельзя удачнее насаждать молодые деревья, предназначенные к вечности, как насаждая и ухаживая за ними в юном возрасте; нельзя на месте Вавилона воздвигнуть Сион, если живые камни Божии, юношество, не будут своевременно обтесаны, отполированы и прилажены к небесному строительству. Итак, если мы желаем, чтобы были хорошо благоустроены и процветали церкви, государства и хозяйства, прежде всего упорядочим школы и дадим им расцвести, чтобы они стали истинными и живыми мастерскими людей и рассадниками для церквей, государств и хозяйств. Так достигнем мы нашей цели, по-иному – никогда.

Польза дидактики

Правильная постановка дидактики важна:

● ***Для родителей, которые до сих пор большею частью были не осведомлены, чего им ждать от своих детей. Они нанимали учителей, обращались к ним с просьбами, задабривали их подарками, даже меняли их. Но если метод воспитания доведен до безошибочной верности, то результат, на который не всегда надеются, не может не последовать.***

● *Для учителей, большинство которых совершенно не знало дидактики и вследствие этого, желая выполнить свой долг, мучили себя и истощали свои силы трудолюбием и старательностью; стремясь достигнуть успеха то тем, то другим способом, они меняли метод не без тягостной потери времени и трудов.*

● *Для учеников, чтобы можно было довести их до вершин наук без скуки, окриков и побоев, а как бы играя и шутя.*

● *Для школ, которые при правильном методе не только можно будет сохранять в цветущем состоянии, но и без конца умножать. Ведь они будут поистине местами игр, домами наслаждения и удовольствий. И когда (вследствие непогрешимости метода) из какого угодно ученика выйдет ученый (в большей или меньшей степени), никогда не будет недостатка в хороших начальниках школ, и научные занятия всегда будут процветать.*

● *Для государств – по приведенному ранее свидетельству Цицерона. С этим согласно знаменитое выражение Диогена-пифагорейца (у Стобея): «Что составляет основу всего государства? Воспитание юношей». Ведь никогда виноградные лозы не принесут полезного плода, если за ними не было хорошего ухода.*

Дидактика

Глава V

Семена образования, добродетели и благочестия заложены в нас от природы.

…Философы назвали человека микрокосмом (малый мир); он обнимает собою в сжатой форме все, что расстилается во все стороны по великому миру (макрокосму). Итак, ум человека, вступающего в мир, чрезвычайно удачно сравнивается с семенем, или зерном, в котором хотя и нет в действительности формы травы или дерева, однако, понятия травы или дерева на самом деле в нем существуют. Это ясно, когда семя, посаженное в землю, пускает маленькие корни, а выше дает ростки, из которых впоследствии, по врожденной силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами и плодами. Следовательно, нет необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше, указывая значение всего существующего. Поэтому, как известно, Пифагор имел обыкновение говорить, что человеку так свойственно от природы все знать, что если семилетнего мальчика разумно спрашивать о всех вопросах философии, то он мог бы ответить на все вопросы, именно потому, что единый свет разума по своей форме и по своим пределам достаточен для всех вещей.

Обитающей в нас разумной душе даны органы, как бы лазутчики и разведчики, с помощью которых душа исследует все, что находится вне ее, – это зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, так что ни одно создание, где бы оно ни находилось, не может от нее укрыться. Так как в видимом мире нет ничего, чего нельзя было бы или видеть, или слышать, или обонять, или вкушать, или осязать и, таким образом, определять по существу и качеству, то отсюда следует, что в мире нет ничего, чего бы не мог обнять одаренный чувством и разумом человек.

Врождены также человеку стремление к знанию и не только способность переносить труды, но и стремление к ним. Это проявляется непосредственно в раннем детском возрасте и сопровождает нас всю жизнь. Ведь кто не желает всегда слушать, видеть, делать что-либо новое? Кому не доставляет удовольствия каждый день куда-нибудь отправляться, с кем-либо побеседовать, о чем-либо со своей стороны рассказать? Положение дел именно таково: глаза, уши, орган осязания, самый разум, беспрестанно

отыскивая себе пищу, всегда устремляются во внешний мир, и для живой натуры нет ничего более невыносимого, как праздность и бездействие. А так как даже люди невежественные удивляются ученым мужам, то не указывает ли это на то, что они чувствуют притягательную силу какого-то естественного стремления? Они и сами хотели бы быть участниками их учености, если бы могли надеяться на осуществление этого, но так как они на это не надеются, то предаются сожалениям и почитают тех, кого считают стоящими выше себя.

Примеры автодидактов (самоучек) показывают со всей очевидностью, что, следуя за природой, человек может постигнуть все. Не имея никаких учителей, будучи сами себе учителями или (как говорит Бернгард) имея своими наставниками дубы и буки (т. е. гуляя и размышляя в лесах), некоторые пошли гораздо дальше других, находившихся под тщательным руководством учителей. Разве это не указывает, что у человека поистине есть и лампада, и светильня, и масло, и огниво? Лишь бы только он умел высекать искры, принимать их огнивом, зажигать светильник, и он тотчас же увидал бы удивительные сокровища премудрости Божией как в себе, так и в великом мире (как все расположено по числу, мере и весу).

…Аристотель сравнил человеческую душу с чистой доской, на которой еще не было ничего написано, на которой, однако, можно было бы написать все. Итак, подобно тому, как на чистой доске сведущий в своем деле писатель мог бы написать, а живописец – нарисовать что угодно, так в человеческом уме одинаково легко начертить все тому, кто хорошо знает искусство обучения. Если этого не происходит, то вернее верного, что вина не в доске (если только она иногда не бывает шероховата), но в неумении пишущего или рисующего. Разница в том, что на доске линии можно проводить лишь до пределов ее краев, между тем как для письма и чертежа в уме ты никакой границы не найдешь, потому что (как сказано выше) ум безграничен.

Удачно также наш мозг (эта мастерская мыслей) сравнивается с воском, на котором оттискивается печать или из которого лепятся бесчисленные печати, фигурки. Как воск принимает любую форму и из него можно лепить и снова переделать любую слепленную фигуру, так и мозг, отражая образы всех вещей, все принимает, что только содержит мир. Этим сравнением вместе с тем удачно обозначается, что такое наше мышление и наше знание.

Все, что возбуждает мое зрение, слух, обоняние, вкус, осязание, является для меня печатью, посредством которой образ вещи запечатлевается в мозгу и притом в такой степени, что, если

даже удалить вещь от моих глаз, ушей, носа и моей руки, ее образ остается уже у меня и не может не оставаться, если только вследствие недостаточного внимания образ не запечатлеется слабо. Например, если я увидел человека или заговорил с ним, если, совершая куда-нибудь прогулку, увидел гору, реку, поле, лес, город и т. п., если когда-либо услыхал гром, музыку, какие-либо речи, если прочитал что-либо внимательно у автора и пр., – все это запечатлевается в мозгу и всякий раз при воспоминании воспроизводится так, как если бы все это опять стояло у меня перед глазами, раздавалось в ушах, вкушалось или осязалось мною. Хотя мозг воспринимает одни впечатления по сравнению с другими или более раздельно, или представляет более ясно, или удерживает прочнее, однако, каждое из них он воспринимает, представляет и удерживает так или иначе.

Соломон удивляется, что все реки текут в море, но море не переполняется. Кто не подивится бездне нашей памяти, которая все исчерпывает и все восстанавливает, но никогда, однако, не переполняется и не оскудевает! Таким образом, наш ум в самом деле более велик, чем мир, в том отношении, что содержащее должно быть (по необходимости) больше содержимого.

Наконец, самым подходящим сравнением нашего ума является сравнение с глазом или зеркалом: что бы ни поставили перед зеркалом, какой бы формы и цвета ни был предмет, оно тотчас воспроизводит точное его изображение… Итак, подобно тому, как нет никакой необходимости принуждать глаз, чтобы он открывался и смотрел на предмет, так как он сам собою (стремясь от природы к свету) с наслаждением взирает на свет и воспринимает все (лишь бы только не мешало ему сразу слишком большое число предметов) и никогда не может насытиться созерцанием, – точно так же наш ум жаждет предметов, сам всегда открывается пред ними, сам хочет созерцать все, сам воспринимает все, сам быстро все усваивает; везде он неутомим, лишь бы только не был он подавлен множеством предметов и лишь бы все ему предоставлялось для созерцания одно вслед за другим, в надлежащем порядке.

Человек наслаждается гармонией и страстно к ней стремится. Ведь кто не наслаждается созерцанием красивого человека, стройного коня, прекрасного изваяния, красивой картины? Но откуда это, если не из того источника, что пропорция частей и цветов доставляет нам удовольствие? В этом самым естественным образом состоит очарование для глаз. Я спрашиваю также, на кого не действует музыка? И почему это? Именно потому, что гармония тонов дает приятное созвучие. Кому не нравится хорошо приготовленная пища? Это потому, что сочетание и даже

сами вкусовые ощущения приятно раздражают небо. Каждому приятны умеренная теплота, умеренный холод, умеренный покой членов и движение. Почему? Не потому ли, что все умеренное в природе благотворно и здорово, а все неумеренное враждебно и гибельно? Мало того, мы ценим друг в друге самые добродетели (ведь даже не имеющие добродетелей удивляются добродетелям других, хотя и не подражают им, так как полагают, что не сумеют преодолеть свои предосудительные привычки). Итак, почему же каждый не ценит добродетелей в самом себе? Воистину мы слепы, если мы не признаем, что корни всякой гармонии заключаются в нас.

Но и сам человек есть не что иное, как гармония и в отношении тела, и в отношении души. Ибо как сама вселенная есть подобие огромного часового механизма, столь искусно составленного из множества колес и звуковых приборов, что в общем для непрерывности движений и для гармонии одно сочетается с другим, – таков и человек. Что касается тела, устроенного с изумительным искусством, то первым двигателем является сердце, источник жизни и действий, от которого остальные члены получают движение и меру движения. А силой, вызывающей движение, является мозг, который с помощью нервов, как бы шнуров, притягивает и отпускает остальные колеса (члены). А разнообразие деятельности внутри и вне заключается именно в той самой соразмерной пропорции движений.

Подобным образом в душевных движениях главным движущим колесом является воля; рычаги, приводящие ее в движение, – это желания и страсти, которые склоняют волю в ту или другую сторону. Рычагом, открывающим движение и замыкающим его, является разум, который взвешивает и определяет, чего, где, в какой мере нужно желать или чего избегать. Остальные движения души есть как бы меньшие колеса, следующие за главным. Отсюда, если желаниям и страстям не дается слишком большой силы и рычаг, т. е. разум, правильно будет открывать и закрывать движения страстей, необходимым следствием должны быть гармония и согласованность добродетелей, т. е. соответствующее сочетание действий и пассивных состояний.

Итак, человек поистине есть сам в себе не что иное, как гармония. Поэтому, как о часах или о музыкальном инструменте, сделанных рукою опытного мастера, если они испорчены и расстроены, мы не говорим решительно, что они уже больше негодны (ведь их можно починить и исправить), так и относительно человека нужно прийти к выводу, что он может быть исправлен при помощи определенных средств.

Глава VI

Человеку, если он должен стать человеком, необходимо получить образование.

Семена знания, нравственности, благочестия дает, как мы видели, природа, но она не дает самого знания, добродетели, благочестия. Это приобретается с помощью учения, деятельности. Весьма удачно поэтому кто-то определил человека как существо, способное к обучению, так как никто не может стать человеком, если его не обучать.

Пусть никто не думает, что истинным человеком можно стать, не научившись действовать как человек, т. е. не получивши наставления в том, что делает его человеком. Это ясно на примере всех созданий, которые хотя и предназначены быть полезными человеку, но становятся таковыми, только будучи приспособленными для этого рукой человека. Так, например, камни даны затем, чтобы служить для постройки домов, башен, стен, колонн и пр., но они служат для этой цели лишь в том случае, если они нами наломаны, отесаны, уложены. Так и жемчужины и драгоценные камни, предназначенные для украшения людей, обрабатываются, шлифуются, полируются людьми… Казалось бы, что животные, которые одарены жизнью и движением, должны сами по себе быть на все способны. Однако, если мы желаем пользоваться их работой, ради которой они нам даны, мы должны предварительно их упражнять в ней.

…Человек со стороны тела создан для труда. Но мы видим, что вместе с ним рождается способность к этому: человека нужно постепенно учить и сидеть, и стоять, и ходить, и двигать руками для работы. Итак, откуда же у нашего духа было бы преимущество, чтобы без предварительной подготовки он сделался бы совершенным благодаря самому себе и через себя? Потому что для всех созданий существует закон брать начало из ничего и постепенно возвышаться как в отношении сущности, так и в отношении действий.

…Мы приносим с собою в мир чистый ум, точно гладкую доску, не умея что-либо делать, говорить и понимать, и все это нужно приобретать с основания. И мы действительно добиваемся теперь этого с гораздо большим трудом, чем это должно было быть в состоянии совершенства, так как и вещи для нас затемнены, и языки смешаны. <…>

…Вот что следует сказать вообще о том, что образование необходимо всем. Если бы теперь мы обозрели различные качества людей, то мы нашли бы то же самое. Ведь кто усомнился бы в том, что воспитание необходимо людям тупым, чтобы

освободить их от природной тупости? Но поистине гораздо более нуждаются в воспитании люди даровитые, так как деятельный ум, не будучи занят чем-либо полезным, займется бесполезным, пустым и пагубным.

Чем плодороднее поле, тем обильнее оно производит терновник и чертополох. Так и выдающийся ум полон пустыми мечтаниями, если его не засеять семенами мудрости и добродетелей.

…Чем являются богатые без мудрости, как не откормленными отрубями свиньями, чем оказываются бедные без разумения вещей, если не ослами, осужденными носить тяжести? Что такое красивый невежда, если не разукрашенный перьями попугай, или, как сказал кто-то, золотые ножны, в которые вложен свинцовый меч?

Что касается тех, кто когда-либо должен управлять другими, – царей, князей, магистратов, пастырей церкви и ученых, – то им прежде всего необходимо проникнуться мудростью, так же как проводнику нужно иметь глаза, переводчику – язык, трубе – звук, мечу – острие. Равным образом нужно просвещать и подчиненных, чтобы они умели разумно повиноваться мудрым правителям не по принуждению, не по ослиной покорности, а добровольно, из любви к порядку. Ведь разумным творением нужно управлять не с помощью криков, тюрьмы, палок, но опираясь на разум. Если это происходит иначе, то бесчестие подчиненных падает и на Бога, который одинаково вложил свой образ и в них, и человеческие дела будут полны насилием и беспорядками, как это и есть теперь.

Итак, пусть будет установлено: всем, рожденным людьми, безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не бессмысленными зверями, не неподвижными чурбанами. Отсюда следует и то, что каждый настолько превосходит других, насколько он более других упражнялся.

Глава VII

Образование человека с наибольшей пользой происходит в раннем возрасте. Оно даже только в этом возрасте и может происходить.

Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное само му себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие

плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. Теперь нужно показать, что такого рода прививка должна иметь место в то время, когда растение еще молодо.

Что касается человека, то для этого есть шесть оснований. Во-первых, ненадежность настоящей жизни; с ней придется расстаться, но неизвестно, где и когда. Но уход из этой жизни неподготовленным – дело настолько серьезное, что его нельзя исправить. В чреве матери тело человека образуется так, что если при рождении у кого-нибудь недостает какого-либо члена, то, следовательно, человек будет лишен его на всю жизнь.

Но если даже человеку не угрожала бы неожиданная смерть и он был бы уверен в чрезмерной продолжительности жизни, все же образование ему необходимо начинать как можно раньше, так как живет он не для учения, а для деятельности. Следует поэтому готовиться к делам жизни как можно ранее, чтобы не пришлось нам пресечь образование раньше, чем научимся действовать. Мало того, если бы кто-либо решил посвятить всю жизнь науке, то бесконечное разнообразие вещей так велико, что если бы кому-либо достался в удел век Нестора, все же у него не было бы недостатка в весьма полезных занятиях. …Итак, рано нужно раскрывать у человека способности для созерцания вещей, так как в течение всей жизни ему многое придется познать, испытать и выполнить.

Природа всех рождающихся существ такова, что они являются гибкими и всего легче принимают форму, пока они в нежном возрасте; окрепнув, они не поддаются формированию. Мягкий воск можно лепить, придавая ему новую форму, но если он затвердеет, то его легче обратить в порошок.

…Все это, очевидно, в такой же мере относится и к самому человеку. У него мозг, воспринимая попадающие в него через органы чувств образы вещей, похож на воск: в детском возрасте вообще влажен и мягок и способен воспринимать все встречающиеся предметы; затем понемногу он высыхает и твердеет, так что, по свидетельству опыта, вещи запечатлеваются и отображаются на нем с большой трудностью. Отсюда известное выражение Цицерона: «Дети быстро схватывают бесчисленное количество предметов». Таким образом, и руки, и все остальные члены только в детские годы могут приспособляться к ремеслам и работам, пока мускулы еще гибки. Кто должен стать хорошим писцом, художником, портным, кузнецом, музыкантом и пр., –

должен заниматься этим с юных лет, когда воображение еще живое, а пальцы гибки, в противном случае он никогда не овладеет своим предметом. Точно так же и корни благочестия следует насаждать в сердце каждого с ранних лет. В ком мы желаем гармонически развить изящный нрав, над тем нужно работать в нежном возрасте. Кому нужно сделать большие успехи в изучении философии, тому нужно раскрыть чувства ко всему в первые же годы жизни, пока он может загореться воодушевлением, пока ум быстр, а память крепка. «Постыдное и смешное дело представляет из себя старик, изучающий элементы; юноше нужно учиться, а старику этим пользоваться», – говорит Сенека.

Чтобы человек мог стать образованным человеком, Бог даровал ему годы юности, чтобы он, будучи непригодным для других занятий, проявил бы прилежание только для образования. Ибо, в самом деле, конь, вол, слон и другие животные, как бы громадны они ни были, в течение одного-двух лет развиваются до настоящего роста; один только человек доходит до настоящего роста едва в двадцать или тридцать лет. Если бы кто-либо полагал, что это происходит случайно или зависит от каких-либо второстепенных причин, поистине тот выдавал бы свою тупость. Ужели Бог, отмерив, как известно, соответствующее время всем остальным тварям, только одному человеку, этому владыке мира, предоставил бесцельную растрату времени? Не проще ли предположить нам, что в этом была сделана уступка природе, чтобы она, медленно действуя, тем легче совершала образование человека?

Следовательно, мы должны прийти к заключению, что по обдуманному плану Творец удостоил нас своим благоволением, дал нам более продолжительное время для роста, чтобы было у нас больше времени для упражнения в науках, чтобы, оставаясь более длительный период неспособными к экономической и политической деятельности, мы стали зато более подготовленными для остального времени жизни.

Только то в человеке прочно и устойчиво, что он впитывает в себя в юном возрасте. Это ясно из тех же примеров. Даже разбитый сосуд сохраняет запах, которым он пропитался. …Таким же образом и в человеке первые впечатления настолько устойчивы, что было бы чудом, если бы они изменились. Поэтому чрезвычайно разумно, чтобы они внушались в юном возрасте согласно с требованиями истинной мудрости.

Чрезвычайно опасно, если человек не проникается здоровыми для жизни правилами еще в колыбели. Как мы уже указали, отвыкнуть от усвоенного в раннем возрасте впоследствии будет

или невозможно, или чрезвычайно трудно. Мир полон ненормальных явлений, в борьбе с которыми оказываются бессильными и государственные власти, и служители церкви, оттого, что до сих пор не прилагается серьезных усилий к прекращению первоисточников зла.

Итак, поскольку каждому близко к сердцу благо его потомства, а руководителям человеческих дел в политическом и церковном управлении – благополучие человеческого рода, постольку пусть все своевременно примут меры, чтобы начинать насаждать, подрезывать, орошать и разумно образовывать небесные растения для достижения хороших успехов в науке, нравственности и благочестии.

Глава VIII

Юношество должно получать образование совместно и для этого нужны школы.

Важно, чтобы во всяком благоустроенном человеческом общежитии (будь то столица, город и деревня) была устроена школа как учебное заведение для совместного воспитания юношества. Ведь этого требуют:

Во-первых, похвальный порядок вещей. Ведь если глава семейства, сам не имея досуга для хозяйства, приглашает различных ремесленников, то почему бы не быть такому же порядку и здесь? …Ведь даже свиней и коров крестьяне не пасут каждый в отдельности, а держат для этого наемных пастухов, которые и обслуживают одинаково всех, между тем как сами крестьяне получают возможность заняться, не отвлекаясь, остальными своими делами. Это и есть прекраснейшее сбережение труда, когда один делает только одно, не отвлекаясь другими делами; именно таким способом каждый служит с пользою многим, а многие – каждому отдельному лицу.

Во-вторых, необходимость. Так как сами родители очень редко обладают надлежащей способностью обучать своих детей и редко имеют для этого достаточно досуга, то отсюда следует, что должны быть люди, которые бы по своей профессии занимались одним этим делом и чтобы таким образом обслуживались нужды всей общины.

Если бы даже и были родители, которые могли бы посвятить себя воспитанию своих детей, то все же более целесообразно обучать юношество вместе в более значительном объединении, так как больше получается пользы и удовольствия, когда работа одних служит примером и побуждением для других. Ведь совершенно естественно делать то, что на наших глазах делают

другие, и идти туда, куда идут другие, следовать за теми, кто впереди, и опережать тех, кто следует за ними. «Радостно резвый уносится конь из открытого стойла. Есть и кого обогнать, есть и погнаться за кем».

Особенно детский возраст вообще побуждается и направляется к действию больше примерами, чем правилами. Если ты что-либо предписываешь детям, то это слабо к ним прививается; если же ты показываешь, как делают что-либо другие, то этому они подражают и без всяких приказаний.

…Поэтому как для рыб должны быть предназначены садки, для деревьев – сады, так для юношества – школы.

Глава X

Обучение в школах должно быть универсальным.

Необходимо заботиться и даже добиваться того, чтобы всех, явившихся в мир не только в качестве зрителей, но также и в качестве будущих деятелей, научить распознавать основания, свойства и цели важнейшего из всего существующего и происходящего, чтобы в этом мире не встретилось им ничего, о чем бы они не имели возможности составить хотя бы скромного суждения и чем они не могли бы воспользоваться для определенной цели разумно, без вредной ошибки.

Итак, во всех случаях без исключения нужно стремиться к тому, чтобы в школах:

- при посредстве наук и искусств развивались способности;
- совершенствовались языки;
- развивались благонравие и нравы в направлении всякой благопристойности согласно со всеми нравственными устоями.

Ведь мудро сказал тот, кто сказал, что школы – мастерские гуманности, если они достигают того, что люди становятся действительно людьми.

Так как от детского возраста и воспитания зависит вся последующая жизнь, то цель не будет достигнута, если души всех не будут подготовлены заранее ко всему, что предстоит в жизни. Итак, подобно тому, как в чреве матери у каждого будущего человека образуются одни и те же члены, и притом у каждого человека все: руки, ноги, язык и пр., хотя не все должны быть ремесленниками, скороходами, писцами, ораторами, – так и в школе всех должно учить всему тому, что касается человека, хотя впоследствии одним будет более полезно одно, а другим – другое.

Глава XII

Школы можно преобразовать к лучшему.

Мы же обещаем такое устройство школ, благодаря которому:

● ***Образование должно получать все юношество, за исключением разве тех, кому Бог отказал в разуме.***

● ***Юношество обучалось бы всему тому, что может сделать человека мудрым, добродетельным, благочестивым.***

● ***Как подготовка к жизни это образование должно быть закончено еще до наступления зрелости.***

● ***Это образование должно происходить весьма легко и мягко, как бы само собою – без побоев и суровости или какого-либо принуждения. Как организм растет и крепнет, если только его разумно питать, дать ему тепло и упражнения, так, говорю я, разумно доставляемые душе питание, тепло, упражнения должны сами собой переходить в мудрость, добродетель, благочестие.***

● ***Юношество должно получить образование не кажущееся, а истинное, не поверхностное, а основательное, т. е. чтобы разумное существо – человек – приучался руководствоваться не чужим умом, а своим собственным, не только вычитывать из книг и понимать чужие мнения о вещах или даже заучивать и воспроизводить их в цитатах, но развивать в себе способность проникать в корень вещей и вырабатывать истинное понимание и употребление их. Нужно также стремиться к основательному усвоению нравственности и благочестия.***

● ***Это образование не должно требовать больших усилий, а должно быть чрезвычайно легким. Нужно уделять не более четырех часов ежедневно на занятия в школе, и притом так, чтобы было достаточно одного учителя для обучения одновременно хотя бы ста учеников. Причем эта работа все же будет в десять раз легче, чем та, которая теперь обыкновенно затрачивается на обучение отдельно взятых учащихся поодиночке.***

<…> Так как это мы пишем предварительно не для невежественной толпы, а для людей ученых, то нужно доказать, что возможно все юношество научить наукам, добрым нравам и благочестию без всякого обременения ими, испытываемого как учащими, так и учащимися при обычно применяемом методе.

Единственным и вполне достаточным основанием этого доказательства пусть будет следующее: каждая вещь не только легко позволяет себя направлять туда, куда влечет ее природа, но, больше того, и сама охотно устремляется туда и испытывает страдание, если ей в этом помешать.

Ведь нет, конечно, никакой необходимости принуждать птицу

летать, рыбу плавать, зверя приучать бегать. Они делают это сами собой, лишь только чувствуют, что достаточно окрепли. Точно так же нет необходимости заставлять воду течь по покатому месту вниз или разгораться огонь, получивший горючий материал и приток воздуха, круглый камень катиться вниз, а квадратный камень заставлять лежать на месте, глаз и зеркало воспринимать предметы, если возле них есть свет; семя, согретое влагою и теплом, произрастать. Итак, все вещи стремятся действовать так, как им от природы надлежит действовать. И проявляют свою деятельность хотя бы при малейшем содействии им.

Итак, ввиду того, что семена знания, нравственности и благочестия от природы присущи всем людям (за исключением уродов), то отсюда по необходимости следует, что нет надобности ни в чем, кроме самого легкого побуждения их и некоторого разумного руководства ими.

<…> Аристотель провозгласил, что стремление учиться человеку врожденно. Но так как иногда нежная снисходительность родителей извращает у детей естественное стремление, иногда их привлекают к пустым занятиям необузданные товарищи, иногда сами дети отвлекаются от врожденных стремлений из-за различных развлечений или из-за обольщения какими-либо внешними предметами, то отсюда и происходит, что у детей отпадает всякое желание усваивать неизвестное и они не могут на чем-либо сосредоточиться. Подобно тому, как язык, пропитанный одним вкусом, не легко различает другой, так и ум, увлеченный чем-либо одним, недостаточно внимателен к чему-либо другому. Поэтому в таких случаях прежде всего нужно устранить эту случайно возникшую тупость, вернуть детей к первоначальной природной восприимчивости, и, несомненно, у них восстановится стремление к знанию.

Тут как раз представляется случай напомнить кое-что о различии способностей, а именно: у одних способности острые, у других – тупые, у одних – гибкие и податливые, у других – твердые и упрямые, одни стремятся к знаниям ради знания, другие увлекаются скорее механической работой. Из этого трижды двойного рода способностей возникает шестикратное сочетание их.

Во-первых, есть ученики с острым умом, стремящиеся к знанию и податливые; они, преимущественно пред всеми другими, особенно способны к занятиям. Им ничего не нужно, кроме того, чтобы предлагалась научная пища; растут они сами, как благородные растения. Нужно только благоразумие, чтобы не позволять им слишком торопиться, чтобы раньше времени они не

ослабели и не истощились.

Во-вторых, есть дети, обладающие острым умом, но медлительные, хотя и послушные. Они нуждаются только в пришпоривании.

В-третьих, есть ученики с острым умом и стремящиеся к знанию, но необузданные и упрямые. Таких обыкновенно в школах ненавидят и большей частью считают безнадежными; однако, если их надлежащим образом воспитывать, из них обыкновенно выходят великие люди. Примером этому может служить история великого афинского полководца Фемистокла, который в юности был неукротимого нрава (так что учитель ему говорил: «Ты, дитя, не будешь посредственностью; ты принесешь государству или великое благо, или великое зло»). Когда впоследствии удивлялись тому, что характер его изменился, он обыкновенно говорил: «Неукротимые молодые лошади становятся прекрасными, если к ним применяется правильное обучение».

…В-четвертых, есть ученики послушные и любознательные при обучении, но медлительные и вялые. И такие могут идти по стопам идущих впереди. Но для того чтобы сделать это для них возможным, нужно снизойти к их слабости, никогда не переобременять их, не предъявлять к ним слишком строгих требований, относясь к ним доброжелательно и терпеливо, или помогать, ободрять и поддерживать их, чтобы они не падали духом. Пусть они позднее придут к цели, зато они будут крепче, как бывает с поздними плодами. И как печать с большим трудом оттискивается на свинце, но держится дольше, так и эти ученики в большинстве случаев более жизненны, чем даровитые, и раз они что-либо усвоили, они не так легко забывают. Поэтому их не следует устранять из школ.

В-пятых, есть ученики тупые и, сверх того, равнодушные и вялые. Их еще можно исправить, лишь бы только они не были упрямыми. Но при этом требуется великое благоразумие и терпение.

На последнем месте стоят ученики тупые, с извращенной и злобной натурой; большей частью эти ученики безнадежны. Однако известно, что в природе для всего испорченного есть противодействующие средства и бесплодные от природы деревья становятся плодоносными. Поэтому вообще не следует отчаиваться, а нужно добиваться устранить, по крайней мере, упрямство.

Сущность сказанного сводится к следующему высказыванию Плутарха: «Какими дети рождаются, это ни от кого не зависит, но чтобы они путем правильного воспитания сделались хорошими, – это в нашей власти». Да, в нашей власти, говорит он. Так

садовник из любого живого корня выращивает дерево, применяя в необходимых случаях именно свое искусство посадки.

Глава XIII

Основою преобразования школ является точный порядок во всем.

Если бы мы обратили внимание на то, что собственно сохраняет в устойчивом состоянии всю вселенную со всеми ее мельчайшими вещами, то не нашли ничего, решительно ничего иного, кроме порядка вещей предшествующих и последующих, больших и малых, схожих и несхожих в соответствии с местом, временем, числом, мерой и весом, надлежащих и соответствующих каждой вещи. Кто-то метко и верно сказал, что порядок есть душа вещей. Ведь все, что приведено в порядок, сохраняет свое положение и целость до тех пор, пока есть порядок. Если порядок нарушен, то все ослабевает, расшатывается, падает. Это ясно из примеров природы и искусства. Действительно:

● Что дает возможность пчелам, муравьям, паукам делать работу такой точности, что человеческий ум находит в ней больше чему удивляться, чем подражать? Не что иное, как врожденное искусство соблюдать в действиях порядок, число, меру.

● Чем объясняется, что один человек, царь или император, может управлять целыми народами и, несмотря на то, что сколько голов, столько и умов, все, однако, осуществляют намерения его одного? И если он хорошо ведет дело, все неминуемо идет хорошо. Это происходит только благодаря порядку, по которому все связаны узами законов и подчинения. Одному правителю государства подчинено несколько ближайших человек, которыми он должен править непосредственно, каждому из них подчинены другие и так далее, постепенно до самого последнего человека. Таким образом, точно в цепи, одно звено поддерживает другое, так что, если двинуть одно, двигаются все; если остается в покое первое, покоятся и все другие.

● Чем объясняется, наконец, что в инструменте для измерения времени, т. е. в часах, расположенные и размещенные железные части приходят в движение? И при этом стройно отсчитывают дни, месяцы, а быть может, и годы?

Таким образом, все движется с большей точностью, нежели какое-либо живое тело, приводимое в движение собственным духом. Но если в составных частях часов что-либо ломается, разбивается или замедляется, или принимает неправильное

движение, хотя бы это было самое маленькое колесико, самая маленькая ось, самая маленькая задвижка, – тотчас все или останавливается, или перестает отвечать своему назначению. Отсюда ясно видно, что и здесь все зависит от порядка.

Итак, искусство обучения не требует ничего иного, кроме искусного распределения времени, предметов и метода. Если мы будем в состоянии точно установить это распределение, то обучать всему школьную молодежь в каком угодно числе будет нисколько не труднее, чем, взяв типографские инструменты, ежедневно покрывать изящнейшими буквами тысячу страниц.

Все пойдет вперед не менее легко, чем идут часы с правильно уравновешенными тяжестями, так же приятно и радостно, как приятно и радостно смотреть на такого рода автомат, и, наконец, с такой верностью, какую можно только достигнуть в подобном искусном инструменте.

Глава XVI

Общие требования обучения и учения, т. е. как учить и учиться.

Нам нужно будет рассмотреть, можно ли это искусство духовного насаждения поставить на столь твердые основы обучения, чтобы оно наверняка шло вперед и не обманывало в своих результатах.

Но так как это основание может состоять лишь в том, чтобы действия этого искусства как можно старательнее приспособить к нормам действий природы, то исследуем пути природы на примере птицы, выводящей птенцов. Рассматривая, как, следуя по стопам природы, удачно подражают ей садовники, художники, архитекторы, мы легко увидим, каким образом должны подражать ей и образователи юношества.

Основоположение I

Природа тщательно приспособляется к удобному времени. Например, птица, намереваясь размножать свое поколение, приступает к этому делу не зимою, когда все сковано морозом и окоченело, и не летом, когда от жары все раскаляется и слабеет, и не осенью, когда жизненность всего вместе с солнцем падает и надвигается зима, опасная для птенцов, но весною, когда солнце всему возвращает жизнь и бодрость.

…Против этой основы в школах допускаются ошибки двоякого рода:

- во-первых, не избирается надлежащее время для

умственных упражнений;

● во-вторых, не располагают упражнения так тщательно, чтобы все шло вперед в определенной последовательности, безошибочно.

Пока мальчик еще мал, учить его нельзя, так как корень познания лежит у него еще глубоко. Учить человека в старости слишком поздно, так как познавательная способность и память уже ослабевают. В среднем возрасте учить затруднительно, так как с трудом можно объединить умственную деятельность, рассеянную по различным предметам. Следовательно, нужно пользоваться юным возрастом, пока сила жизни и разума находится на подъеме; тогда все воспринимается и легко пускает глубокие корни.

Итак, мы делаем заключение:

● образование человека нужно начинать в весну жизни, т. е. в детстве, ибо детство изображает собой весну, юность – лето, возмужалый возраст – осень и старость – зиму;

● утренние часы для занятий – наиболее удобны (так как опять утро соответствует весне, полдень – лету, вечер – осени, а ночь – зиме);

● все, подлежащее изучению, должно быть распределено сообразно ступеням возраста так, чтобы предлагалось для изучения только то, что доступно восприятию в каждом возрасте.

Основоположение II

Природа подготавливает себе материал, прежде чем начинает придавать ему форму.

Так, разумный архитектор, прежде чем начинать строить здание, свозит бревна, камни, известь, железо и другие необходимые материалы, чтобы впоследствии из-за недостатка материалов не замедлились работы или не пострадала прочность здания.

Так же садовник, прежде чем начать посадку, старается иметь наготове сад, отводки, высадки и всевозможные инструменты, дабы не быть вынужденным искать во время работы то, что ему необходимо, иначе он погубит весьма многое.

Против этого основного положения школы погрешают следующим образом:

● ***во-первых, тем, что не стараются иметь наготове для общего пользования всевозможные орудия: книги, доски, модели, образцы и т. п. Тогда только лишь отыскивают, устраивают, диктуют, переписывают и пр., когда что-либо понадобится, что приводит (особенно если попадается***

неопытный или небрежный преподаватель, которых обычно больше) к жалким результатам. Подобное положение мы имели бы в том случае, если бы врач только тогда стал бы бегать по садам и лесам, собирать травы и корни, варить их, процеживать и пр., когда надо давать лекарства. Между тем как лекарства на всякий случай должны быть уже наготове;

● ***во-вторых, в тех книгах, которые употребляются в школах, не соблюдается тот естественный порядок, при котором материал предшествовал бы форме. Почти повсюду происходит наоборот: порядок вещей излагается ранее самих вещей, хотя невозможно устанавливать порядок, когда еще нет налицо того, что следует приводить в порядок. Я покажу это на четырех примерах.***

Школы учат словам ранее вещей, так как в течение нескольких лет занимают ум словесными науками, и затем обучают реальным наукам: математике, физике и пр. Между тем как вещь есть сущность, а слово – нечто случайное, вещь – это тело, а слово – одежда, вещь – зерно, а слово – кора и шелуха. Следовательно, то и другое нужно предоставлять человеческому уму одновременно, но сперва – вещь, как объект не только познания, но и речи.

Затем при самом изучении языков превратно поступали в том отношении, что начинали не с какого-либо автора или умело подготовленного словаря, а с грамматики, тогда как и авторы (как по-своему и словари) обеспечивают материал языка, слова; грамматика же прибавляет только форму, законы словообразования, порядок их расположения и сочетания (согласования);

В-третьих, в круге наук или в энциклопедиях повсюду предпосылают искусство, а науки и знания заставляют следовать за ними, между тем как эти последние обучают вещам, а первые – формам вещей.

Наконец, правила предпосылают абстрактно и затем только их разъясняют приводимыми примерами, хотя свет должен предшествовать тому, что освещается.

Отсюда вытекает, что для исправления метода необходимо:

● подготовлять книги и все другие учебные пособия;

● развивать ум ранее языка;

● никакого языка не изучать из грамматики, а каждый язык следует изучать из подходящих произведений писателей;

● реальные учебные предметы предпосылать формальным;

● примеры предпосылать правилам.

Основоположение III

Природа избирает для своего воздействия подходящий предмет или, по крайней мере, сперва надлежащим образом его подготовляет, чтобы он стал подходящим.

…Так строитель, срубив возможно лучшие деревья, высушивает их, обрубает, распиливает, затем выравнивает площадь для постройки, очищает ее, закладывает новый фундамент или так восстанавливает и укрепляет старый, чтобы он стал пригодным для возведения на нем постройки…

Так садовник выбирает самый здоровый отводок плодоносного дерева, переносит его в сад и умело сажает в землю. Однако пока не увидит, что он пустил корень, не обременяет его привитием нового черенка…

На основании этого:

- всякий, кого отдают в школу, пусть остается в ней до конца;
- когда приступают к изучению какого-либо предмета, умы учеников должны быть к этому подготовлены;
- все, препятствующее ученикам, должно быть от них устранено.

Основоположение IV

Природа не смешивает своих действий, выполняет их по отдельности, в определенном порядке. Например, когда природа создает птенца, то в одно время формирует кости, кровеносные сосуды, нервы, в другое – плотные мускулы, в третье – покрывает кожей и опять особое время одевает перьями и, наконец, учит летать и пр.

Закладывая фундамент, архитектор одновременно с этим не возводит стен, а тем более не покрывает здание крышей, а каждое из этих дел делает в свое время и на своем месте.

Итак, пусть в школах будет установлен порядок, при котором ученики в одно и то же время занимались бы только одним предметом.

Основоположение V

Ошибку делают те наставники, которые хотят достигнуть образования вверенного им юношества тем, что много диктуют и дают заучивать много на память, без тщательного разъяснения вещей. Точно так же погрешают и те, которые хотят все разъяснить, но не соблюдают меры.

Таким образом, они терзают учеников так же, как если бы

кто-нибудь для надреза в растении вместо ножичка пустил бы в ход дубину или колотушку.

Итак, на основании сказанного:

● нужно образовывать, во-первых, понимание вещей, во-вторых, память и, в-третьих, язык и руки;

● учитель должен соблюдать все способы раскрытия познавательных способностей и применять их сообразно обстоятельствам.

Основоположение VI

Неправильно будет преподавать науки с самого начала со всеми подробностями, вместо того, чтобы предпосылать им сперва простой общий очерк всех знаний. Никому нельзя дать образование на основе одной какой-либо частной науки, независимо от остальных наук.

Точно так же плохо учат искусствам, наукам, языкам, если не предпосылают им предварительного элементарного обучения. Так, я помню, было на практике. Только что приступив к диалектике, риторике и метафизике, мы были завалены длинными правилами, даже с комментариями правил и объяснениями комментариев, сличениями авторов и спорными вопросами. Подобным образом нас набивали и латинской грамматикой со всеми отступлениями, и греческой грамматикой с диалектами греческого языка. Мы, несчастные, были ошеломлены, не зная, что кругом нас происходит.

Средство против этой беспорядочности будет состоять в следующем:

● с самого начала юношам, которым нужно дать образование, следует дать основы общего образования, т. е. распределить учебный материал так, чтобы следующие затем занятия, по-видимому, не вносили ничего нового, а представляли только некоторое развитие полученных знаний в их частностях…

● любой язык, любые науки или искусства должны быть сперва преподаны в простейших элементах, чтобы у учеников сложилось общее понимание целого их; затем для более полного изучения их даются правила и примеры, потом сообщаются полные системы с присоединением неправильностей, наконец, даются, если это нужно, комментарии. Кто начинает дело с основания, тот не так нуждается в комментариях. Немного позже каждый сам будет в состоянии комментировать лучше.

Основоположение VII

Природа не делает скачков, а идет вперед постепенно. Так, образование птички имеет свои ступени, которые не могут быть ни обойдены, ни переставлены, пока птенец, освободившись от своей скорлупы, не выйдет наружу. Когда это произойдет, то мать не заставляет птенца немедленно летать и искать корма (так как он еще не в силах это делать), но кормит его сама. Когда он оперился, то не сейчас же она выгоняет его из гнезда для летания, а заставляет постепенно упражняться… И каждая из отдельных этих ступеней требует для себя определенного времени, и не только времени, но и постепенности, и не только постепенности, но и неизменного их порядка.

Следовательно, получаются явные нелепости, когда учителя не распределяют занятий для себя и учеников таким образом, чтобы одно не только постепенно следовало за другим, но и так, чтобы каждая работа по необходимости заканчивалась в определенный срок, ибо, не установив задач и средств для их достижения и порядка использования этих средств, легко что-либо пропустить, извратить, запутать дело.

А потому:

● вся совокупность учебных занятий должна быть тщательно разделена на классы, так, чтобы предшествующее всегда открывало дорогу последующему и освещало ему путь;

● время должно быть распределено с величайшей точностью так, чтобы на каждый год, месяц, день, час приходилась своя особая работа;

● распределение времени и работ необходимо соблюдать точно, чтобы ничто не было пропущено и извращено.

Основоположение VIII

Начав что-либо, природа не останавливается, пока не доведет дело до конца.

Птица, например, начиная по природному инстинкту высиживать яйца, не прекращает этого, пока не выведутся птенцы. Если бы она перестала сидеть хотя бы несколько часов, зародыш погиб бы. Даже когда птенцы выведутся, птица не перестает их согревать до тех пор, пока они не окрепнут и не покроются перьями.

Также и художник, начав писать картину, поступит лучше всего, если будет продолжать дело без перерыва. Ведь тогда и краски лучше согласуются одна с другой и держатся крепче.

Из всего этого ясно, что нельзя без ущерба для дела отвлекать на другие занятия детей, помещенных на месяцы и годы в школы. Равным образом вредно, когда учитель с учениками берется то за

одно, то за другое, не доведя ничего серьезно до конца. Вредно, наконец, если он не назначает на каждый час определенной задачи и не выполняет ее в положенное время так, чтобы вообще всякий раз было заметно продвижение вперед. Где недостает подобного огня, там все застывает…

Следовательно:

● отданный в школу ребенок должен оставаться в ней до тех пор, пока он не станет образованным, нравственным человеком;

● школа должна находиться в спокойной местности, удаленной от шума и развлечений;

● то, что предназначено к выполнению в соответствии с предначертанным планом, должно быть выполнено без всякого перерыва;

● никому, ни под каким предлогом не следует позволять пропускать занятия и уклоняться от уроков.

Основоположение IX

Природа тщательно избегает всего противоречивого и вредного.

В самом деле, птица, высиживая яйца, охраняет их от резкого ветра дождя или града. Она отгоняет змей, хищных птиц и всех других врагов.

Неразумно сообщать юношеству в начале какого-либо занятия нечто противоречивое, т. е. возбуждать сомнение в том, что должно быть изучено. Разве это не тоже самое, что расшатывать молодое растение, когда оно собирается пустить корни? Чрезвычайно верно сказал Гуго: «Никогда не познает истины тот, кто начнет обучаться с обсуждения спорных вопросов». Так же неразумно, если юношество не охраняется от безнравственных, запутанных, ошибочных книг, а равно и от дурного товарищества.

Итак, нужно заботиться о том, чтобы:

● учащиеся не получали никаких других книг, кроме тех, которые приняты в соответствующем классе. Эти книги должны быть составлены так, чтобы их по справедливости и заслуженно можно было назвать источниками мудрости, добродетели и благочестия;

● в школе и вне школы не должно быть терпимо дурное товарищество.

Если все это тщательно соблюдать, то едва ли возможно, чтобы школы не достигли своей цели.

Глава XVII

Основы легкости обучения и учения.

Итак, мы рассмотрели, какими средствами воспитатель юношества может верно достигнуть своей цели. Теперь посмотрим, каким образом те же самые средства нужно приспособить к врожденным способностям, чтобы можно было применять их легко и приятно.

Но очевидно, что, идя по стопам природы, обучение юношества будет происходить легко, если:

- приступить к нему своевременно, прежде чем ум подвергнется испорченности;
- оно будет протекать с должной подготовкой умов;
- при обучении будут идти от более общего к более частному;
- от более легкого к более трудному;
- никто не будет обременен чрезмерным количеством подлежащего изучению материала;
- во всем будут двигаться вперед не спеша;
- умам не будут навязывать ничего такого, что не соответствует возрасту и методу обучения;
- все будет передаваться через посредство внешних чувств;
- для непосредственной пользы;
- все постоянно одним и тем же методом.

Так, говорю я, следует поступать, чтобы все протекало легко и приятно. Но последуем теперь по стопам самой природы.

Основоположение I

Природа всегда начинает с устранения негодного.

Так и живописец пишет лучше всего на чистой доске. Если же она уже разрисована или запачкана, или испорчена, то сперва ее следует вычистить и отполировать.

Отсюда следует, что, во-первых, всего лучше воспринимают учение молодые умы, еще не привыкшие отвлекаться на другие занятия, и чем позже начинается образование, тем с большим трудом оно продвигается вперед, так как ум уже занят другим. Во-вторых, не может мальчик с пользой для себя одновременно обучаться у многих учителей, так как едва ли возможно, чтобы все придерживались единой формы обучения; следствием этого бывает рассеянность в нежных умах и задержка в их развитии. В-третьих, неосмотрительно поступают в том случае, когда, принимаясь за образование более взрослых мальчиков и юношей, не начинают с воспитания благонравия, чтобы, обуздав их страсть, сделать учеников восприимчивыми ко всему прочему…

Следовательно:

● образование юношества должно начинаться рано;

● у одного и того же ученика по одному и тому же предмету должен быть только один учитель;

● по воле воспитателя прежде всего должны быть приведены в гармонию нравы.

Основоположение II

Природа так располагает материю, чтобы она стремилась к форме.

Так, птенец, уже достаточно сформировавшийся в яйце, стремясь к более полному совершенству, начинает сам двигаться и разрывает скорлупу или разбивает ее клювом. А освободившись, с радостью согревается у матери, охотно питается и жадно раскрывает рот, глотает положенный в него корм, радуется упражнению в летании и немного спустя летает, словом, жадно, хотя и постепенно, стремится ко всему, к чему влечет его природное побуждение.

Поэтому плохую заботу о детях проявляют те, кто насильно принуждает их учиться. В самом деле, чего надеются этим достигнуть? Если едят без аппетита, вводя при этом все-таки в желудок пищу, то в результате это вызовет только тошноту и рвоту и, по меньшей мере, плохое пищеварение, нездоровье. Напротив, если еда попадает в желудок под влиянием чувства голода, то он воспринимает ее с удовольствием, хорошо переваривает и успешно обращает в сок и кровь. Поэтому и говорит Исократ: «Если будешь любить знание, будешь много знать», и Квинтилиан: «Стремление к учению определяется волею, принудить которую нельзя».

Итак:

● всеми возможными способами нужно воспламенять в детях горячее стремление к знанию и к учению;

● метод обучения должен уменьшать трудность учения, с тем чтобы оно не возбуждало в учениках неудовольствия и не отвращало их от дальнейших занятий.

Стремление к учению пробуждается и поддерживается в детях родителями, учителями, школой, самими учебными предметами, методом обучения и школьным начальством.

Если родители в присутствии детей с похвалой отзываются об учении и об ученых людях или, побуждая детей к прилежанию, обещают им красивые книги, красивую одежду или еще что-либо приятное; если хвалят учителя (особенно того, которому хотят поручить детей) как со стороны его учености, так и гуманного отношения к детям (ведь любовь и восхищение являются

сильнейшим средством, чтобы вызвать стремление к подражанию), наконец, если они иногда пошлют детей к учителю с поручением или маленьким подарком и пр., то легко достигнут того, что дети искренне полюбят и науку, и самого учителя.

Сама школа должна быть приятным местом, доставляя глазам привлекательное зрелище изнутри и снаружи. Внутри она должна быть светлой, чистой, украшенной картинами и портретами знаменитых людей, географическими картами, памятниками исторических событий, некоторыми эмблемами. А извне к школе должна примыкать не только площадка для прогулок и игр, но и небольшой сад, в который иногда следует пускать учеников и предоставлять им возможность наслаждаться зрелищем деревьев, цветов и трав. Если дело будет так поставлено, то дети будут посещать школу с не меньшей охотой, чем обыкновенно они посещают ярмарки, где они всегда надеются увидеть и услышать что-либо занимательное.

Привлекают юношество и самые учебные предметы, если они соответствуют возрасту и преподаются понятно, а также если учитель умеет пошутить или сказать что-либо приятное. Это и значит приятное соединять с полезным.

Основоположение III

Природа производит все из основ, незначительных по величине, но мощных по своему качеству.

…Так, дерево какой угодно величины целиком заключается как в зерне своего плода, так и в черенке последнего побега своих ветвей. Таким образом, если последний посадить в землю, то из него благодаря внутренней действующей силе снова вырастет целое дерево.

Обычно против этого основного положения в школах свершается величайший грех. Ведь большинство учителей считают нужным вместо семени сажать растения, а вместо черенков – деревья, так как вместо основных начал навязывают ученикам хаос различных заключений. Но как верно то, что мир состоит из четырех элементов (видоизменяющихся только по своим формам), так, несомненно, и научное образование состоит из немногих начал, из которых, если только знать способы их различения, возникает бесконечное множество положений, подобно тому, как на дереве из основательно укрепившегося корня могут вырасти сотни ветвей, тысячи листьев, цветов и плодов.

Отметим между тем три положения:

● каждая наука должна быть заключена в самые сжатые, но

точные правила;

● каждое правило нужно излагать немногими, но самыми ясными словами;

● каждое правило должно сопровождаться многочисленными примерами, чтобы стало достаточно ясным, как разнообразно мнение.

Основоположение IV

Природа переходит от более легкого к более трудному. Например, образование яйца начинается не с более твердой части, скорлупы, а с желтка; последний сначала покрывается кожицей и только впоследствии – скорлупой.

Следовательно, превратно поступают тогда, когда в школах обучают неизвестному при помощи столь же неизвестного.

Это будет исправлено, если:

● учебный материал располагается таким образом, чтобы сперва усваивалось то, что является наиболее близким, затем – не столь отдаленным, потом – более отдаленным и, наконец, самым отдаленным. Поэтому, когда впервые ученикам предлагаются правила (например, правила логики, правила риторики и др.), их следует разъяснять примерами повседневной жизни. Иначе ученики не поймут ни правила, ни его применения;

● сперва у учеников развивают внешние чувства (это всего легче), затем память, далее понимание и, наконец, суждение. Именно в такой постепенности они следуют друг за другом, так как знание начинается из чувственного восприятия, с помощью воображения оно переходит в память, а затем, через обобщение единичного, образуется понимание общего и, наконец, для уточнения знания о вещах достаточно понятных составляется суждение.

Основоположение V

Природа не обременяет себя излишне; она довольствуется немногим.

Например, из одного яйца она не выводит двух птенцов, удовлетворяясь удачно выведенным одним.

Следовательно, внимание будет рассеиваться, если предлагают изучать одновременно в одном и том же году различные предметы, например грамматику, диалектику, а то еще риторику, поэтику и пр.

Основоположение VI

Природа не спешит, а подвигается вперед медленно. Чтобы быстро высидеть птенцов, птица чрезвычайно медленно согревает их и впоследствии, чтобы птенцы быстрее подросли, не обкармливает их пищей, а кормит понемногу и осмотрительно, давая столько пищи, сколько может переварить неразвитая еще система пищеварения.

Следовательно, пыткой является для юношества:

● если его ежедневно заставляют заниматься по шести, семи, восьми часов классными занятиями и упражнениями да, кроме того, несколько часов дома;

● если оно бывает обременено до обморока и до умственного расстройства диктантами, составлением упражнений и заучиванием наизусть чрезвычайно больших отрывков.

Итак, легкость занятий и удовольствие от них для ученика увеличит тот:

● кто будет привлекать учеников к классным занятиям на наименьшее число часов, а именно – на четыре часа, предусматривая столько же часов для домашних работ;

● кто как можно меньше будет обременять память, давая только самое главное, предоставив остальное свободному течению;

● кто будет все преподавать сообразно степени восприимчивости ученика, которая будет увеличиваться с возрастом и дальнейшим ходом занятий.

Основоположение VII

Природа ничего не вызывает насильно наружу, кроме того, что, созрев внутри, само стремится выйти.

…Так, дерево не дает отростков ранее, чем сок, поднимаясь от корня, не заставляет их расти; не дает раскрываться почкам ранее, чем образовавшиеся из сока вместе с цветами листья стремятся развернуться свободнее; не сбрасывает цвета ранее, чем охваченный им плод не покрывается кожицей; не дает плоду падать ранее, чем он созрел.

Итак, над умами детей совершается насилие:

● когда их принуждают к тому, до чего они не дошли еще ни по возрасту, ни по своему умственному развитию;

● когда учеников заставляют что-либо запомнить или делать без предварительного и достаточного разбора, разъяснения и наставления.

Итак, согласно с этим:

● детям следует заниматься только тем, что соответствует их возрасту и способностям, а также тем, к чему они сами стремятся;

● ничего нельзя заставлять заучивать, кроме того, что хорошо понято. И также ничего нельзя требовать от памяти ребенка, кроме того, что, судя по несомненным признакам, он усвоил;

● ничего не следует предлагать к выполнению, кроме того, форма и способ выполнения чего в достаточной мере разъяснены.

Основоположение VIII

Природа всячески себе помогает. Например, у яйца нет недостатка в своем жизненном тепле; однако, отец природы, Бог, предусматривает, чтобы этому теплу помогли или теплота солнца, или перья сидящей на яйцах птицы. Когда птенец выйдет из яйца, мать, пока это необходимо, согревает и всячески развивает и укрепляет его для всего, что нужно ему в жизни.

Итак, жесток тот учитель, который, предложив ученикам работу, не разъясняет достаточно, в чем она заключается, не показывает, как ее выполнять, а еще менее того помогает им при их первых попытках, но обязывает их самих работать изо всех сил и волнуется и свирепеет, когда они что-либо делают не совсем правильно. До тех пор нужно терпеливо относиться к слабому, пока у него не хватает сил.

Итак, на основании этого:

● не следует прибегать при обучении к телесным наказаниям;

● все, что ученики должны выучить, нужно преподать им и изложить так ясно, чтобы они представляли это как свои пять пальцев;

А для того, чтобы все воспринималось легче, надо, насколько это возможно, привлекать к восприятию внешние чувства.

Например, слух постоянно нужно соединять со зрением, язык (речь) с деятельностью рук. Следовательно, о том, что надо знать, надо не только рассказать, чтобы это было воспринято слухом, но это же следует зарисовать, чтобы через зрение предмет запечатлелся в воображении. С своей стороны, пусть ученики немедленно учатся все воспринятое произносить вслух и выражать деятельностью рук. Не следует отступать ни от одного предмета, пока он не запечатлеется достаточно в ушах, глазах, в уме и памяти. А для этой цели будет полезно, чтобы все, что обыкновенно изучается в каждом классе, будь то теоремы или правила, или образы и эмблемы из преподаваемого предмета, изображалось наглядно на стенах той же аудитории. Такая

постановка дела исключительно сильно способствовала бы твердому усвоению предмета. Сюда будет относиться и то, чтобы ученики приучались переписывать в свои дневники или сборники общих истин все то, что они слышат или читают в книгах, так как это будет давать пищу воображению и облегчит припоминание этого предмета в дальнейшем.

Основоположение IX

Природа не производит ничего такого, польза чего не стала бы вскоре очевидной.

Создает ли она птичку, скоро становится ясным, что крылья даются ей для летанья, ноги – для беганья и пр. Возникает ли что-либо на дереве, все это имеет свое полезное значение вплоть до шелухи и пушка, покрывающих плод и пр.

Итак, ты облегчишь ученику усвоение, если во всем, чему бы ты его ни учил, покажешь ему, какую это приносит повседневную пользу в общежитии. Этого правила нужно придерживаться везде: и в грамматике, и в диалектике, и в арифметике, и в геометрии, и в физике и пр. Иначе, что бы ты ни рассказал, все будет представляться детям каким-то чудовищем с того света. Не доведенный до понимания того, существует ли это в природе и в порядке ли это вещей, ребенок скорее будет верить, чем знать. Но если ты покажешь назначение всякой вещи, то ты действительно обеспечишь его подлинным знанием и умением действовать.

Следовательно, нужно учить только тому, в чем есть очевидная польза.

Основоположение X

Природа действует во всем единообразно.

Например, каково происхождение одной птицы, таково происхождение и всех птиц, мало того – всех животных, измененное лишь некоторыми побочными обстоятельствами… И каков на дереве один лист, таковы и все остальные, и какими листья бывают в этом году, такими же они будут и в следующем году и всегда.

Вот почему разнообразие методов обучения только затрудняет юношество и осложняет обучение. Между тем, не только различные преподаватели различным образом преподают предметы, но и один и тот же преподаватель преподает различно, например, иначе преподает грамматику, иначе – диалектику и пр., тогда как все это можно было бы преподавать однообразно, в

соответствии с гармонией целого и с тем, что вещи и слово имеют связь и родство между собой.

Поэтому нужно позаботиться, чтобы в дальнейшем:

● один и тот же метод был принят для преподавания всех наук, один и тот же метод – для преподавания всех искусств, и тот же метод – для преподавания всех языков;

● в одной и той же школе был один и тот же порядок и во всех упражнениях;

● насколько это возможно, были одни и те же издания книг по одному и тому же предмету.

Глава XVIII

Основы прочности (основательности) обучения и учения.

От многих раздаются жалобы, да и факты это подтверждают, что только немногие ученики выносят из школ основательное образование, а большинство – только поверхностное или даже только намек на образование.

Если ты будешь искать причины этого, то она окажется двоякой. Это происходит либо потому, что в школах пренебрегают существенным, обращают внимание на ничтожное и пустое, либо потому, что ученики снова забывают то, что они выучили, так как большая часть знаний только скользит по поверхности ума и не внедряется в него. Этот второй недостаток настолько распространен, что мало людей, которые на него не жаловались бы.

Но есть ли средство против этого зла? Несомненно, найдется. Обратившись к школе природы, опять-таки будем искать руководящих указаний в ее творениях, предназначенных для долгого существования. Таким путем можно будет найти метод, при котором каждый будет знать не только то, что выучил, но даже более, чем он выучил, т. е. не только свободно излагать почерпнутое от учителей и из авторов, но и основательно судить о самих вещах.

Но этого можно достигнуть:

● если основательно будут рассматриваться только те вещи, которые должны принести пользу;

● занимаясь, однако, всеми этими вещами уже без всякого изъятия;

● если всему будет положено прочное основание;

● если указанные основания будут закладываться глубоко;

● если все затем будут опираться только на эти основания;

● все, что нужно различать, должно быть различаемо с полной определенностью;

● все последующее должно опираться на предыдущее;

● все, что связано между собой, должно быть связываемо постоянно;

● все должно быть распределяемо пропорционально между разумом, памятью и языком;

● все должно закрепляться постоянными упражнениями.

Рассмотрим отдельные положения подробнее.

Основоположение I

Природа никогда не делает ничего бесполезного.

Например, создавая птичку, природа не дает ей ни чешуи, ни плавательных перьев, ни жабр, ни рогов, ни четырех ног и ничего такого, что ей не будет нужно, а дает только голову, сердце, крылья и пр. Дереву природа не дает ушей, глаз, перьев, волос и пр., а лишь кору, лыко, сердцевину, корень и пр.

Следовательно, в школах:

● нужно преподавать только то, что приносит самую основательную пользу как в настоящей, так и в будущей жизни и даже более в будущей;

● если что-либо нужно сообщить юношеству даже и ради настоящей жизни (как это и бывает), все это должно быть таково, чтобы и в этой настоящей жизни приносило бы существенную пользу.

Основоположение II

Природа ничем не пренебрегает из того, что является полезным в будущем для того тела, которое она создает.

Следовательно, таким же образом в школах образовывая человека, необходимо образовывать его в целом, чтобы сделать его пригодным для настоящей жизни.

Поэтому в школах следует обучать не только наукам, но и нравственности и благочестию. А научное образование служит человеку к усовершенствованию одновременно и разума, и языка, и рук для того, чтобы он мог все, что дается, разумно созерцать, выражать словами и осуществлять в действии. Если что-либо из этого опустить, то получится пробел, который не только нанесет ущерб образованию, но и подорвет его основательность. Ибо крепким может быть только тесно связанное во всех своих частях.

Основоположение III

Природа ничего не творит без твердого основания, без корня. Растение не растет кверху, пока не пустит свой корень вниз, а если попытается это сделать, то ему придется завянуть и погибнуть.

Сообразно с этим:

● какое бы занятие ни начинать, нужно прежде всего возбудить у учеников серьезную любовь к нему, доказав превосходство этого предмета, его пользу, приятность и что только можно;

● идея языка или искусства (которая является не чем иным, как извлечением, охватывающим в самом общем виде все части предмета) всегда должна запечатлеваться в уме учащегося ранее, чем приступят к частному его рассмотрению. В таком случае учащийся уже в самом начале хорошо может обозреть как цель и пределы предмета, так и внутреннее расположение его частей. Ибо как скелет есть основа всего тела, так общий очерк искусства есть базис и основа всего искусства.

Основоположение IV

Природа пускает корни глубоко.

Отсюда ясно, что восприимчивость к учению в ученике нужно возбуждать серьезно и идею предмета глубоко запечатлевать в уме. К более полной системе искусства или языка следует подходить не ранее, чем будет установлено, что идея усвоена совершение ясно и пустила хорошие корни.

Основоположение V

Природа все производит из корня и более ниоткуда.

Из этого основного положения следует, что правильно обучать юношество – это не значит вбивать в головы собранную из авторов смесь слов, фраз, учений, мнений, а это значит – раскрывать способность понимать вещи, чтобы именно из этой способности, точно из живого источника, потекли ручейки (знания), подобно тому как из почек деревьев вырастают листья…

На самом деле до сих пор школы не достигли того, чтобы приучать умы, точно молодые деревца, развиваться из собственного корня, но приучали учащихся только к тому, чтобы, сорвав ветки в других местах, навешивать их на себя и, подобно эзоповской вороне, одеваться чужими перьями.

Метод преподавания всех предметов показывает, что школы стремятся к тому, чтобы научить смотреть чужими глазами,

мыслить чужим умом.

Нужно учить так, чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не из книг, но из неба и земли, из дубов и буков, т. е. знали и изучали самые вещи, а не чужие только наблюдения и свидетельства о вещах. И это будет значить, что мы снова идем по стопам древних мудрецов, черпая знание не из какого-либо иного источника, а из самого первообраза вещей. Итак, пусть будет законом:

● все должно выводить из незыблемых начал вещей;

● ничему не следует учить, опираясь только на один авторитет; но всему учить при помощи доказательств, основанных на внешних чувствах и разуме;

● ничего не преподавать одним аналитическим методом, а предпочтительнее преподавать синтетическим.

Основоположение VII

Природа находится в постоянном движении вперед, никогда не останавливается, никогда не берется за новое, бросая начатое, но продолжает прежде начатое, расширяет его и доводит до конца…

Итак, в школах:

● все занятия должны располагаться таким образом, чтобы последующее всегда основывалось на предшествующем, а предшествующее укреплялось последующим;

● все преподаваемое, правильно понятое умом, должно быть закреплено также и в памяти.

Основоположение VIII

Природа все соединяет постоянными связями.

Отсюда следует:

● научные занятия всей жизни должны быть так распределены, чтобы составлять одну энциклопедию, в которой все должно вытекать из общего корня и стоять на своем собственном месте;

● все, что преподается, должно быть так обосновано аргументами, чтобы не оставалось никакого места ни сомнению, ни забвению.

Подкреплять все основаниями разума – это значит всему учить, указывая на причины, т. е. не только показывать, каким образом что происходит, но также и показывать, почему не может быть иначе. Ведь знать что-нибудь – это значит показывать вещь в причинной связи.

Основоположение IX

Природа сохраняет пропорцию между корнем и ветвями в количественном и качественном отношениях.

Хотя образование сперва должно восприниматься, развиваться и укрепляться внутренним корнем понимания, однако, вместе с тем надо принимать меры к тому, чтобы оно заметно распространялось наружу, как бы в суки и ветви, т. е. чтобы все то, что понятно, вместе с тем обучали бы красноречиво излагать и должным образом применять на практике, и наоборот.

Итак:

● при усвоении всякого предмета тотчас нужно обдумать, какую это принесет пользу, чтобы ничего не изучать напрасно;

● все то, что усвоено, в свою очередь должно быть передаваемо другим и для других, чтобы никакое знание не пропадало.

В этом смысле правильно сказано: твое знание ничто, если другой не знает, что ты это знаешь. Итак, пусть не открывается даже маленький источник знания без того, чтобы тотчас не потекли ручейки знания.

Основоположение X

Природа сама себя оплодотворяет и укрепляет постоянным движением.

…Отсюда следует, что обучение нельзя вести до основательности без возможно более частых повторений и упражнений. А какого рода упражнения являются наилучшими, на это нам указывают естественные процессы, которые в живом теле служат для питания, а именно движения для привлечения пищи, переваривания и выделения ее.

Ибо как в животном (а также в растении) любой орган ищет питания, чтобы его переварить, а переваривает, чтобы питать самого себя (часть переваренного оставляя себе и усвояя), и чтобы передать соседним органам для сохранения целого (ведь любой орган служит другим, чтобы другие служили ему), – так равным образом будет умножать знание тот, кто всегда:

● будет искать и привлекать к себе духовную пищу;

● будет пережевывать и переваривать то, что он найдет и привлечет;

● переварив, будет выделять и сообщать другим.

Эти требования выражены в следующем латинском стихе: как можно больше спрашивать, опрошенное усваивать, тому, что усвоил, обучать товарища – эти три правила дают возможность

ученику побеждать учителя.

Спрашивать – это значит обращаться за советом по поводу неизвестной вещи к учителю, к товарищу или к книге. Усваивать – это значит узнанное и понятое запоминать и для большей верности заносить в тетрадь (так как немногие отличаются столь счастливыми способностями, чтобы иметь возможность во всем полагаться на память). Обучать – это значит все усвоенное в свою очередь пересказывать товарищам или всякому, желающему слушать. Два первых приема известны школам, третий – еще недостаточно; однако, ввести его было бы весьма полезно. Ведь чрезвычайно правильно известное положение: «Кто учит других, учится сам» – не только потому, что, повторяя, он укрепляет в себе свои знания, но также и потому, что получает возможность глубже проникать в вещи. Поэтому талантливейший Иоахим Форций свидетельствует о себе, что все то, что он только слышал или читал, ускользало у него из памяти даже в течение месяца, а чему он учил других, то он может перечислить, как свои пять пальцев, и думает, что это может отнять у него только смерть.

В соответствии с этим он советует, чтобы тот из учащихся, кто желает сделать большие успехи в занятиях, искал бы себе учеников, которых он мог бы ежедневно учить тому, чему учится сам, даже если бы ему пришлось платить им деньги. Лучше тебе, говорит он, чтобы ты стеснил себя в чем-либо в своих внешних удобствах, только бы иметь того, кто желал бы слушать, как ты учишь, т. е. подвигаешься вперед.

Глава XIX
Основы кратчайшего пути обучения

Проблема I

Каким образом один учитель может обслужить любое число учеников.

Я не только утверждаю, что один учитель может руководить несколькими сотнями учеников, но и настаиваю на том, чтобы это было так, потому что это наиболее целесообразно и для учащего, и для учащихся. Учитель, несомненно, тем с большим удовольствием будет вести дело, чем большее число учеников будет видеть перед собой (так и добывающие руду работают с наслаждением при ее обилии), а чем более воодушевленным будет учитель, тем более оживленными сделает он и учеников. Равным образом, самим ученикам большее число их доставляет большее удовольствие (всем доставляет радость иметь товарищей

по работе) и большую пользу. Они взаимно будут друг друга возбуждать и друг другу помогать, так как этот возраст имеет свои особые побуждения к соревнованию.

Кроме того, если учителя слушают немногие, то что-либо может ускользнуть от внимания всех, а если слушают многие, то каждый воспринимает, сколько он может, и в дальнейшем все это легче воспроизвести и сделать общим достоянием, так как один ум помогает другому, одна память помогает другой. Словом, как хлебопек, однажды замесив тесто и однажды истопив печь, печет много хлебов, кирпичный мастер обжигает много кирпичей, а типограф одним набором букв печатает сотни или тысячи экземпляров книг, – так именно и учитель школы одними и теми же упражнениями в занятиях может без всякого для себя неудобства сразу обслуживать огромное количество учеников. Это подобно тому, как единственный ствол бывает достаточен для поддержания и питания соком даже самого развесистого дерева, а солнце – для оживления всей земли.

Но как же это, наконец, сделать? Посмотрим на действие природы. Ствол не доходит до самых крайних ветвей, но, оставаясь на своем месте, сообщает сок главным примыкающим к нему ветвям; те передают его другим, и таким образом, сок переходит последовательно вплоть до последних и самых маленьких веток дерева. Солнце не спускается к отдельным деревьям, травам, животным, но, рассеивая лучи со своей высоты, сразу освещает все полушарие, причем отдельные создания берут свет и тепло на собственные нужды.

Если обучение будет поставлено таким образом, то одного преподавателя будет вполне достаточно для самого многочисленного состава учеников. Только нужно, чтобы он:

- разделил всех учеников на определенные разряды, например на десятки, и во главе каждого десятка поставил наблюдающих, а над ними в свою очередь – других и т. д. до самого старшего;
- если учитель никогда ни вне школы, ни в самой школе не будет обучать какого-нибудь ученика или часть учеников отдельно от прочих, а будет обучать только всех вместе и сразу.

Необходимо лишь сделать внимательными к себе всех и каждого. Главная забота учителя заключается в том, чтобы говорить только для слушающих, обучать только при наличии внимания учащихся, но нужно помнить совет Сенеки: «Что бы то ни было нужно говорить только тому, кто хочет слушать».

Проблема II

Как можно было бы сделать, чтобы все учились по одним и тем же книгам.

Всякий знает, что при множестве предметов мысль рассеивается. Поэтому получится заметное сбережение сил в том случае, если ученикам будут предоставлять только книги, предназначенные для занятий в данном классе.

Предназначенные для этого книги должны быть в большом количестве.

Книги должны быть написаны весьма точно и доступно.

Такие книги нужно будет составить для всех школ в соответствии с нашими принципами легкости, основательности и краткости: их изложение должно быть полным, основательным и точным, таким, чтобы они были вернейшей картиной всего мира (который должен запечатлеться в сознании). И чего я особенно желаю и на чем я настаиваю, так это на том, чтобы эти книги были написаны понятно и доступно и давали бы учащимся такое освещение, благодаря которому они понимали бы все сами, даже без учителя.

С этой целью я желал бы, чтобы они составлялись преимущественно в форме диалогов. Во-первых, именно таким способом легче приспособить содержание и слог к детским силам, чтобы не внушить ученикам представления о предмете, как о чем-то невозможном или недоступном, или слишком трудном, между тем как нет ничего более искреннего и более естественного, чем беседа, которою постепенно и незаметно можно завести человека куда угодно. В такой форме писатели комедий излагали для наставления народа все свои наблюдения над испорченностью нравов; таким образом излагал всю свою философию Платон; так в интересах общедоступности весьма многое преподносил Цицерон и излагал все свое богословие Августин. Во-вторых, разговоры возбуждают, оживляют и поддерживают внимание. Это происходит вследствие того, что нас увлекают разнообразие вопросов и ответов и различные случаи и формы их многократного применения. Мало того, вследствие самого разнообразия разговаривающих лиц и их смены не только устраняется скука, но и возбуждается сильное желание слушать все более и более. В-третьих, разговор делает познание более прочным. Мы вернее запоминаем факт, который мы видели сами, чем тот, о котором мы только слышали рассказ. Так и в умах учащихся крепче запоминается то, с чем мы знакомимся при помощи комедии или диалога (так как нам кажется, что при этом мы не столько слышим, сколько видим), чем то, что мы услышим при простом чтении учителя, и это подтверждает опыт. В-четвертых, так как большая часть нашей жизни состоит из

разговора, то самым кратким путем к этому юношество подготовляется в том случае, если оно приучается не только понимать полезное, но и рассуждать об этом разнообразно, изящно, серьезно и быстро. В-пятых, наконец, разговор облегчает повторение, давая ученикам возможность заниматься им даже самим.

Книги должны быть одного и того же издания.

Содержание книг должно быть начертано на стенах классной комнаты.

Проблема III

Каким образом можно было бы в школе всем ученикам в одно и то же время заниматься одним и тем же.

Для осуществления этого необходимо:

● начинать занятия в школах только один раз в году, точно так же, как и солнце только раз в году (весной) начинает действовать на всю растительность;

● все, что предстоит выполнить, нужно располагать таким образом, чтобы на каждый год, месяц, неделю, день и даже час падало свое собственное задание, и тогда ничто не будет мешать предлагать это задание одновременно всему классу и одновременно же всех доводить до цели.

Проблема IV

Каким образом может быть, чтобы все преподавали по одному и тому же методу.

Для всех наук, как и для всех искусств и языков, существует только один естественный метод. Ведь легче внести изменение или разнообразие, если где-нибудь к ним нужно прибегать, чем создавать новый метод; эти изменения учитель вносит по своему разумению в зависимости не от существа предмета, а от сравнительных особенностей искусств и языков и от способностей к ним и успеваемости учащихся. Итак, сохранять естественный метод – кратчайший путь для учащихся, так же как для путников кратчайший путь – одна прямая дорога без поворотов. Частные отличия выступают отчетливее, если они указываются как отдельные отклонения от однажды данной общей основы.

Проблема V

Каким образом в немногих словах может быть

выражено понимание многих вещей.

Загромождать ум огромной массой знаний или многословием есть дело совершенно бесполезное. Больше питания доставляет человеческому желудку кусок хлеба и глоток вина, чем полный горшок шелухи и отбросов. Лучше одна самая маленькая золотая монета в кошельке, чем сотня медных монет. И относительно правил Сенека сказал метко: «Правила нужно сообщать наподобие семян, их нужно немного, но они должны быть плодотворными». Человеку, как микрокосму, присуще все, и нет необходимости вносить что-либо со стороны, кроме света: он сам увидит. А кто не знает, что для работающего при искусственном свете достаточным является свет даже от маленького пламени свечки. Поэтому-то нужно выбирать или составлять вновь по наукам и языкам основные книги, небольшие по объему, но пригодные по содержанию на практике. Они должны излагать дело кратко, давая в немногом многое, т. е. представляя умственному взору учащихся основные вещи так, как они есть; в немногих, но продуманных и чрезвычайно легких для усвоения теоремах и правилах, откуда бы все остальное вытекало само собой.

Проблема VI

Каким образом поставить дело так, чтобы при одной работе выполнялось двойное или тройное дело.

Природа дает нам примеры, показывающие, что в одно и то же время, при одной работе можно выполнять разнообразные дела. Дерево, например, в одно и то же время растет и вверх, и вниз, и в стороны, и вместе с тем у него растут и древесина, и кора, и листья, и плоды.

Таким же образом пусть будет поставлено и образование юношества, т. е. чтобы всякая работа приносила более чем один результат. Здесь общее правило состоит в том, чтобы всегда и везде брать вместе то, что связано одно с другим.

Пять специальных правил:

● слова нужно преподавать и изучать не иначе, как вместе с вещами;

● на основании этого правила нужно удалять из школ всех авторов, которые учат только словам, а не сообщают никакого знания полезных вещей. Ведь нужно больше заботиться о лучшем. Нужно стремиться к тому, говорит Сенека, чтобы мы подчинялись не словам, а ощущениям;

● сокращение труда получится и при одновременном упражнении учеников в чтении и письме. Едва ли можно

придумать более действительное побуждение или приманку для учеников даже при изучении алфавита, чем если заставить их усваивать буквы путем письма. Так как стремление к рисованию является как бы естественным для детей, то от такого упражнения они будут получать удовольствие; между тем, вследствие двойного ощущения, сила представления будет получать большую поддержку. Так, после, когда они научатся читать быстро, пусть упражняются на таком материале, который и независимо от этого подлежит изучению, т. е. который капля за каплей дает знание вещей, наставляет в нравственности и благочестии;

● упражнения в стиле должны одновременно развивать и ум, и язык;

● обучение других следует соединять с собственным учением;

● серьезное вместе с развлечением.

Проблема VII

Как нужно во всем продвигаться последовательно.

Надо строить учебники, снабдив их указаниями преподавателям о правильном пользовании ими, чтобы образование, нравственность, благочестие постепенно могли быть доведены до высшей степени.

Проблема VIII

Об устранении и удалении задержек.

Не без основания было сказано: «Нет ничего более пустого, как знать и изучать многое», т. е. то, что не принесет пользы; а также: «Мудр не тот, кто знает многое, но тот, кто знает полезное». Сообразно с этим школьные работы можно будет сделать более легкими, внося в них некоторые сокращения.

Надо опускать:

То, что не является необходимым. Излишнее – это то, что не содействует ни благочестию, ни нравственности и без чего вполне может обойтись образование. Итак, следует все изучать не для школы, а для жизни, чтобы ничто по выходе из школы не улетало на ветер.

Чуждое. Чуждое есть то, что не свойственно натуре того или другого ученика. Как у трав, деревьев, животных есть различные особенности – с одними нужно обращаться так, с другими иначе и нельзя пользоваться для одних и тех же целей всем одинаково, –

так существуют подобные же природные способности и у людей. Встречаются счастливцы, которые все постигают, но нет недостатка и в таких, которые в определенных предметах удивительно непонятливы и тупы. Иной – в спекулятивных науках – орел, а в практической мудрости – осел с лирой. Иной в музыке туп, а в остальном способен к обучению. У другого подобное положение имеет место с математикой или с поэзией, или с логикой и пр. Что здесь делать? Куда не влекут способности, туда не толкай. Бороться с натурой – напрасное дело.

Ибо таким образом ты или совершенно ничего не достигнешь, или достигнешь того, что не оправдает затраченного труда. Учитель есть помощник природы, а не ее владыка, ее образователь, а не преобразователь.

Слишком специальное. Было бы бесконечно скучным, растянутым и запутанным делом, если бы кто-либо пожелал изучать специальные подробности (например, все отличительные особенности трав и животных, работы ремесленников, названия инструментов и т. п.).

Глава XX
Метод наук в частности

В целях практического применения соберем, наконец, разбросанные выше наблюдения относительно искусного обучения наукам, искусствам, языкам, нравам и благочестию. Я говорю искусного, т. е. легкого, основательного и быстрого.

Наука, или знание вещей, будучи не чем иным, как внутренним созерцанием вещей, обусловливается такими же элементами, как и внешнее наблюдение или созерцание, а зрению глаза, именно – глазом, объектом и светом. Только при наличии таких элементов получается зрение. Оком внутреннего зрения является разум, или умственные способности, объектом – все вещи, находящиеся вне и внутри интеллекта, светом – должное внимание. Но как во внешнем зрении нужен еще и определенный способ, чтобы видеть вещи так, как они есть, так и здесь нужен известный метод, при котором вещи так представлялись бы уму, чтобы он воспринимал и постигал их верно и легко.

Итак, юноше, желающему проникнуть в тайны наук, необходимо соблюдать четыре условия:

- он должен иметь чистое духовное око;
- перед ним должны быть поставлены объекты;
- должно быть налицо внимание; подлежащее наблюдению должно быть представлено одно за другим в надлежащем порядке – и он все будет усваивать верно и легко.

Пусть будет для учащих золотым правилом: все, что только можно, предоставлять для восприятия чувствами, а именно: видимое – для восприятия зрением, слышимое – слухом, запахи – обонянием, подлежащее вкусу – вкусом, доступное осязанию – путем осязания. Если какие-либо предметы сразу можно воспринять несколькими чувствами, пусть они сразу схватываются несколькими чувствами.

…Далее следует сказать о свете, при отсутствии которого напрасно будешь подносить предметы к глазам. Этот свет учения есть внимание, благодаря которому учащийся воспринимает все открытым и жаждущим знания разумом.

Надо теперь найти способ или метод представлять предметы чувствам таким образом, чтобы от них получалось прочное впечатление. Принципы этого способа прекрасно можно заимствовать из внешнего зрения. Чтобы видеть что-либо правильно, необходимо следующее: поставить соответствующий предмет пред глазами, но не вдали, а на надлежащем расстоянии, и притом не сбоку, но прямо пред глазами. Лицевая сторона предмета должна быть не отвернута или перевернута, но обращена прямо к глазам, так, чтобы сперва можно было осмотреть предмет в целом, а затем осмотреть каждую часть в отдельности, и притом по порядку от начала до конца. И останавливаться на каждой части до тех пор, пока все не будет различено правильно.

Когда все эти условия выполняются надлежащим образом, то наблюдение происходит правильно. Если хотя бы одно из них отсутствует, то наблюдение либо совсем не происходит, либо происходит плохо.

Эти наблюдения дают в распоряжение преподавателей чрезвычайно полезные правила: *всему, что должно знать, нужно обучать.* Ведь если не преподать ученику то, что он должен знать, то откуда он мог бы это узнать? Итак, пусть остерегаются учителя скрывать что-либо от учеников: ни умышленно, как обыкновенно делают люди завистливые и нечестные, ни по небрежности, как это бывает у лиц, исполняющих свои дела небрежно. Здесь нужны честность и трудолюбие.

Все, чему обучаешь, нужно преподносить учащимся как вещь, действительно существующую и приносящую определенную пользу.

Ученик именно должен видеть, что изучаемое им есть не утопия или что-либо относящееся к платоновским идеям, но что это вещи действительно нас окружающие, истинное познание которых принесет подлинную пользу в жизни. При таком условии ум будет обращаться к изучаемому ревностнее и будет все

различать более тщательно.

Всему, чему обучаешь, нужно обучать прямо, а не окольными путями.

Это и будет значить – смотреть прямо, а не искоса, когда мы не столько видим вещи, сколько слегка задеваем взглядом, а потому и воспринимаем их спутанно и темно. Пусть каждая вещь наглядно предлагается учащемуся в своей собственной сущности, просто, без словесных прикрытий, без переносного смысла, намеков и преувеличений. Такие приемы хороши при превознесении или умалении, при рекомендации или порицании уже изученных вещей, а не при первичном ознакомлении с предметом; в этом последнем случае к вещам нужно подходить прямо.

Всему, чему обучаешь, нужно обучать так, как оно есть и происходит, т. е. путем изучения причинных связей.

…Все, что подлежит изучению, пусть сперва предлагается в общем виде, а затем по частям.

Подвергать вещь общему изучению – это значит разъяснить сущность всей вещи и ее видовые признаки. Сущность выясняется путем вопросов: *что? какое? почему?* На вопрос *что?* отвечает имя, род, назначение и цель вещи; на вопрос *какое?* отвечает форма вещи, или свойство, благодаря которым вещь становится соответствующей своему назначению; на вопрос *почему?* – производящая сила или та сила, через которую вещь делается пригодной для своей цели.

Части вещи должно рассмотреть все, даже менее значительные, не пропуская ни одной, принимая во внимание порядок, положение и связь, в которой находятся с другими частями.

Ведь нет ничего ненужного, и иногда в малейшей даже части заключается сила больших частиц.

Все нужно изучать последовательно, сосредоточивая внимание в каждый данный момент только на чем-либо одном.

Не может взор сразу охватить два или три предмета иначе, как только несвязно и смутно (например, читая книгу, нельзя смотреть одновременно на две страницы, мало того – даже на две, хотя бы непосредственно примыкающие одна к другой, строки, на два слова и даже на две буквы, но последовательно – на одно после другого), так и ум может созерцать, но не иначе, как каждый раз только что-либо одно. Следовательно, чтобы не загромождать ума, нужно идти последовательно, отделяя одно от другого.

На каждом предмете нужно останавливаться до тех пор, пока он не будет понят.

Ничто не происходит мгновенно, так как все, что совершается, происходит благодаря движению; а движение протекает последовательно. Итак, нужно будет останавливаться с учеником на каждой части науки, пока он ее не усвоит и пока не будет уверен, что знает ее.

Различия между вещами должно передавать хорошо, чтобы понимание всего было отчетливым. Глубокая истина заключается в общеизвестном выражении: «Кто хорошо различает, тот хорошо обучает». Множество предметов загромождает учащегося, а разнообразие путает его, если не будут приняты против этого меры: по отношению к множеству – порядок, чтобы к одному переходили после другого; по отношению к разнообразию – внимательное наблюдение различий, чтобы везде становилось ясным, чем одна вещь отличается от другой. Это одно даст отчетливое, ясное, верное знание, так как и разнообразие, и сущность вещей зависят от различий.

Так как не каждый преподаватель может с таким искусством вести преподавание, то необходимо самые преподаваемые в школах науки согласовать с законами этого метода так, чтобы не легко было уклониться от цели.

Если бы это было признано и все строго соблюдали, то обучение было бы столь же легким и приятным, как прогулка по какому-либо царскому дворцу.

Глава XXI
Метод искусств

Более чем науками, нужно заниматься искусствами.

Искусство требует трех вещей:

- образца, или идеи, являющейся некоторой внешней формой, взирая на которую художник пытается воспроизвести подобную;
- материи, которая есть то самое, в чем должно выразить новую форму;
- инструментов, с помощью которых производится вещь.

Но обучение искусству (когда уже даны инструменты, материя и образец) требует еще:

- правильного употребления (данных);
- разумного направления;
- частого упражнения.

Тому, что следует выполнять, нужно учиться на деле.

Мастера не задерживают своих учеников на теоретических рассуждениях, а тотчас втягивают их в работу. Так же и в школах пусть учатся писать, упражняясь в письме, говорить – упражняясь

в речи, петь – упражняясь в пении, умозаключениям – упражняясь в умозаключениях, и т. д., чтобы школы были не чем иным, как мастерскими, в которых кипит работа. Именно таким образом все на собственном успешном опыте испытают справедливость известного изречения: на работе образовываешься.

Всегда должна быть налицо определенная форма и норма того, что должно выполнять. Конечно, ученик должен подражать ей, внимательно вглядываясь в нее и как бы следуя по чужим стопам. Ведь он не может еще самостоятельно создать ничего, не зная, что и как должно делать; следовательно, нужно ему показывать. Было бы жестоко заставлять кого-либо делать то, что ты хочешь, хотя он не знает, чего ты хочешь; требовать, чтобы он проводил прямые линии, прямые углы, правильные круги, не дав наперед в руки линейки, прямоугольника, циркуля и не указав, как ими пользоваться. Поэтому нужно серьезно позаботиться о том, чтобы в школах для всего, что приходится делать, были истинные, точные, простые, легко понимаемые, легкие для подражания формы и образцы и оригиналы всех вещей или предварительные наброски и чертежи вещей или руководящие правила и примерные упражнения в работах. И тогда только не будет неразумно требовать от того, кому показан свет, чтобы он видел, от того, кто уже твердо стоит на ногах, чтобы он ходил, от того, кто умеет обращаться с инструментами, чтобы он работал.

Употреблению инструментов лучше учить на деле, чем на словах, т. е. лучше обучать этому примерами, чем правилами.

Давно сказал Квинтилиан: «Длинен и труден путь через правила, легок и успешен через примеры». Но увы! как мало помнят об этом правиле обычные школы. Именно предписаниями и правилами, исключениями из правил и ограничениями исключений так обременяют даже впервые приступающих к изучению грамматики, что они в большинстве случаев не знают, что делать, и скорее начинают тупеть, чем понимать. Однако мы не видим, чтобы так поступали мастера, чтобы они своим начинающим ученикам сначала диктовали столько правил. Поведя новичков в мастерскую, мастера предлагают им наблюдать за своей работой, и, как только новички пожелают подражать (ведь человек есть существо подражающее), они дают им в руки инструменты и обучают, каким образом надо их держать и действовать ими; затем, если обучаемые делают ошибки, мастера указывают и поправляют их всегда больше примером, чем словами. И практика показывает, что подражание идет успешно. Ибо верно изящное выражение немцев: «Хороший образец находит хорошего подражателя». Подходит сюда также и выражение Теренция: «Иди вперед, я следую за тобой».

Упражнение следует начинать с элементов, а не с выполнения целых работ.

Тот, кто учит ребенка искусству читать, не дает ему сразу целого текста книги, но элементы букв, сначала отдельные, потом соединенные в слоги и слова, потом предложения и пр.

Первые упражнения начинающих должны вращаться вокруг известного им материала.

Учащегося не следует обременять предметами, трудными для его возраста, восприимчивости. Когда выяснено употребление правил на одном, другом и третьем известном примере, ученик уже очень легко будет поступать подобным же образом во всех остальных случаях.

Подражание должно происходить по строго предписанной форме; впоследствии оно может быть более свободным.

…Итак, насколько это возможно, при подражании и в других работах должно строго придерживаться оригинала, пока рука, ум, язык, став более твердыми, не привыкнут свободнее и самостоятельнее оформлять сходное. Например, при обучении письму пусть берут тонкую, просвечивающую бумагу и под нее подкладывают именно ту пропись, которой желают подражать: ученики таким образом, водя пером по просвечивающимся буквам, могут легко подражать прописи. Или надо напечатать прописи на чистой бумаге какой-нибудь краской, бледной желтоватой или коричневатой, чтобы ученики, обмакнув перья в чернила и водя ими по очертаниям букв, приучались подражать тем же буквам в той форме.

Формы для выполнения должны быть самыми совершенными, чтобы тот, кто, подражая им, выразил их достаточно верно, мог считаться совершенным в своем искусстве.

Первая попытка подражания должна быть самой точной, чтобы ни в одной, даже малейшей, черте в ней не было отклонения от оригинала.

Конечно, насколько это возможно. Однако это необходимо, первоначальное является как бы основою для последующего: на прочных основах можно возводить прочное здание всего остального; на колеблющихся основах все будет колебаться. Нужно опасаться поспешности: никогда не надо переходить к следующему, не усвоив прочно предшествующего. Достаточно быстро идет вперед тот, кто никогда не сбивается с пути. И то время, которое уходит на правильную установку основ, есть не задержка, а лучший залог сокращения ускорения и облегчения работы в дальнейшем.

Допущенные учениками отклонения от образцов должны тут же исправляться присутствующим преподавателем, который

должен обосновывать свои замечания соответствующими, как мы их называли, правилами и исключениями из правил.

До сих пор мы указывали, что искусства нужно изучать скорее с помощью примеров, чем правил. Теперь мы можем прибавить, что нужно присоединять сюда наставления и правила, которые бы руководили работой и предохраняли от ошибок, ясно указывая на то, что скрыто заключается в образце: с чего работу нужно начинать, куда направлять, каким путем идти вперед и почему каждое действие должно происходить именно таким образом. Это именно то, что даст наконец твердое знание искусства, уверенность и точность в подражании.

Но эти правила, насколько возможно, должны быть краткими и самыми ясными, так чтобы из-за них не пострадало само дело; однажды усвоенные, они будут постоянно приносить пользу, даже если мы к ним и не возвращаемся. Так, ребенку, который учится ходить, большую услугу оказывают соответствующие приспособления для ходьбы, которые впоследствии ему не нужны.

Совершенное преподавание искусства предполагает сочетание синтеза и анализа. Синтез имеет преимущественное значение. В большинстве случаев синтетические упражнения нужно предпосылать аналитическим.

Однако к синтезу нужно прибавлять анализ чужих изобретений и работ. Ведь тот в конце концов хорошо знает какую-либо дорогу, кто исходил ее в ту и другую сторону и кто заметил все встречающиеся на ней перекрестки и боковые тропинки.

Итак, мы желаем того, чтобы во всяком искусстве были установлены полные и совершенные образцы для всего, что должно быть в нем исполнено, обыкновенно исполняется и может быть исполнено.

Эти упражнения нужно продолжать до тех пор, пока они не доведут учеников до полного овладения искусством.

Глава XXII
Метод языков

Языки изучаются не как часть образования или учености, но как орудие для того, чтобы черпать знания и сообщать их другим.

Не нужно изучать все языки в полном объеме и до совершенства, но насколько того требует необходимость.

Изучение языков должно идти параллельно с изучением вещей; чтобы мы учились выражать мысль постольку, поскольку мы понимаем предмет.

Каждый язык нужно изучать отдельно.

На каждый язык следует отвести определенное время для занятий.

Каждый язык лучше изучать не путем правил, а на практике, т. е. как можно чаще слушая, читая, перечитывая, переписывая, стараясь подражать письменно и устно.

Однако правила должны поддерживать, закреплять практику.

Правила языков должны быть грамматическими, а не философскими. Это значит, что они не должны тонко расследовать отношения и происхождение слов, фраз, сочетаний – почему это необходимо, должно быть так или иначе, но просто лишь разъяснять, что происходит и как это происходит.

Нормой для составления правил нового языка должен быть язык, ранее изученный, чтобы было показано только различие между тем и другим.

Первые упражнения в новом языке должны вращаться вокруг ранее известных предметов, тогда, очевидно, не будет необходимости сразу обращать внимание на слова и вещи и таким образом отвлекать и ослаблять его, а придется сосредоточиваться только на словах, для того чтобы легче и быстрее ими овладеть.

Глава XXIII
Метод нравственного воспитания

Следует как можно более заботиться о том, чтобы внедрение нравственности и истинного благочестия было поставлено надлежащим образом в школах, чтобы школы вполне стали «мастерскими людей».

Икусство развивать нравственность имеет основные правила.

Добродетели должны быть внедряемы юношеству все без исключения.

Из того, что правильно и честно, именно ничего нельзя исключить, не вызывая пробелов и нарушения гармонии.

И прежде всего основные, или, как их называют, «кардинальные» добродетели: мудрость, умеренность, мужество и справедливость.

Мудрость юноши должны почерпать из хорошего наставления, изучая истинные различия вещей и их достоинство.

Умеренности пусть обучаются на протяжении всего времени обучения, привыкая соблюдать умеренность в пище и питье, в сне и бодрственном состоянии, в работе и в играх, в разговоре и молчании.

Мужеству пусть они учатся, преодолевая самих себя, сдерживая свое влечение к излишней беготне или к игре вне или

за пределами положенного времени, в обуздывании нетерпеливости, ропота, гнева.

Справедливости учатся, никого не оскорбляя, воздавая каждому свое, избегая лжи, обмана, проявляя исполнительность и любезность.

Особенно необходимы юношеству благородное прямодушие и выносливость в труде.

Так как жизнь придется проводить в общении с людьми и в деятельности, то нужно научить детей не бояться человеческого лица и переносить всякий честный труд, чтобы они не стали нелюдимыми или мизантропами, тунеядцами, бесполезным бременем земли. Добродетель развивается посредством дел, а не посредством болтовни.

Благородное прямодушие достигается частым общением с благородными людьми и исполнением на их глазах всевозможных поручений.

Аристотель так воспитал Александра, что на двенадцатом году своей жизни он умел умно обходиться со всякого рода людьми – с царями и послами царей и народов, с учеными и неучеными, с горожанами, поселянами и ремесленниками – и по всякому делу мог предложить разумный вопрос или разумно отвечать. Для того чтобы при нашем универсальном воспитании все научились удачно подражать этому, надо составить правила обхождения и строго следить за тем, чтобы ученики скромно обращались и ежедневно беседовали о различных предметах с учителями, товарищами, родителями, прислугой и прочими людьми. Наконец, учителя должны уделять внимание тому, чтобы направлять на должный путь всякого, в ком будет замечена распущенность, необдуманность, грубость или дерзость.

Привычку к труду юноши приобретут в том случае, если постоянно будут заняты каким-либо серьезным или занимательным делом.

Для этой цели совершенно безразлично, что и ради чего делается, лишь бы только человек был занят делом. Даже в забавах можно научиться тому, что впоследствии при случае может принести серьезную пользу, когда того потребуют время и обстоятельства. Но так как все нужно усваивать путем практики, то и труду тоже надо учить посредством труда, так, чтобы постоянные (однако умеренные) умственные и физические занятия перешли в трудолюбие, которое сделает праздность невыносимой. И тогда оправдается то, что говорит Сенека: «Благородные умы питаются трудом».

Особенно необходимо внушить детям родственную справедливости добродетель – готовность услужить другим и

охоту к этому.

Развитие добродетелей нужно начинать с самых юных лет, прежде чем порок овладеет душой.

Ведь если ты не засеешь поля добрыми семенами, оно будет производить травы, но какие? Плевелы и всякий сор.

Добродетелям учатся, постоянно осуществляя честное.

Пусть постоянно сияют перед ними примеры порядочной жизни родителей, кормилиц, учителей, сотоварищей.

Ведь дети – это обезьяны: что бы они ни видели – хорошее или дурное, они стремятся этому подражать даже без всякого внешнего побуждения.

Однако примеры нужно сопровождать наставлениями и правилами жизни для того, чтобы исправлять, дополнять и укреплять подражание.

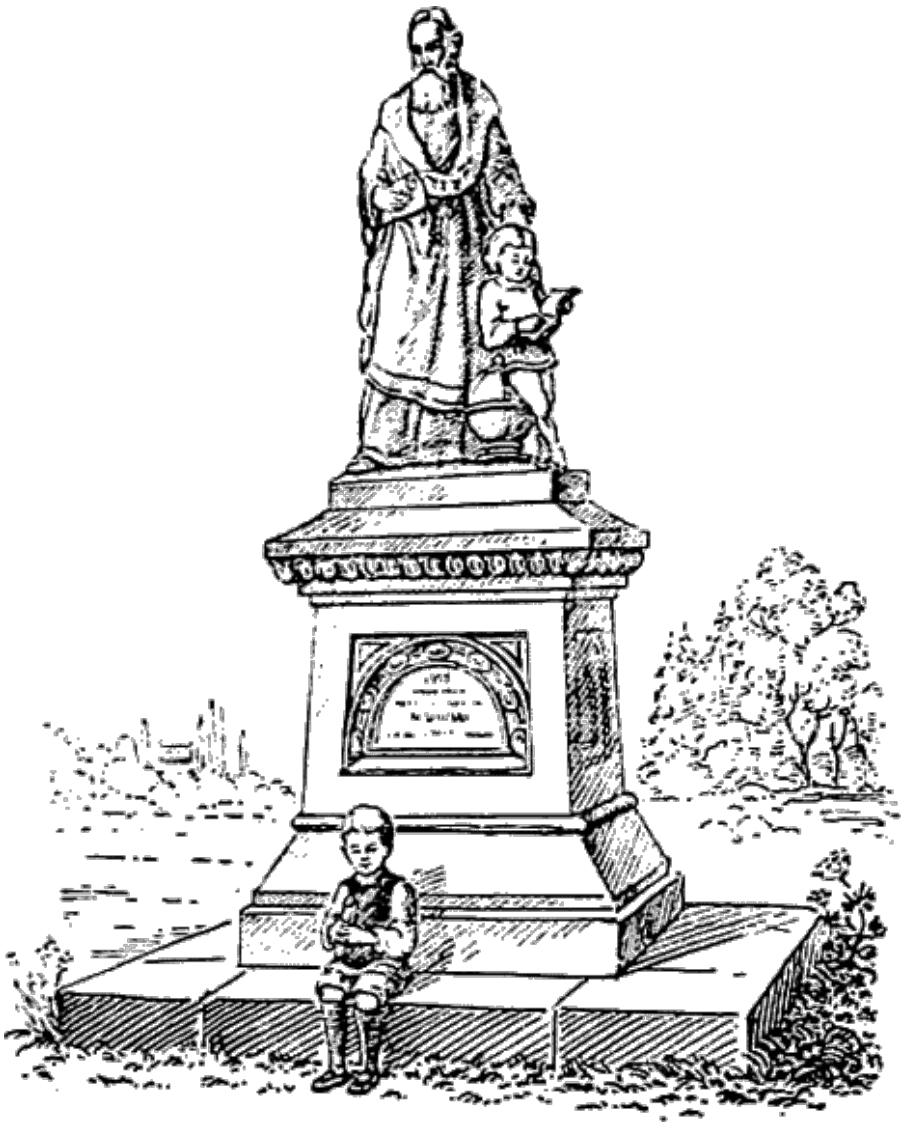
И самым тщательным образом нужно оберегать детей от сообщества испорченных людей, чтобы они не заразились от них.

Ведь вследствие испорченности нашей природы зло распространяется легче и держится упорнее. Поэтому всячески нужно предохранять молодежь от всех поводов к нравственной испорченности, как, например, дурных товарищей, развращенных речей, пустых и бессодержательных книг (ибо примеры пороков, воспринятые глазами или ушами, есть яд для души) и, наконец, безделья, чтобы дети от безделья не научились делать дурное или не отупели умственно. Лучше, чтобы они всегда были чем-нибудь заняты, серьезным ли делом или развлечением, только бы не предавались праздности.

И так как едва ли удастся каким-либо образом быть настолько зоркими, чтобы к детям не могло проникнуть какое-либо зло, то для противодействия дурным нравам совершенно необходима дисциплина.

Противодействие должно оказывать дисциплиной, т. е. порицанием и наказанием, словами и ударами, смотря по тому, чего требует дело. При совершении проступка всегда нужно тотчас же подавить зреющий порок при первом же его проявлении или, лучше, если это возможно, вырвать его с корнем. Итак, дисциплина должна царить в школах не столько ради преподавания наук (которые, при правильном методе преподавания, являются для человеческого ума наслаждением и приманкой), сколько ради нравов.

Часть III
Из опыта педагогической работы в Сарос-Патаке



От составителя

Пребывание Я.А. Коменского в Сарос-Патаке в Венгрии относится к одному из самых плодотворных периодов его педагогической деятельности. Почти четыре года он участвует в проведении реформы школы и в осуществлении проекта пансофии (от греческих слов *пан – все* и *софия – мудрость*; охватывающая все мудрость). Коменский дает план семилетнего образования: три класса он отводит для изучения основ латинского языка, четвертый – для философии, пятый – логике, шестой – политике, седьмой – богословию. Наряду с этим в школе вводятся такие предметы, как арифметика, геометрия, чистописание и др.

К сожалению, без должной поддержки Коменскому удалось развернуть лишь три класса, и он покидает школу, не довершив дела до конца.

Тем не менее в Сарос-Патаке Коменский написал ряд работ по практическому руководству школой, которые получили широкую известность:

«О культуре природных дарований»,

«Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом культуры природных дарований»,

«Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости»,

«Законы хорошо организованной школы»,

«Похвала истинному методу»,

«Правили поведения, собранные для юношества в 1653 году».

Сочинение *«О культуре природных дарований»* принадлежит к числу работ Я.А. Коменского, написанных им по прибытию в Венгрию в 1650 г. Это публичная речь, произнесенная по случаю преобразования Сарос-Патакской гимназии на новых для Венгрии пансофических началах.

В ней нашли выражение христианско-гуманистические воззрения мыслителя, которые он горячо проповедовал всю свою жизнь.

В своей речи Я.А. Коменский пытается ответить на вопросы: что есть природные дарования и каковы необходимые условия для их развития? Дарованиями оратор называет ту врожденную силу души, которая делает людей людьми и отличает их от зверей.

В человеческом духе он выделяет ум с разумом и памятью, волю, двигательную способность, речь.

Культура природных дарований ведет к образованности как отдельного человека, так и целых народов. Великий гуманист

говорит о значении образованности и рисует портрет образованных народов: такие народы отличаются благородством и человечностью, порядком в устройстве жизни, рациональным использованием природных богатств, заботой о своем будущем, стремлением творить прекрасное, увлечением искусствами и науками.

Я.А. Коменский настаивает на том, что обязанность человека – совершенствовать свои природные дарования, идти по пути самоусовершенствования.

Задолго до Руссо и Песталоцци Я.А. Коменский сформулировал принцип образования как развитие естественных природных сил, который в дальнейшем лег в основу новой европейской педагогики. По сути дела, основные положения его речи составляют программу образовательной политики любого государства во все времена.

Спустя несколько дней после произнесения речи «О культуре природных дарований» Я.А. Коменский перед началом занятий выступает с речью *«Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом культуры природных дарований».* И в наш век, век современнейших компьютерных технологий хранения, поиска и передачи информации, эта речь остается весьма актуальной.

Слова Я.А. Коменского о книге звучат как гимн «безмолвным учителям», способным, как никто другой, поддержать «жизнь памяти и ума», гимн «восхитительному могуществу книг, их величию и даже Божественной силе» – величайшему изобретению человечества. «Книги для стремящегося к мудрости должны быть дороже золота и серебра».

Однако, по мысли Я.А. Коменского, влияние книг не так уж велико, они не в полную силу владеют умами по той причине, что читатели недостаточно осведомлены о полезных книгах и не умеют работать с ними. Он также сетует на отсутствие эффективного метода обучения чтению книг, которым могли бы воспользоваться на практике учителя.

Можно ли представить себе мыслителя, который бы «выводил все из самого себя»? Поэтому неукоснительным правилом является сознательное и систематическое чтение книг, позволяющее не только усвоить ранее полученное и «рассредоточенное по сундукам книг» знание, но и преумножить его.

Со времен появления книгопечатания появилось великое множество книг – к каким из них следует обратить ученика? Я.А. Коменский рекомендует читать прежде всего книги «реальные». С его точки зрения, это те, которые помогают сформировать в сознании ученика конкретные представления о человеке и о том,

что его окружает. Именно эти представления и становятся в дальнейшем основой для формирования абстрактных философских построений и идей. Заметим, что таким образом великий педагог последовательно реализовывал сформулированный им принцип наглядности.

Заключая свою «Речь», Я.А. Коменский неоднократно повторяет, что слова его вытекают из богатого жизненного опыта, и этим опытом он рад поделиться с теми, «кому этот путь открывают не поздно, а как раз вовремя». Он горячо призывает не тратить время и силы, а следовать его советам, ибо «если потеряешь время в жизни, потеряешь себя самого».

Статья *«Пансофическая школа, то есть школа всеобщей мудрости»* представляет собой, выражаясь современным языком, набор рекомендаций организационного и методического плана, направленных на обустройство школы будущего.

По мысли Я.А. Коменского, школы нуждались в серьезном переустройстве. Сетуя на образование своего времени, Коменский отмечает, что «большинство школ, увы! слишком уклонились от своей цели и занимаются только тем, что играют науками, или, скорее, тоскливо мучатся над ними. Они не делают ничего, что бы соответствовало нуждам всей жизни, занимая умы лишь отдельными крохами наук, вещами совершенно посторонними для действительной жизни». Нетрудно заметить, что слова Я.А. Коменского звучат серьезным обвинением не только школам прошлого, но и школам настоящего.

Размышляя о путях развития школьного образования, великий педагог рисует идеал Школы Будущего. Прежде всего следует отметить, что в этой школе к образованию допускаются все и в ней обучаются всем предметам. Она «перестанет быть лабиринтом, толчейной мельницей, темницей, пыткой для умов, а станет для них скорее развлечением, дворцом, пиршеством, раем».

Для построения такой школы, по мысли педагога, необходимы три условия: хорошие книги, надежные учителя и хороший метод, облегчающий учение и обучение.

Успешность же обучения зависит от соблюдения следующих требований:

- первичное – раньше остального;
- более важное – раньше менее важного;
- имеющее связь – одновременно.

В своей пансофической школе Я.А. Коменский предлагает организовать семь классов, называя их следующими именами:

- вестибулярный («преддверный»),
- януальный («входной» или «вступительный»),

● атриальный («зальный»),
● философский,
● логический,
● политический,
● богословский, или теософический.

Во всех классах у учеников «всегда и везде» должны совершенствоваться:

● чувства – для все более и более отчетливого наблюдения вещей;

● ум – для все более и более глубокого проникновения в вещи;

● память – для все лучшего и лучшего усвоения.

● язык – для того, чтобы понятое уметь высказывать все лучше и лучше;

● руки – чтобы со дня на день искуснее выделывать то, что нужно;

● дух – чтобы лучше и лучше предпринимать и производить все, что достойно уважения;

● сердце – чтобы пламеннее любить и призывать все святое.

Все занятия Я.А. Коменский делит на первостепенные и второстепенные. Последние, по мнению педагога, должны основываться на непосредственном интересе учащихся; в частности, это касается чтения, которое не требует «ни томительных объяснений, ни участия и руководства учителя». Как видим, Я.А. Коменский уже тогда предложил, выражаясь современным языком, систему внеклассных занятий.

Особое внимание при устройстве пансофической школы следует уделить следующему: вся школа и каждый ее класс должны представлять из себя государство со своим сенатом и председателем сената, со своим консулом или судьей. В определенные дни на общих собраниях последние должны «разбирать дела, как это происходит в благоустроенном государстве». Это, по мысли великого педагога, будет «действительно подготовлять юношей к жизни путем навыка к такого рода деятельности».

Развивая идеи пансофической школы, в работе *«Законы хорошо организованной школы»* Я.А. Коменский формулирует ряд законов, которые, по его мнению, следует неукоснительно соблюдать.

Вслед за Аристотелем он исходит из убеждения, что государственное благополучие покоится на законе, «кто захотел бы разрушить государство, тот стал бы нарушать порядок». Школа, считает он, также являет собой маленькое государство, поэтому и ее необходимо ограждать законами.

Одним из первых законов великий педагог устанавливает закон, касающийся цели школы: школа должна учить юных «кандидатов в жизнь» прежде всему тому, что им понадобится в этой жизни.

Еще один важный закон – закон о надлежащем распределении времени, который требует, чтобы серьезным занятиям ежедневно посвящалось только четыре часа. Все остальное время должно быть свободным «для домашних дел, пристойного отдыха и частных занятий». Заметим, что эмпирическим путем Я.А. Коменский подходит к тому, что в дальнейшем было доказано научными исследованиями.

Вне учебных занятий определенное время отводится игре, однако, такой игре, которая не возбуждает неумных страстей, не вредит здоровью, не ведет к пустому времяпрепровождению. Следует играть так, «чтобы игра способствовала здоровью тела не менее, чем оживлению духа». Игра должна служить преддверием серьезных вещей. В этом смысле она становится воспитательным и образовательным средством, которое могут целенаправленно использовать в своей педагогической деятельности учителя.

Лучшим методом обучения Я.А. Коменский считает тот, применение которого ведет к расширению содержания практических занятий и самостоятельной работы учащихся. Этот «практический метод (обучающий всему через личное наблюдение, личное чтение, личный опыт) должен быть применяем повсюду, чтобы ученики приучались всюду возвышаться до учителей».

Особую роль в процессе обучения создатель пансофической школы отводит испытаниям (опросам и экзаменам), указывая, что правильное и своевременное их проведение оказывает «поистине могущественное действие».

В законах о школе Я.А. Коменский достаточно полно описывает обязанности тех, кто учится, и тех, кто учит. В частности, от школьников автор «Дидактики» требует активного отношения к учению. «Никто не должен здесь уподобляться тени, но каждый должен быть живым членом в живом теле, относясь ко всему с живым интересом; в противном случае его следует удалить». Каждый ученик обязан искренно любить своего учителя «как второго отца», тщательно и с готовностью подчиняться всем его указаниям. Среди учеников должны процветать дружба, взаимопомощь, взаимоподдержка.

В свою очередь, в законах для учителей указано, что учителями должны быть люди «честные, деятельные и трудолюбивые», «они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим».

Чрезвычайно интересным в законах для учителей является требование «остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением». Очевидно, Я.А. Коменский думал о социальном статусе учителя, уровень которого во многом определяет успех образования.

Соблюдение законов школы является основой ее полноценной жизни и развития – сознательно нарушающие законы должны подвергаться суровому наказанию. Для учеников Я.А. Коменский предусматривает как наименьшее наказание – выговор, как наибольшее – розги. Для нерадивых учителей – немедленное удаление из школы.

Но, составленные для Сарос-Патакской школы, эти «Законы», к сожалению, так и не были приняты.

О культуре природных дарований

Речь, произнесенная в главной аудитории Патакской школы 24 ноября 1650 г.

Чтобы высказаться об этом во славу Божию и в честь тех, которые поручили нам это дело, я полагаю наиболее удобным для себя и для вас, а равно и отвечающим существу самого дела вести рассуждение в следующем порядке.

Во-первых [раскрыть], что такое природное дарование и в чем заключается воспитание (cultura) дарований.

Во-вторых [выяснить], что необходимо требовать, чтобы дарования не оставались необработанными, как дебри лесов или пески пустынь; но чтобы они были возделываемы тщательно, как мы обыкновенно возделываем огороды, виноградники и сады.

В-третьих [показать], каким образом такое образование можно было бы удачно привить целому народу, в частности, есть ли условия для некоторого, более широкого, полнейшего и лучшего образования природных дарований в вашем народе.

Наконец, так как нужно иметь в виду не только повод к столь высоким стремлениям, но и благоприятные для них условия, то в дополнение ко всему указанному нужно еще рассмотреть, почему вопрос ставится именно теперь, без всякого дальнейшего отлагательства и без ожидания других, более благоприятных, обстоятельств. И каким образом.

Изложив все это по порядку и возможно кратчайшим способом, мы, с благочестивыми желаниями и искренними молитвами, предоставим все это дело Богу и тем, которые здесь заступают его место.

Слово «дарование» в этом случае обозначает ту врожденную силу нашей души, которая делает нас людьми. Именно эта сила делает нас, созданных по образу Божию, способными к пониманию всех вещей, к выбору из понятых нами вещей – одних лучших, к настойчивому достижению избранных, наконец – к свободному господству над вещами, уже достигнутыми, и к наслаждению ими, а через то – и к возможно большему уподоблению Богу. Угодно вам подробнее слышать об этом? Так слушайте!

Человеку прирождены – четыре части, или качества, или способности. Первая называется ум – зеркало всех вещей, с суждением – живыми весами и рычагом всех вещей, и, наконец, с памятью – кладовою для вещей. На втором месте – воля – судья, все решающий и повелевающий. Третья – способность движения, исполнительница всех решений. Наконец, речь –

истолковательница всего для всех. Для этих четырех деятелей в нашем теле имеется столько же главнейших вместилищ и органов: мозг, сердце, рука и язык. В мозгу мы носим как бы мастерскую ума; в сердце, как царица в своем дворце, обитает воля; рука, орган человеческой деятельности, является достойным удивления исполнителем; язык, наконец, – мастер речи, посредник между различными умами, заключенными в различных, друг от друга разделенных телах, связывает многих людей в одно общество для совещания и действования. Так изваял нас наш Творец! Этими четырьмя пределами ограничил он свой малый мир. Так осуществляем мы в себе все свойства Божественного образа. Действительно, быстрый ум, облетая небо и землю, способностью понимания все покоряет, способностью суждения все разграничивает и распределяет и в сокровищницах памяти все складывает. Воля, со своей свободою решения, избирая из всего лишь то, что она облюбует, и, отвергая то, чего не одобрит, надо всем царствует. Рука, следуя предначертаниям ума и приводя в исполнение постановления воли, производит новое и только что не создает новые миры. Наконец, язык, перечисляя по мере надобности все то, что было обдумано, высказано, совершено (или то, что еще должно быть обдумано, высказано, совершено), и расцвечивая все это своими красками, распространяет свет от света, приумножает его и от одних людей переносит к другим.

Итак, отсюда, я полагаю, уже легко понять, в чем состоит воспитание природных дарований. Именно: в каком смысле о человеке говорится, что он усовершенствует поле, огород, виноградник и какое-либо искусство и, наконец, свое собственное тело, – в том же смысле можно говорить, что он усовершенствует и душу свою или свое природное дарование. Искусство считается хорошо усовершенствованным, когда оно легко в изящно производит свои творения. Тело выхолено, когда волосы хорошо причесаны, кожа гладка и здорового цвета и когда в работе оно проворно. Точно так же и духовное дарование человека будет тогда усовершенствовано, когда, во-первых, он приобретет способность обо многом мыслить и во все быстро вникать; во-вторых, когда он будет опытен в тщательном различении вещей между собой, в выборе и преследовании всюду одного доброго, а также в пренебрежении и удалении всего злого; в-третьих, когда он будет искусен и в выполнении совершеннейших дел; в-четвертых, когда будет уметь красноречиво и поучительно говорить для лучшего распространения света мудрости и для яркого освещения всего существующего и мыслимого.

Хочешь ли узнать хорошо образованного человека? Наблюдай

за его действиями и движениями, за его речью и даже молчанием, равным образом – за его походкой, посадкой, осанкой, глазами, руками и за всем, относящимся к нему: всюду будут просвечивать приличие, достоинство и любезность; всюду он будет верен сам себе; во всем изящен и аккуратен. Хочешь познакомиться с ним в деле? Все плавно идет под его рукой, так как всякое дело поведет он разумно, по предварительном здравом обсуждении. Хочешь слышать его речь? Он может дельно рассуждать о чем угодно, не обнаруживая ни в чем постыдного невежества. Если, напротив того, ему надо молчать, то даже самое молчание он сумеет смягчить благоразумием и приличием, чтобы и из молчания его ты мог чему-либо научиться. Если он вращается между людьми – одно удовольствие на него смотреть. Если ему когда-либо придется жить без сообщества людей, никогда он не будет чувствовать себя одиноким, так как он полон серьезных мыслей и утешения в работе. В жизни он так ведет себя по отношению ко всему доброму и злому, что на деле обнаруживает, что он умеет различать вещи и может распознавать полезное от бесполезного. Идет ли все по его желанию – он не заносится, не гордится, не становится высокомерным. Впадает ли он в несчастье, – он все тот же: не опускается, не падает духом, не отчаивается. Одним словом, «кто мудр, тот приспособится ко всевозможным обычаям», – говорит поэт. А мы скажем: кто мудр, тот всюду сумеет быть полезным и будет подготовлен ко всяким случайностям.

Если бы можно было показать тебе хорошо образованный целый народ, то ты увидел бы, что в нем все, или, по крайней мере, большинство именно таковы, какими я очертил отдельных лиц. Если желаете, чтобы я еще подробней разъяснил вам это, я сделаю это путем сопоставления образованных народов с необразованными, или так называемыми «варварами».

Образованные люди суть истинные люди, т. е. человечны по своим нравам; варвары же отличаются скотской грубостью или же зверской жестокостью, так что, кроме человеческого образа (если только они говорят, а не ревут), едва ли и признаешь в них что-либо человеческое.

Если ты присмотришься к порядку, господствующему в общественных и частных делах у хорошо образованного народа, там все идет, как часы; если затронута одна часть, приводятся в движение и все остальные: одно колесико толкает другое, и все определяется числом, мерой и весом. У варваров же все похоже на развязанный сноп или песок без цемента.

Возьми взаимоотношения людей между собой. В образованном народе все служат друг другу, каждый на своем

месте выполняет то, что полезно ему и другим. У варваров же никто не считается с потребностями другого: все делается вразброд, а потому один другому мешает, и получается общая сутолока.

У образованных народов все стихии мира несут людям дань, и даже самые недра земли не могут скрыть от них свои сокровища (металлы, драгоценные камни и минералы). У необразованных все пропадает без пользы: они не умеют ни подчинять себе природу, ни сосать ее грудь, ни даже пользоваться ею тогда, когда она сама изливает на них дары свои. Отличнейший климат, плодороднейшая земля, удобнейшие для судоходства реки остаются без использования, как это можно видеть у американских народов, проводящих грубую жизнь, подобно диким зверям.

Образованные народы не дозволяют ни одному клочку земли пустовать, никакому материалу пропадать бесполезно. Деревья и хворост, камни и щебень, даже песок и уличную грязь они подбирают и находят всему этому известное употребление. У необразованных же, смотришь, – ничто не возделывается, сор и грязь, кругом все гниет и разлагается.

Отсюда у первых даже самые бесплодные по своей природе области, не представляющие ничего, кроме песка, или скал, или болот и мхов, так хорошо обрабатываются, что кажутся раем. У необразованных же народов даже страны, сами по себе имеющие вид рая (где, как кажется, само небо вступило в брачный союз с землею), засоряются отбросами и теряют свою прелесть.

Вот почему образованные народы в избытке располагают не только всеми необходимыми для жизни предметами, но и различными удобствами, даже роскошью; тогда как необразованные едва имеют средства влачить жизнь, питаясь по-звериному сырой пищей.

Образованные, заботясь и о будущем, обеспечивают себе все необходимое в жизни, – даже для непредвиденных случаев, какие могут их постигнуть: неурожая, нападения врагов, моровой язвы или иных болезней. Они своевременно противопоставляют им благоустроенные житницы, арсеналы, аптеки. У варваров не существует никакого разумного попечения о жизни, здоровье, безопасности; живут они изо дня в день, от случая к случаю; все у них необдуманно и случайно.

Народ образованный обнаруживает изящество своего ума даже красивой и изящной одеждой, так как все и каждый, малый и великий, знатный и незнатный, одеваются если не изысканно, то во всяком случае опрятно; тогда как необразованные ходят нагими или полунагими, в лохмотьях и рубищах, грязные и

истощенные.

Образованный народ имеет великолепные многолюдные города, полные произведениями искусств и ремесел. У необразованного – вместо городов пустыри, а если он что-нибудь и называет городом, то это не более, как жалкие лачуги.

Образованные народы, связанные узами закона, содержат свои области, а в них города, села, дома, отдельные семейства и, наконец, самих себя в границах установленного порядка, так что никому нельзя безнаказанно их переступать. У народов же необразованных или ложно образованных место свободы занимает своеволие: кому что вздумается, тот то и делает, не зная ни в чем никакой узды.

Отсюда у первых все безопасно, безмятежно, тихо и спокойно, а у последних господствуют кражи, разбои и насилия; а потому нет истинной безопасности, и все полно козней и страхов.

У народа истинно образованного даже среди сельских жителей нет деревенской грубости: до того все проникнуто городской утонченностью нравов. У необразованных, наоборот, и горожане суть те же селяне, и сам город по нравам – не что иное, как настоящая деревня.

Люди, принадлежащие к образованному народу, приветливы к пришельцам, ласково указывают дорогу, вежливы к тем, кто к ним обращается, остерегаясь причинить им какую-либо неприятность. Варвары же или отталкивают от себя незнакомцев, или сами бегут от них, и, во всяком случае, отпугивают их от общения с собой своими гнусными нравами.

У образованных народов ленивые люди и здоровые нищие нетерпимы; их даже вовсе нет, так как каждое государство держит всех своих граждан в порядке и печется о своих бедных. У варваров – целые полчища ленивых людей, которые, поддерживая свое существование нищенством или воровством и грабежами или существуя в нищете и голоде, производят различные смуты и бедствия. И если с этим злом и борются, то только с помощью силы; и тогда начинается сплошная каторга, казни и истязания.

Образованные находят удовольствие в свободных науках и искусствах, охотно занимаются ими, ни одного из них не выпуская из поля зрения. Они исчисляют звезды и измеряют небо, землю, пропасти и невесть что, не желая, чтобы где бы то ни было, хотя бы в отдаленных областях земли, воды, воздуха, что-либо происходило ими не понятое. Они стараются также узнать: бег веков, как далеко отстоим мы от начала мира, как скоро мы можем ожидать его конца, чтобы, имея перед глазами прошедшее, лучше располагать настоящим на пользу будущего. Необразованные [не только] всего этого, а даже и самих себя не

знают, не задумываясь о том, откуда они пришли сюда, куда пойдут, что происходит с ними или вокруг них; а потому они не сведущи в прошедшем, неразумны относительно настоящего, не приготовлены ни к чему, что предстоит в будущем.

Наконец образованные живут между собой мирно, исполненные света разума, благой воли и чистой совести, довольные собой и радуясь своим сокровищам. Необразованные, не обладая ничем внутри самих себя, всецело предаются одной внешности и, гоняясь вместо вещей за призраками, становятся предметом насмешек, чахнут и, наконец, гибнут.

…Об истинном же и спасительном образовании людей я, сверх того, добавлю, что никто не может сделаться образованным без воспитания или культивирования, т. е. без прилежного обучения и попечения.

… Итак, нам нужно такое образование, которое делало бы нас способными всегда все правильно разуметь, желать, делать, высказывать; только тогда, достигнув умом, душой, рукой и языком должного совершенства, мы будем справедливо называться людьми. Отними образование духа, и ты увидишь, что люди, хотя и пасутся и тучнеют чревом, но скудеют духом; здоровеют телом, но болеют душой; блестят кожей, но грязны совестью. Ибо почему для человека, земной твари, должны существовать иные условия, чем для других земных тварей? Взгляни на драгоценный камень, лучезарно блистающий в царской короне или на княжеском пальце. Таким он, полагаешь, и родился? Ошибаешься, если так думаешь. Он родился шероховатым, темным, грязным; ты бы его и с земли не стал поднимать. Чтобы он заблестел, надо его скоблить, чистить, пилить, гранить, обтачивать, выравнивать, обтесывать, всячески шлифовать и полировать.

Так и человек: его тело предназначено для трудов, однако, мы видим, что кроме голой способности, ему ничего больше не прирождено. И сидеть, и стоять, и ходить он должен быть постепенно приучаем: даже есть и пить он не умеет без приучения. Откуда бы явилось такое преимущество для нашего ума, нашей воли, нашей руки, нашего языка, чтобы последние могли, без предварительной подготовки, в совершенстве исполнять свои обязанности? Нелепо было бы даже это предположить, ибо для всех тварей существует один закон: получать начало из ничего и совершенствоваться как по своей сущности, так и по действиям.

Итак, необходимо все дарования развивать в совершенстве, чтобы родившийся человеком, учился и действовать по-человечески. Но прежде всего необходимо, чтобы такую

обработку получали те, кто должен стать зерцалом, правилом и опорой для других, т. е. тот, кто предназначен к управлению какой-либо частью человеческого общества: семьей, школой, городом. Но надо наставлять и тех, кого природа предназначила к подчинению, чтобы они умели разумно покоряться и повиноваться порядку. Надо обучать бездарных, чтобы они доставляли какую-нибудь помощь, хотя бы ремесленным трудом; надо обучать даровитых, чтобы, по чрезмерной подвижности ума, они не ударились во зло и не погибли бы в собственных заблуждениях. Хорошим натурам образование нужно для того, чтобы предохранить их от испорченности; нужно оно и испорченным, чтобы исправить их природные недостатки: так было, по его собственному признанию, с Сократом, испорченная и склонная к порокам природа которого была исправлена благодаря воспитанию.

…Итак, усовершенствование природных дарований необходимо людям более всех сокровищ мира, почестей, удовольствий и всего, что только может входить и обыкновенно входит в круг наших желаний, а потому оно должно быть высшей целью наших стремлений.

Теперь спрашивается: возможно ли культуру природных дарований распространить на какой-либо народ в целом и каким образом можно было бы легко привить ее народу, еще недостаточно образованному? Впрочем, я не вижу нужды ставить вопрос об этой возможности, когда об этом свидетельствует самый факт наличия у многих народов блестящей культуры, хотя и едва ли вполне совершенной у какого бы то ни было народа.

…И в самом деле, каким бы человек ни родился, он рождается человеком, т. е. (как сказал Климент Александрийский) «одушевленным полем», а потому (добавляет Гиппократ) «какова роль семян в отношении к земле, такова же и роль знания в отношении к человеческому духу». …Средств, служащих общему развитию [человека], восемь. Я скажу о них, вы же выслушайте только и тогда вы поймете, что вам советуют дело, во всех отношениях прекраснейшее и легко осуществимое.

1. Первое средство состоит в том, чтобы родители и няньки полагали первое основание счастливому развитию природных дарований, старательно заботясь, чтобы с детьми не приключилось чего-либо пагубного для их жизни, здоровья, чувств, нравов. Это составляет краеугольный камень подлинного воспитания дарований, первое основание общественного благополучия, при правильном о нем попечении.

2. На втором месте стоят воспитатели, попечению которых родители вверяют сыновей с той целью, чтобы те внушали все

доброе дарованиям еще слабым, но уже предрасположенным к росту, подавали примеры честности, указывали образцы всяких разумных действий и остроумной речи и таким образом не упуская ни одного удобного случая. Велика польза от этого дела, если оно ведется разумно, потому что первый возраст имеет свойство воска, из которого можно все вылепить, и, подобно обезьянам, подражает всему, что только видит, – хорошему и дурному. Вот почему нет ничего справедливее изречения, утверждающего, что мы остаемся на всю жизнь такими, какими нас воспитали в отрочестве.

3. Третьим средством общественного образования являются общественные школы, как бы общественные мастерские гуманности. Здесь надежными учителями, облеченными общественным авторитетом, удобопонятно преподается все, что необходимо знать и чему необходимо веровать, что говорить и что делать; здесь же усердным и непрерывным упражнением во всем, заслуживающем уважения, развивается и укрепляется в детях склонность к науке, мудрости, добродетели и красноречию. Все это совершается приятно, когда учителя и на деле являются тем, чем они слывут, будучи как бы ходячими библиотеками и живыми примерами всего, что нужно делать и чего избегать, так что подражать им и легко, и надежно. Ибо легко следовать правильно за тем, кто правильно идет впереди, и «каков предводитель, таковы и предводимые». Счастлив народ, получающий наставления в многочисленных и разумно устроенных школах!

4. Четвертым средством всеобщего образования и в школах, и вне школ служат хорошие книги, подкрепляющие дарования более широким познанием вещей, всевозможными добродетелями и потоками красноречия. Говорю – хорошие книги, – ибо если они действительно хорошо и мудро написаны, то представляют поистине оселок для отточки дарований, напилок для изощрения разума, мазь для глаз, воронку для вливания мудрости, зеркало чужих мыслей н действий и руководство для наших собственных. Если бы какой бы то ни было народ во всей своей массе в достаточной мере был обеспечен такими книгами, он был бы озарен светом. Подчеркиваю: светом был бы озарен любой народ во всей своей массе, если бы он в достаточной мере был обеспечен хорошими книгами.

5. Следующее, пятое, средство изощрения дарований – частое общение с мужами учеными, благочестивыми, деятельными и красноречивыми, общение, заключающее в себе скрытую, но самую действенную силу для нашего преобразования. …Следует поэтому заботливо отстранять от дурного товарищества молодежь

того народа, которому мы хотим сообщить образование, и постоянно привлекать ее к общению с людьми учеными, благочестивыми, честными и усердно занятыми делом: тогда молодежь не может не усовершенствоваться. С этой целью многие государи и иные отцы отечества у различных народов находили нужным или приглашать к своей молодежи мудрых мужей из других стран, или отправлять к ним своих, чтобы они жили там и совершенствовались не днями или месяцами, но целыми годами.

6. Однако недостаточно жить в общении с мудрецами, чтобы привыкать всю жизнь проводить в труде; сами юноши должны постоянно упражняться в деятельности; только тогда выйдут из них будущие мастера, если они приобретут соответствующий навык. Действительно, никто иначе не научается избегать ошибок, как часто ошибаясь, осознавая и исправляя эти ошибки; никто не делается мастером, не упражняясь в мастерстве.

7. Седьмое средство, содействующее общественному воспитанию природных дарований, составляют сами мудрые правители с их благочестиво-ревностным попечением (чтобы у подвластных им не было недостатка в школах, у школ – в учителях у учителей – в учениках, у учеников – в книгах и прочем необходимом, у всех же – в мире и в общественном спокойствии) …

8. Наконец, последнее и необходимейшее средство при культуре дарований есть – благодать от Бога. С нашей стороны требуется лишь одно – стремиться к свету и, обращаясь к нему, воспринимать лучи блеска его, чтобы быть в свете.

Вы видите, мои слушатели, что полная и всеобщая культура природных дарований не возможна ни для какого народа, даже самого варварского, если только люди захотят руководствоваться разумом. Но возникает вопрос о моем и вашем народе: имеют ли они потребность в приобретении некоей лучшей образованности и каким образом? Сомнение это вызывается врожденным человеческой природе самолюбием и слепым пристрастием к себе, которое не видит собственных недостатков. Мы также люди и также можем страдать человеческими слабостями. Ибо хотя и весьма достоверно, что в ином народе нет никакой культуры природных дарований; в ином – она слаба и причисляется к вещам второстепенным; в ином хотя и существует, но превратна, так как направлена на один внешний и светский лоск; кое-где хотя и направлена к лучшему, но скудна и холодна, однако, как мало таких, которые, оставаясь довольными собой, своими привычками и нравами, признали бы эти недостатки.

Впрочем, имеются и такие обстоятельства, которые препятствуют осуществлению нашей надежды и грозят или

разрушить, или ослабить ее. Прежде всего, может, по-видимому, устрашать обширность самого дела, так как исправлять испорченное, конечно, гораздо труднее, чем созидать новое, это знают мудрые. …Эту трудность победят любовь и сознание [нашей] светлой цели. Что за беда сделать попытку в серьезном деле? Уж лучше тысячу раз потерпеть неудачу в попытках, чем тысячу раз откладывать столь славное, столь угодное Богу дело, столь полезное всем нам, столь необходимое для потомства. Опасаться приходится и предубеждений. Одни полагают, что правильно делается лишь то, что основано на привычке, и не выносят ничего, что хоть малейшим образом от нее отступает и представляется новым. Невежде сладко само невежество, порочному мил самый порок как его собственный образ, который он боится утратить. Заставишь ли иного учиться чему-либо другому, кроме как только привычному? Или по другому, чем привычный, способу? Ему покажется, что его переносят в другой мир, и он станет бояться, что волны океана поглотят его на этом неведомом пути. Ленивый говорит: «Лев на улице, погибну я посреди площади». Но мы советовали бы вам собственным примером рассеять такой ложный страх, чтобы не было повода подражать ему.

…Надо также опасаться и ненависти зложелателей, которые, если не смогут ничего другого, то будут пытаться противодействовать нововведениям, внушая к ним подозрения. Если кто станет противодействовать стремлению к нововведениям, тот обнаружит собственное недомыслие. Ибо не ново то, что восходит к старым, даже вечным идеям: нам же предписывается все у себя обновить. Есть и такие, что шепчут об опасностях, которые повлечет за собой изменение привычного хода дел.

…Итак, откинув всякие колебания, вы в народе действуйте так, чтобы уже при существующих условиях начать исправление ваших школ!..

Об искусном пользовании книгами – первейшим инструментом культуры природных дарований

Речь, произнесенная перед началом занятий в большой аудитории Патакской школы 28 ноября 1650 г.

Мои дорогие, вы знаете, что меня пригласили сюда, к вам, чтобы я, насколько позволит Бог, помог советами вашему усердию, направленному на постижение книжной премудрости. Итак, помогаю! И делаю это сколь можно благожелательнее! Будьте и вы благосклонны ко мне, и для начала выслушайте эти слова, чтобы они не разлетелись по ветру. …Обводя взглядом себя и вас, схватывая своим уже изощренным умом все ваши занятия, всю их череду, я усматриваю три важнейшие причины вашего медленного продвижения вперед.

Первая: что вы недостаточно осведомлены о полезных книгах, носителях знаний. Затем, даже если в прекрасных подспорьях образования большого недостатка нет, они, однако, так сокрыты в школьной библиотеке, что немногие получают к ним доступ и становятся причастными к этим сокровищам, а тем более овладевают ими. Наконец, я считаю, что и наставники и учащиеся могли бы избежать утомления и обогатить себя сокровищами разностороннего образования, возложив большую часть трудов и тягот на этих безмолвных учителей.

Итак, поскольку я заметил эти недостатки и уверен, что они могут быть исправлены с помощью моих советов, молчать мне об этом не следует. Однако не подумайте, что одних только вас попрекаю в ошибке: это общая болезнь школ в наше время – загружать умы абстрактными пустяками, совершенно исключая из изучения настоящих писателей или допуская с трудом одного-двух, но трактуя их так, что получается пытка, а не тренировка ума. О лекарстве следует поразмыслить позднее. Я же пока поговорю об этом и настоятельно прошу от вас на полчаса отверстых ушей и внимания, я намерен доказать, что:

- стремящемуся к образованию следует ценить книги превыше золота и драгоценных камней;
- переворачивать их страницы днем и ночью;
- извлекая из них отборный цвет науки, переносить его в ульи собственной образованности;
- должно знать наилучшие способы употребления этих отовсюду почерпнутых сокровищ мудрости.

Указав вам на это, призову вас приступить ревностно к

чтению авторов во святое имя Божье. Не бойтесь обширности вопроса: не все, что может быть сказано по этому поводу, собираюсь говорить, а хочу теперь для начала лишь воспламенить в вас любовь к книгам, предоставив остальное самой практике.

I

Я сказал, что книги для стремящегося к мудрости должны быть дороже золота и серебра. Воистину. Ведь именно книги могут привести его к вершине желаний, а не золото и серебро: что же, следовательно, предпочтительнее? Голодный наверняка предпочитает хлеб золоту, слепец – глазную мазь серебру, смертельно больной – лекарство сокровищам. Бесплодным останется поле, если не будут брошены семена; бесполезны будут пчелы, если не станет садов и лугов, где собирали бы они мед; бездеятельны станут муравьи, если перестанут существовать равнины, где они ищут себе пропитание. Точно так бесполезны глаза, если нет зрительных впечатлений; бесполезны ноздри, если нет запахов; уши – если нет звуков и т. п. И также празден ум, если нет пищи мудрости, которую доставляют хорошие книги, полные благих наставлений, примеров, нравственных заветов, законов и религиозных поучений. Подобно самым надежным друзьям они беседуют с нами: искренне, откровенно, без прикрас; говорят на какие угодно темы, учат нас, наставляют, ободряют, утешают и ставят как бы рядом с нами весьма удаленные из поля зрения предметы. О, восхитительное могущество книг, их величие и даже Божественная сила! Если бы не было книг, дикими мы были бы все, необразованными, не хранящими никакой памяти о прошлых событиях, не сведущими ни в мирских, ни в Божественных делах. Если бы что и существовало, так только устные предания, тысячу раз переиначенные непостоянством бродячей молвы. О, Божьей милостью дар человеческому уму – книги! Ничто более, чем они, не поддерживает жизнь памяти и ума. Не почитать их – значит не почитать мудрость; не почитать мудрость – значит уподобиться скотам; а это уже ведет к непочтению перед Богом – Творцом, пожелавшим, чтобы мы были его образом и подобием. Итак, остережемся этого! И если с помощью книг многие получают образование даже вне школы, то без книг никто не может стать ученым, хотя бы и находился в школе; если мы любим школы, так будем любить книги – душу школ, которые, если не одушевлены книгами, мертвы.

II

Я сказал об уважении к книгам. Но недостаточно предпочитать их золоту и хранить вместо сокровищ. Ибо от спрятанного сокровища какой толк? Книги прежде всего надо читать, чтобы зарытые повсюду клады мудрости выкапывались и выходили на свет и на пользу. …Однако какие книги рекомендуется просматривать? Все. Ибо нет ни одной столь плохой книги, которая бы не содержала хоть что-нибудь полезное, по свидетельству Плиния. Но поскольку читать все невозможно (с того времени чрезвычайно увеличилось количество книг), то, во всяком случае, многое. А если и это не удается, то лучше – меньше, да лучше; если совсем мало, то самые лучшие. Но как же выбирать? Скажу по своему разумению: внемлите и не пренебрегите советом.

Во-первых, рекомендую читать прежде книги реальные, нежели наполненные пустыми словами: т. е. те, которые толкуют о вещах, нужных для жизни, а не те, что лишь блещут красотами слога. Ведь если мудрый писатель прекрасно излагает прекрасные мысли, то вот мы и учимся одновременно и тому и другому, словно у нас в руках орех в скорлупе, вино в сосуде, меч в ножнах и т. д.

Во-вторых, книги материального содержания следует читать прежде книг с содержанием формальным, т. е. содержащие примеры и практику – прежде преподающих умозрительные наставления. Этим последним особенно грешат школы, изнуряя и обволакивая умы абстрактными наставлениями, грамматиками, логиками, риториками, вместо того, чтобы скорее ввести их прямым путем в курс дела. …Итак, это уклонение школ от истинного пути, пусть и весьма застарелое, должно быть в корне выправлено: так, чтобы вместо систематизации наставлений скорее вводилось чтение авторов. Наконец, следует наблюдать за тем, чтобы не было разрыва между авторами древними и современными, между произведениями универсальными и по частным вопросам. Ты прочел нескольких писателей нашего времени? Вкуси античных: ибо старое вино – лучшее, говорит Спаситель. Прочел античных? Не презирай более поздних: они несут новые наблюдения, неведомые старшему поколению. Прочел что-либо общего характера? Ищи более детального освещения этих же вещей. Рассмотрел частные стороны? Подумай, каким образом составляются они в целое. Обобщаю:

знание старых авторов достойно поощрения по причине древности; более поздних – ради расширения кругозора. Следует изучать детальные описания, потому что они сообщают многочисленные и осязаемые сведения; общие – потому что они созидают пирамиду интеллекта, придают единство и

устойчивость

III

Однако не достаточно читать книги, их надо читать внимательно: с той целью, чтобы самое важное отмечалось и выносилось. Отмечалось – в самой книге, если она твоя; выносилось, т. е. выписывалось, и из собственной книги, и из чужой. Отбирать самое существенное – дело такой первостепенной важности, что немыслим толковый Читатель, который не был бы в то же время Отбиратель. (Ибо ученым сделают тебя не книги, а работа над ними.) Единственно прочный результат чтения заключается в том, что каждый в процессе выборки (существенного) делает прочитанное своим достоянием. Это единственное, что обостряет внимание и держит дух в напряжении и запечатляет воспринятое в памяти, и озаряет ум все более ярким светом. Ибо не желать выделить из книги ничего – значит пройти мимо всего. Полагаться на одну лишь память – все равно что писать на ветре; потому что память наша чрезмерно воздушна, многое приемлет в себя, что вскоре теряет и упускает, если не закреплено при помощи письма и канцелярских принадлежностей. Итак, будем помогать ей в уловлении полезного, насколько это возможно; а, возможно, это лучше всего, если все достопамятное будет выписываться и заноситься в наши книжки для заметок, откуда оно наилегчайшим способом может быть извлечено на все случаи (жизни). Таков именно тот путь, которым многие ученые люди, которые кажутся почти чудом, дошли до таких пределов, что их продвижение ставит в тупик тех, кто не знает, каким вернейшим способом это достигается.

…Так что же, спросишь ты, надлежит отбирать и извлекать? Отвечаю. Вопрос этот совсем не большой трудности. Пиши все, что найдешь новым для себя, доселе неизвестным; то, что, по твоему суждению, прекрасно и пригодится тебе когда-нибудь: будь то слово, или фраза, или целый период, или история, – все, что блеснет твоему взгляду, наподобие драгоценного камня. Некоторые только просматривают сочинения (например, богословы) и выписывают лишь то, что есть результат самостоятельного труда (автора), опуская остальное, – и таким образом целые, даже очень хорошие, книги, в которых, как представляется, не подмешано нисколько собственной муки, отсеивают. Но мы, поскольку рекомендуем занятия всеобъемлющие, советуем из любой книги, какую бы кто ни взял, отбирать и сводить вместе все, достойное памяти.

А каким образом? – спросит кто-нибудь. Мнения разных

людей о том, какая форма записных книжек предпочтительнее, различны; поскольку долго будет все их излагать, скажу то, к чему я пришел в моей практике. Самый простой способ пользоваться дневниками, т. е. такой книжицей, в которую постоянно будешь записывать по твоему выбору то, что в какой-либо день прочел, услышал, увидел, а так же все, что удачно придет тебе на ум. И так ежедневно если будешь поступать, то, просматривая заново свой дневник, все найдешь и порадуешься. Но запомни: дневник этот следует снабдить алфавитным указателем, чтобы он тебе, когда будешь искать нужное, подсказал, где оно записано для скорейшего его отыскания.

IV

Перехожу к практическим выгодам, которые принесет с собой труд, затраченный в течение нескольких лет на чтение и усвоение авторов. Во-первых, это будет ослепительный луч разума, озаряющий предметы: не только когда понадобится что-либо сообразить, сказать или сделать, но. готовый к поиску, к тому, чтобы разгораться все ярче, сопутствуя тебе всюду, в какую сторону бы ты ни обратился; а это – главное. Затем, ты будешь богат своим собственным достоянием, из по закону [определенной] части: никто не сможет тебя обвинить, что сокровищами знания ты обладаешь незаконно. В-третьих, в твоем распоряжении будут твои записи, твои собственные сокровища, и они могут сослужить тебе большую службу, чем сотня чужих «Флорилегий», «Полиантэй», «Общих мест», «Тесаурусов» и т. д. Ибо, что не мы сами сделали, не совсем наше, как я полагаю. Кроме того, редко в этих чужих [справочниках] найдешь то, что особенно срочно будешь искать; а то, что для себя самого обдуманно сгруппируешь, всегда будет к услугам. К тому же, там помещено бесчисленное множество [сведений], которые тебе никогда не пригодятся; но тем не менее их придется пробежать, пока ищешь нужное, и иногда, потратив столько лишнего труда, все равно останешься неудовлетворенным. К такому разочарованию тебя никогда не приведут собственные записи, они всегда настроят тебя на полезные размышления. Сверх того, там содержатся ссылки на чужие мнения в сбивчивых или неоднозначных выражениях: вряд ли можно когда-либо вполне спокойно им доверять. Тому же, что ты сам извлек, следовательно, уверен, что читал собственными глазами, не доверять невозможно. Четвертый результат будет в том, что, составив эту обширную сокровищницу извлечений, ты сможешь располагать невероятным (могуществом): так что будешь как бы в

состоянии за один день пролистать до шестисот авторов (столько, сколько ты в общей сложности прочел и усвоил) и свериться с их неискаженным мнением; от тебя не ускользнет почти ничто существенное, незнание чего было бы вредно; удостоишься прозвища «живой, ходячей библиотеки»; будешь казаться всезнающим (человеком), к кому можно прибегать, как к оракулу (особенно в среде непричастных к твоей тайне). И не только будешь им казаться – станешь им в действительности. Хорошо оснащеный этим Сводом выписок, ты сможешь: (1) какая тема бы ни была предложена, назвать авторов, которые писали об этом; (2) если же потребуется рассуждение на эту тему, в материале тебе никогда не будет недостатка, надо ли будет излагать письменно или устно, – времени для подготовительной работы потребуется немного; (3) ты будешь сравнивать авторов с точки зрения их мнений, выделяя более верные и самые истинные проницательной способностью суждения; (4) по этой причине многим, желающим нащупать путь среди противоречий, сможешь быть полезным; (5) у тебя же будет постоянное лекарство против неустойчивости памяти; (6) и сколько раз ты будешь рассуждать о том или ином аргументе, – (каждый раз) хоть целый день. Тот, кто свод выписок не приобретет себе, не сможет этого; (7) итак, предстанет твоя образованность, если к тому же приобретешь навык говорить остроумно во всем драгоценном блеске. Чтобы все это совершилось именно так, – в большой степени зависит от того, будешь ли ты сразу соображать, делая выписки, что тебе определенно понадобится, для какого из твоих занятий, когда, где и каким образом ты сможешь это применить. То, что придет к тебе в качестве дополнений, заноси в специальную книжицу (под титулом для наблюдений – ее надо время от времени просматривать).

Смотрите, мои дорогие, как откровенно с вами беседую. Как без обмана открываю вам тайну восхождения к обширному, всестороннему образованию. Любовь к вам побуждает меня выносить на свет это сокровенное. Вашей задачей будет ответить мне тем же одушевлением, которое да пробудит в вас жажду дела, столь необходимого вам для вашего блага. Все, что может быть изучено, знать так, чтобы ни в какой области не быть чужаком, – как это прекрасно! И обо всем, что следует вынести [на обсуждение], знать наперед несколько мудрейших изречений, – как изысканно! Если к этому вас не приохочу, напрасен окажется мой приход сюда. И этого я не могу достичь более кратким и верным путем, нежели рекомендуя вам чтение авторов, и рекомендуя настоятельно. Вот перед вами выступают сокровища мудрости, отрытые из глубин библиотек! Или не последуете

совету Христа, высказанному притчей о Человеке, нашедшем клад на чужом поле? Он, согласно притче, пошел, скрывая радость, продал свое имущество и купил это поле (Мф., 13:44). Идите также и вы, избранные, продайте, что имеете, и купите поля, в недрах которых таятся сокровенные клады мудрости, – хорошие книги. Этими сокровищами укрепите себя, и других, кого захотите обогатить, а также Родину.

…Мне кажется, однако, что я слышу безмолвный ропот, и вижу, как будто ко мне поворачиваются спиной. Скажет некто: хорошо то, к чему призываешь, да многотрудно. Отвечаю: надо расколоть орех тому, кто хочет съесть ядро. И тот, кто хочет овладеть отрытым кладом, пусть копает, – это необходимо. Не желающие копать вынуждены попрошайничать, а это очень стыдно.

…Иной думает: Откуда у меня возьмутся книги? Стесненные домашние обстоятельства – помеха добродетели. Отвечаю: пока ты здесь, мой друг, – для тебя все изобилие книг из школьной библиотеки, которую мы постараемся пополнить, насколько возможно. Мы надеемся добиться, чтобы библиотека, обогащенная и Заветами Всевышнего, и хорошими авторами, служила любым интересам. В других случаях тем, кто будет стараться, поможет щедрость: где предоставится случай, не следует его упускать, где можно – отбросить застенчивость, потому что в таком деле попрошайничать не стыдно. Не оставит Бог, если сам ты себе поможешь: в молитве и в труде обретаются дары Божьи. Итак, ищи – и найдешь, добивайся – получишь; стучи – тебе отворят.

Пансофическая школа, то есть Школа всеобщей мудрости

Часть первая
Начертание пансофической школы

Что такое школа вообще.

Согласно обычному словоупотреблению, под словом «школа» понимают как здание, так и собрание, в котором обучаются для приобретения познания вещей, понимания и умения применять всякого рода искусства. Хотя человек родится способным ко всему, но на самом деле он ничего не знает, кроме только того, чему он научен благодаря руководству других людей и часто повторяемому опыту, а потому его необходимо учить всему и для этого посылать в мастерскую, где это делается. Оттого-то у высоко образованных наций есть столько же школ, сколько искусств; есть даже гимнастические (атлетические) школы, где юношество обучается употреблению оружия и т. п.

Что такое ученая школа.

Под ученой (literaria) школой мы разумеем учреждение, где упражняются молодые люди, недавно вступившие в жизнь и намеревающиеся приступить к житейским занятиям.

Какова должна быть мастерская гуманности, школа ума.

Истинными школами подобного рода, мастерскими гуманности, должны быть все учебные заведения (ludi literarii), предназначенные для обучения юношества. Но большинство школ, увы! слишком уклонились от своей цели и занимаются только тем, что играют науками, или, скорее, тоскливо мучатся над ними. Они не делают ничего, что соответствовало бы нуждам всей жизни, занимая умы лишь отдельными крохами наук, вещами совершенно посторонними для действительной жизни. И вполне справедливо говорят: «Они не знают необходимого, потому что изучают не необходимое».

Что такое школа всеобщей мудрости.

Мы желаем иметь школу мудрости, и притом всеобщей мудрости, пансофическую школу, т. е. мастерскую, где к образованию допускаются все, где обучаются всем предметам, нужным для настоящей и будущей жизни, и притом в совершенной полноте. И все это должно вестись столь надежным путем, чтобы из обучавшихся в ней не нашлось никого, кто бы совершенно ничего не знал о вещах, ничего бы не понимал в них и не в состоянии был бы сделать истинного и должного

применения и, наконец, не был бы в состоянии удачно выражаться.

Что значит, что все должны быть обучаемы.

Мы желаем, чтобы все получили такое образование, чтобы всякий, кто родился человеком, – был предохранен от опасностей и метаний в различные стороны, а также не погиб навеки, сбившись на пути к пристанищу вечного покоя. Ибо в этом – все важное для каждого человека. Этого все должны остерегаться больше всего, хотя невозможно всем дойти до того, чтобы знать все подробности истины и добра (ибо они бесконечны), понять их и наслаждаться ими.

Что значит, что все должны быть обучаемы всему.

Мы желаем, чтобы новички мудрости были обучаемы всему. А именно, во-первых, чтобы умы наполнялись светом познания того, незнание чего было бы вредно; даже руки вместе с другими способностями должны быть подготовлены ко всякому хорошему делу; язык должен быть вооружен приличествующей плавной речью.

Познание вещей.

Мы желаем, чтобы умам внедрена была вся совокупность лучшего из всей области знания. А именно, чтобы ничего не существовало, чего бы основательно не постигали юные кандидаты мудрости; чтобы они все знали необходимое, понимали причины всего, знали истинное и спасительное применение всего.

Искусность в действиях.

К познанию вещей надо присоединить подготовку к деятельности, в чем необходимо упражнять наших учеников, к познанию вещей нужно добавить практическую деятельность. Без этой деятельности даже человек, знающий вещи, будет неумело вращаться среди вещей, и, даже будучи знаком с искусством он будет представляться неспособным и вследствие этого не годным для житейской деятельности.

Чтобы чего-либо подобного не случилось с учениками пансофической школы, она ради этой высокой цели прибавит требование, чтобы никто из обучающихся в ней не был выпускаем, прежде чем он не будет самым лучшим образом напрактикован в тех видах деятельности, которые требуют особенной предусмотрительности, чтобы наши ученики в этом месте обучения учились не для школы, а для жизни. И пусть отсюда выходят юноши деятельные, на все годные, искусные, прилежные, – такие, которым со временем можно будет без опасения доверить всякое житейское дело. Если бы были подобные школы, и притом у каждого народа (gente), то это было

бы всеобщим противоядием против лености и косности, а потому и против нестроения, бедности, нечистоплотности. В особенности это будет достигнуто, если школы эти, сверх того, приучат (как и должно быть в действительности) украшать деятельность честными нравами и всем приятной речью.

Изящество речи.

Последнее, к чему стремится пансофическая школа, это – усовершенствовать язык всех настолько, чтобы довести его до приятной речистости. И это не только на каком-нибудь одном языке, но также еще и на трех ученых языках – латинском, греческом и еврейском.

Что значит учить совершенно.

К этому мы прибавим: все это в пансофической школе должно быть изучаемо, делаемо, соблюдаемо в совершенстве, т. е. с такой легкостью и обеспеченностью успеха, чтобы наподобие механических мастерских ничего в ней не делалось насильственно, но все происходило естественным путем, и чтобы впоследствии каждый ученик становился магистром.

Универсальные средства для универсальной мудрости.

Даны нам:

- три Божественных зрелища или средства, три книги, открывающие человеку все, что ему необходимо знать, представляющие образцы всего, что нужно делать, и дающие материал для всего, о чем должно говорить;
- далее человеку даны три глаза, одаренные стремлением подражать всему виденному, а также распространять среди людей практику и знание вещей;
- мы наделены медленно протекающей юностью, чтобы никто не испытывал недостатка во времени для подготовки к жизни.

Наша изобретательность должна прибавить три других средства. Это хорошие книги; надежные учителя, и хороший метод, облегчающий тяготу учения и обучения.

Поэтому необходимы (приспособленные к человеческим силам) элементарные книги, которые бы открыли наши чувства для более отчетливого схватывания вещей, которые, далее, изощрили бы наш разум, чтобы он проникал в глубину вещей.

Так как немногие могут учить самих себя – (быть автодидактами) или могут заняться этим поздно и с потерей времени, то эти занятия мудростью требуют руководителей, которые сами были бы также универсальны, т. е. людей, обнимающих умом все знание и знающих его применение, готовых служить всем, доказывающих это на деле и ежедневно возжигающих от своего света свет, правильнее сказать

светильники.

Пансофические занятия требуют и пансофического метода, столько же универсального, сколько и везде согласного с самим собой, приятного и легкого, чтобы как учащие, так и учащиеся чувствовали не отвращение от трудов, а их плоды и радость. Таким образом, школа перестанет быть лабиринтом, темницей, пыткой для умов, а станет для них скорее развлечением, дворцом, пиршеством, раем.

Приятная сторона школ такого рода всецело коренится в порядке, который обнимает все, что происходит в школе. Ибо только порядок есть душа вещей. Через него возникает, живет и достигает своего совершенства все, что рождается, живет и развивается. Где он устойчив, там все устойчиво; где он колеблется, там все колеблется; где он расшатан, там и все расшатано и приходит в хаос; а когда порядок восстанавливается, тогда восстанавливается и все.

Прочное устройство пансофической школы будет состоять в том, что в ней всюду будет царствовать полный порядок в отношении дел и лиц, места и времени книг и работ, наконец, и в отношении вакаций. Этой школе следует придать вид аккуратно идущих часов, в которых есть все, что нужно для их самопроизвольного хода, в которых нет ничего (будь это хоть малейшее колесо, или колонка, или зубчик) бесполезного, но все так расположено, что движется только приложением тяжестей, как если бы все было живым и притом самым регулярным образом, – направляя своим движением мысль на движение неба и на течение мирового времени.

Порядок делает школу духовной мастерской, похожей на типографию, где книги умножаются с такой скоростью, изяществом и правильностью орфографии, которая граничит с чудесным, чему нельзя было бы поверить, если бы это не было общеизвестным. С той же говорю я, легкостью, быстротой, изяществом и верностью в школах должно умножаться знание и запечатлеваться в чувствах и умах мудрость…

Чтобы освободить школы мудрости от всякого нестроения, я попытаюсь привести все [из чего они состоят] в точный порядок таким образом:

- вещи, подлежащие преподаванию и изучению;
- лица, которые призваны учить и учиться;
- орудия обучения: книги и т. п;
- места, которые должны быть предназначены для обучения;
- время, которое должно быть установлено для занятий;
- сами работы;
- перерывы и вакации.

Три главных правила для того, чему следует учить и учиться.

Во главе этого отдела следует поставить требование, чтобы учили и учились, предлагали и осуществляли: первичное – раньше остального; более важное – раньше менее важного; имеющее связь – одновременно.

Первичным является чувственное по сравнению с интеллектуальным, последнее по сравнению с откровенным; целое по сравнению с частями; и простое по сравнению со сложным.

Более важное есть человек – перед другими созданиями, душа – перед телом; равным образом духовные вещи – перед телесными, небесные – перед земными, вечные – перед временными и, следовательно, благочестие – перед образованием нравов, нравы – перед наукой и т. п.

Целое изучается раньше частей, потому что оно больше их (ибо всякое целое больше своей части) и поэтому скорее входит в соприкосновение с чувствами и сильнее на них отпечатлевается. Большой предмет виден даже издали, а малые – только тогда, когда к ним подойдешь ближе и когда их рассматриваешь один за другим. Далее: целое есть одна вещь, частей – много, а одну вещь можно постигнуть легче и скорее, нежели многие. То же правило имеет место и по отношению к роду и виду; ребенок легче выучивается узнавать дерево, нежели определять виды деревьев. Следовательно, «целые» вещи, т. е. роды, должны быть самым первым предметом учения и обучения, и только за ними должны следовать части и виды так, чтобы знание отдельных и специальных вещей (индивидуумов) составляло высшую ступень человеческой мудрости…

Простое также должно предшествовать сложному: оно изучается легче. Мальчик, например, скорее выучивается писать и произносить десять цифр, нежели различные соединения чисел до бесконечности. Также и двадцать пять букв изучаются легче, нежели составляемые из них многие тысячи слов. Так как при общем изучении языков, наук, искусств, знаний, мудрости, наконец, даже самого благочестия выступают известные простые вещи, из соединения и различного распределения которых происходит все разнообразие материала (почему они и называются началами или элементами тех знаний), то эти начала, если только они везде надлежащим образом предпосылаются, дают удивительно ясный, легкий и приятный метод обучения и изучения.

Святое правило метода – изучать более важное прежде менее важного.

Но этому методу придает мудрость и освещает его то золотое

правило, чтобы преимущественным, более важным и занимались преимущественно. Счастлива та школа, которая учит ревностно изучать и делать хорошее, еще ревностнее – лучшее, всего ревностнее – наилучшее.

Наконец, метод будет сберегать труд через соединение параллельно идущих вещей, т. е., например, если параллельно будут изучаться и письмо и чтение, познание и их наименование, если, следовательно, будут совмещаться понимание, деятельность и правильное употребление речи. Таким образом, обучение надобно всегда вести по всем этим пунктам к следующей ближайшей ступени.

Порядок, касающийся лиц.

Порядок, касающийся лиц, водворится в школе от распределения учащихся в зависимости от возраста и успехов по отделениям или «классам». Класс, следовательно, есть не что иное, как соединение в одно целое одинаково успевающих учеников, для того, чтобы легче можно было вести вместе к одной и той же цели всех, кто занят одним и тем же и относится к обучению с одинаковым прилежанием.

Семь классов пансофической школы.

Чтобы исчерпать всю область познаваемого во всем объеме, мы организуем семь таких классов (предпослав им школу родного языка, где обучают начальному чтению. Три первых, низших, класса должны служить возбуждению внешних чувств; столько же классов должно служить усовершенствованию понимания вещей и, наконец, последний класс – возвышению умов к Богу. И так как точнейшее деление познаваемого обнаруживает в нем реальное, умственное и словесное бытие, то раннее детство в первых трех классах мы занимаем преимущественно словесным бытием, т. е. чувственным анализом языка, привлекая к этому поверхностное знание вещей. Четвертый класс мы назначаем для изучения реального бытия, объясняемого философией путем тщательного сопоставления и открытия законов всех вещей. Пятый класс исследует умственное бытие, проникая в тайны человеческого ума. Шестой класс извлекает из всех этих вещей пользу для разумного устроения им настоящей жизни. Наконец, седьмой класс полнее покажет путь к будущей жизни, а также путь для домогающихся блаженства.

Какими именами различать эти классы.

Для отличия друг от друга эти семь классов мы будем называть следующими именами:

- вестибулярный («преддверный»);
- януальный («входной» или «вступительный»);
- атриальный («зальный»);

● философский;
● логический;
● политический;
● богословский, или теософический.

Отсюда ясно, что я следую совету Альстеда, который рекомендовал установить три грамматических класса и столько же гуманитарных.

…Мы прибавляем еще седьмой класс – класс богословских занятий, чтобы мы образовывали не только сыновей мира сего, но и наследников неба.

Порядок, касающийся учебных пособий, книг.

Семиклассная школа должна иметь семь классных книг.

Порядок будет состоять в следующем:

● эта школа должна иметь семь книг, между которыми вся сумма того, что должно составить предмет мудрого изучения и обучения, изложена так, что ничего не придется искать в другом месте, но все необходимое можно будет найти в них. И это сделано для той цели, чтобы каждый прошедший все классы этой школы и исчерпавший назначенные для всех этих классов книги мог выйти универсально ученым и не находиться во вредном неведении относительно всего, что необходимо;

● каждая из упомянутых книг должна содержать в себе курс соответствующего класса – так чтобы каждый ученик был уверен, что он все свое носит с собой и что никто не лишит его этого достояния;

● все книги должны быть записаны по плавно текущему методу. Все эти книги должны быть так составлены, чтобы учителям и ученикам не приходилось блуждать в них, как в лабиринте, но чтобы они находили в них такое удовольствие, какое находят в привлекательном саду.

Порядок, касающийся места.

Относительно помещений обязателен такой порядок: во-первых, сколько классов, столько учебных комнат; иначе учащие и учащиеся не будут в состоянии беспрепятственно делать свое дело; им будут постоянно мешать вид и голоса тех, кто занимается чем-либо другим. Чтобы, следовательно, все, занимаясь одним и тем же делом, исполняли его с полным вниманием, они должны быть ограждены от постороннего шума: классы должны быть отделены один от другого.

Во-вторых, в каждой учебной комнате необходимо еще дальнейшее разделение, особенно, если число учеников велико. Их следует поделить на десятки и каждому такому отделению указать особое помещение, равно как во главе его поставить декуриона (десятского), дав ему титул «инспектора»,

«руководителя», или «педагога» и выбрав его из учеников, выдающихся своим возрастом, способностями или прилежанием, или же из числа тех, кто уже прошел этот класс и уже сведущ в том, чем тут занимаются, чтобы он тем легче мог помогать классному учителю.

Обязанности декуриона («педагога»).

Его обязанностью будет: замечать, все ли своевременно приходят в класс и на своих ли местах сидят; наблюдать, чтобы каждый занимался тем, чем ему следует заниматься, и в случае, если он заметит, что кто-нибудь более слаб или медлителен и потому не в состоянии поспевать за другими, помочь такому или указать на него учителю. Словом, он должен оберегать свой десяток как вверенное ему стадо, идти во главе его, подавая хороший пример в прилежании и добродетелях, и во всем остальном держать себя как добросовестный заместитель учителя и ревностный соперник других десятских (декурионов). Если он не исполняет тщательно своих обязанностей, то его следует устранить от декуриона́та, и притом публично, чтобы это послужило предостережением для других.

Ученики должны постоянно видеть учителя.

Наконец, следует еще отметить то, что учитель должен занимать надлежащее место, откуда бы он мог всех видеть и где сам был бы у всех на виду. Я не могу допустить, чтобы учитель стоял где-нибудь в углу или в стороне, в толпе или чтобы он, прохаживаясь, подходил то к одному, то к другому ученику, диктовал или объяснял что-нибудь отдельно кому-либо из учеников (или нескольким, но не всем). Учитель должен, как солнце всего мира, стоять на высоте, откуда бы он мог одновременно на всех распространять лучи учения, притом сразу одни и те же и равномерно освещать всех. Кафедра поэтому должна стоять выше, нежели скамьи, – на стороне, противоположной окнам, и так, чтобы, если учитель что-нибудь рисует на доске, все это видели ясно и отчетливо.

Порядок, касающийся времени.

Если где-либо нужно мудрое распределение времени, то больше всего оно нужно, несомненно, там, где прилагают старание к приобретению мудрости: чтобы и частичка ее не пропадала без пользы и не оставляла умы неоплодотворенными, а также, с другой стороны, чтобы время, отмеренное нам Богом, правда, в достаточном количестве, но слишком суживаемое нашей скупостью, не вызывало бы насилия над умами. В пансофической школе время должно быть так распределено, чтобы отдельные годы, месяцы, дни и часы имели свои определенные задания, которые должны быть разрешены в свое

время. Но как это сделать?

Для каждого класса должен быть назначен такой приспособленный к средним способностям годовой курс, чтобы его можно было легко усвоить в продолжение одного года, но так, чтобы и с быстро и с медленно работающим умом было возможно пройти его в одинаковый промежуток времени. Это принесет существенную пользу: на слишком быстрые способности следует наложить путы, для того чтобы они не были обессилены раньше времени; слишком же слабые головы следует возбуждать примером и участием, приводить в движение и поддерживать, чтобы они, по крайней мере, не отставали.

В одновременном начале и окончании занятий в классах.

Отсюда следует, что будет согласно с требованиями хорошего порядка, если все классы будут начинать и заканчивать свои годовые занятия в одно время: весной, или, что, по-видимому, удобнее, осенью. Поэтому вне этого времени никого не следует принимать в школу, чтобы обучение всех подвигалось равномерно и курс одинаковых занятий заканчивался всеми учениками каждого класса в конце года.

Что касается до месячных, четвертных, полугодовых и других заданий, то дальше будет говориться о них пространнее. Замечу вообще только следующее: ни в один день юношество не должно заниматься более шести часов, и притом только в классе; на дом ничего не следует задавать (особенно в младших классах), кроме того, что имеет отношение к развлечениям и домашним услугам. Если кто-либо скажет, что не давать ученикам никаких занятий вне школы значит давать слишком много свободы, то я на это отвечу:

- школа называется учебной мастерской; следовательно, именно в ней, а не вне ее, надо делать то, чем обусловливается научный успех;
- сколько ни приказывай, чтобы ученики делали вне школы то или другое, они все-таки – таково уж свойство юности – будут исполнять это лишь поверхностно, небрежно и с ошибками; а уж лучше ничего не делать, чем делать с ошибками;
- я так распределил время занятий, чтобы на работу приходилось восемь часов, столько же на ночной отдых и еще восемь часов на выполнение житейских обязанностей и на развлечения;
- я прошу быть терпимым и к тому, чтобы ученики не испытывали недостатка времени для выполнения кое-чего по собственному усмотрению (что отвечает их природе) и чтобы, выполняя свои работы, они снова становились склонными к тому, что они должны делать по нашему мнению.

Но эти ежедневные занятия ни в коем случае не должны продолжаться беспрерывно, – между ними должны быть промежутки для отдыха. В предобеденные часы должны упражняться преимущественно ум, суждение, память, а в послеобеденные – руки, голос, стиль и жесты.

Порядок, касающийся занятий.

В отношении состава в каждом классе должны быть занятия: главные, второстепенные и третьестепенные. Главные занятия суть те, которые заключают в себе сущность, ядро и содержание мудрости, красноречия, честного поведения, равно как и благочестия – таковы занятия языками, философией и богословием.

Занятия второстепенные суть те, которые служат для главных вспомогательными и нужны для лучшего усвоения первых; таковы занятия историей, при которых дело не в изучении общих, определенно установленных мировых событий, а в собирании исключительных случаев, и мн. др.

Под занятиями третьей степени я разумею заботу о вещах, не дающих ничего для мудрости, красноречия, добрых нравов и благочестия, но весьма способствующих свежести здоровья и бодрости духа; таковы, например, различные развлечения, игры и т. п. Но так как ничто из этого не должно быть устранено из пансофической школы, то все следует вставить в общий порядок таким образом, чтобы ничто не встречало в другом помеху, но одно помогало другому.

Главные занятия должны вестись в первую очередь: во всех классах, постепенно и по одному и тому же методу.

Во всем должно упражняться везде, но постепенно.

Я говорю: постепенно, т. е. я хочу, чтобы то, чему положено было основание в первом классе, в следующих классах получало постоянный рост, точно таким же образом, как ежегодно все более разрастается удачно посаженное деревцо, причем оно постоянно сохраняет свои первоначальные ветви, только доводя их до все большего развития.

Так как строго определенных ступеней в каждом занятии есть три: начало, продолжение и завершение, то при надлежащем их прохождении мы будем идти от одних достижений к другим. Вот эти ступени в семи предметах первостепенного значения.

Первая ступень чувств, или чувственных восприятий, наблюдается у всех малых детей в том, что они начинают поворачивать глаза к свету, уши к звукам, зубы к вкусным вещам и т. п. Вторая ступень у взрослых, но еще не обученных искусству, состоит в том, что они при помощи многочисленных упражнений много и ясно видят, слышат и т. п. На третьей ступени люди уже

знают способ действия, причины и различия в свете и красках, в лучеиспускании, в видении, в зрительных приборах и т. п., равно как в том, что входит в область других чувств, и научаются пользоваться остротой своих чувств для понимания тонкостей.

Понимание вещей также имеет три ступени. На первой ступени мы воспринимаем исторически, что что-нибудь есть, на второй – научно, что и почему есть, и на третьей ступени – при помощи умозаключения, т. е разумно, рассматриваем основания какой-нибудь вещи, так что можем выдумать даже новую вещь того же рода. Например, если кто-нибудь знает употребление компаса и, наученный лишь опытом, умеет им пользоваться, то он стоит на первой ступени знания. Но если он понимает и основания таким образом устроенного компаса, то он находится на второй ступени. Если же, наконец, он дошел до того, что в состоянии выдумать scioterica нового вида, то он стоит на третьей ступени.

Ступени памяти следующие: первая – вообще удерживать в голове вещь, вторая – уметь перечислить большее и более важное, и третья – передать все до мельчайших подробностей.

Для рационального занятия языками существуют те же ступени: лепет (отдельные слова), связная речь (loquela) и красноречие. На первой ступени изучаются основания языка, слова, которые надо в отдельности понимать, произносить и изменять, особенно краткие, первоначальные и простые; на второй учат, как связывать из слов фразы и строить из них предложения и периоды, на третьей ступени, как из всех этих словесных элементов вытекает поток речи, приятный и действующий на других.

Рука также приучается к движениям и к известной деятельности: прежде всего мы начинаем владеть ею и двигать по желанию своего разума, затем делаем свою работу без очевидных ошибок и, наконец, работаем красиво и быстро.

То же самое можно наблюдать и в поведении: мы прежде всего остерегаемся грубых промахов, затем более тонких и, наконец, доходим до того, что в наших действиях, жестах и словах все становится благоприличным и приятным.

По таким же ступеням идет и образование сердца или души для внутреннего благочестия. Первая ступень – теоретическая, т. е. истинное и полное знание того, что Бог открыл, повелел, обещал. Вторая ступень – практическая, т. е. постоянное упражнение в вере, любви, надежде посредством живой деятельности.

Я сказал, что эти главные занятия должны все вестись по одному и тому же методу. Это достигается:

● посредством постоянного параллелизма предметов, понятий и слов;

● посредством знания, понимания, применения;

● посредством примеров, правил, упражнений.

…Занятиями второстепенными я назвал те, которые для первостепенных служат поддержкой, а именно:

● занятия историей;

● умственные занятия, организованные в силу непосредственного интереса;

● некоторые экстраординарные занятия, предоставляемые некоторым учащимся вне обычного порядка.

Занятия историей.

Так как изучение истории чрезвычайно радует чувства, возбуждает фантазию, украшает ученость, обогащает язык, изощряет суждение о вещах и молчаливо развивает благоразумие и т. п., я требую, чтобы оно постоянно сопровождало главные занятия во всех классах. Но и эти занятия следует расположить по ступеням так, чтобы они находились в согласии с целями отдельных классов в главных занятиях. Так, например, третьему классу (раньше нельзя, да и не нужно, начинать этих занятий, потому что для начинающих вместо истории служит сама номенклатура вещей) можно предложить сборник историй, имеющих отношение к ежедневной жизни, – а именно, моральные рассказы, способные вызвать любовь к добру и отвращение ко злу. Для четвертого, философского, класса можно рекомендовать историю естественных вещей, представляющую редкие и удивительные явления в творениях Божьих. Для пятого, или логического, класса годится история механических проблем, дающая наслаждение уму человеческому, излагающая то, чего искали и что изобрели, то, что еще надо искать и изобретать. Политическому классу хорошую услугу окажет история обычаев, которая должна повествовать о различных обычаях народов. Для последнего класса приятной спутницей будет всеобщая история, которая должна иметь своим предметом течение веков и разнообразные столкновения человеческого ума и глупости (как между собой, так и с промыслом Божьим), удивительные случаи и т. д.

Различные упражнения.

Так как только упражнение делает людей искусными, а мы исполнены стремлением сделать людей сведущими во всех вещах, искусившимися во всем и поэтому годными ко всему, мы требуем, чтобы во всех классах учащиеся упражнялись на практике: в чтении и письме, в повторении и спорах, в переводах прямых и обратных, в диспутах и декламации и т. д. Упражнения такого

рода мы разделяем на упражнения: чувств, ума, памяти, упражнения в истории, в стиле, в языке, в голосе, в нравах и в благочестии.

Упражнения чувств необходимы прежде всего и не должны нигде и никогда прерываться, потому что для ума чувства суть путеводители к науке. Поэтому мы должны стараться, чтобы все то, знание чего мы желаем сообщить ученикам, было представляемо их чувствам, чтобы сами предметы, будучи непосредственно налицо, трогали, приводили в движение, привлекали чувства, а последние – в свою очередь – ум, и таким образом, чтобы не мы говорили ученикам, а сами вещи…

Частью таких упражнений чувств будет, если мы наполним все стены учебной комнаты, извне и внутри, картинами, письменами, изречениями, эмблемами и т. п., но об этом подробнее ниже.

Книги могут быть наполнены изображениями такого рода; расход, однажды сделанный для подобной цели, сослужит службу всем школам, а не только той, для которой эти изображения будут сделаны. И тогда учеников можно будет обучать не только в общей учебной комнате, но и в любом месте. И если это достижимо, то следует сделать и то и другое, чтобы как стены, так и книги содержали изображения всевозможных вещей, которые мы хотим глубоко запечатлеть в уме юношей, так, чтобы куда ни обратят они глаза, всюду им попадались эти предметы. Здесь применимо положение: лучше изобилие, чем недостаток.

Упражнения ума, обыкновенно, будут происходить непрерывно на отдельных, проводимых по нашему методу, уроках. Каждая задача прежде иллюстрируется и объясняется, причем от учеников требуется показать, поняли ли они все и как поняли. Так как мы воспитываем людей, а не попугаев, то они должны быть постоянно руководимы ясным светом ума. Хорошо также в конце каждой недели или перед вакациями, по усмотрению учителя, устраивать повторения. Репетиции эти учитель должен распространять на все, чем занимались на данной неделе, в данном месяце, в данном триместре; при этом прилежные, твердые в знаниях и послушные ученики должны получать похвалу, а остальные – порицание.

Упражнения памяти должны практиковаться беспрерывно, ибо вполне справедливо говорит Квинтилиан: «Мы знаем столько, сколько удерживаем памятью». Но мы никоим образом не должны обременять учеников и заставлять их мучиться дома заучиванием наизусть: мы должны только посредством достаточного и приятного повторения ясно понятого достигнуть того, чтобы все само собой закрепилось в памяти.

Упражнения в истории можно отнести к упражнениям памяти. Здесь ученики могли бы вызывать друг друга на состязание. …Можно, например, назначить один час (хотя бы в среду, в послеобеденный час, вскоре после еды), когда всем ученикам школы читают обычные «Гражданские ведомости», если где таковые имеются. Если же их нет, то следует читать из французско-бельгийского «Меркурия» и пояснять, что где-либо на земле случилось замечательного за последнее полугодие.

…Обычные упражнения в стиле должны также происходить ежедневно и притом в последний послеобеденный час: цель их – приучить руку быть ловким истолкователем ума. При этом ничто не мешает устроить еще необычные упражнения; например, начиная с третьего класса давать ученикам совет почаще писать письма, все равно, к отсутствующим ли родственникам, или друзьям, или двоим назначенным для этого ученикам – друг другу и притом об одном предмете. Учитель же время от времени должен спрашивать, сколько писем, кому и насколько прилежно каждый написал в прошедший месяц. Затем пусть он заставит того или другого ученика, которого он сам назовет, прочесть вслух какое-либо письмо. Наконец, пусть он даст возможность встать и прочитать свою работу тому, кто думает, что он был прилежнее или счастливее обычного и что он произвел что-нибудь лучшее в сравнении с тем, что сейчас слышал. Трудно поверить, насколько подобного рода упражнения способствуют изощрению ума и стиля.

Ученики будут иметь хорошие упражнения в языке, если в Латинской школе будут говорить только по-латыни. Для развития чистоты языка полезно устраивать разговоры вне обычного времени и притом таким образом: стражем прилежания, называемым «Знаменем исправления», мы делаем книжку из белой бумаги; …она дается в виде наказания в руки тому, кто погрешит против Присциана; туда он должен занести свою ошибку против латинского стиля. Таким образом, возникает каталог ошибок, и ученики, часто заглядывая в него и узнавая, в чем они больше всего делают промахов, научаются избегать ошибок. Особенно если будут установлены степени наказания, а именно: погрешающему впервые наказание назначается довольно мягкое; допустившему ту же ошибку вторично – самое строгое.

…Упражнения голоса представляет музыка, ежедневное пение – в школе и вне школы. От этой обязанности не следует освобождать никого: ни благородных, ни простых.

Так как наше обучение имеет более высокую цель, то следует обратить внимание на развитие благородных нравов. Это должно послужить всем к украшению и к воспитанию привлекательного

обхождения; а благородным, кроме того, к особенной ловкости в ведении дел и к благородному достоинству в словах, жестах и действиях. Таким образом, надлежит устраивать упражнения, посредством которых юноши усваивали бы привычку делать все, достойное уважения, благоразумно и с энергией. Эти упражнения будут такого рода:

● учитель будет заботиться о том, чтобы юноши делали все, что делают, с полной энергией, с вниманием, без малодушия и не отворачивая глаз и лица;

● он будет им часто поручать заботиться о том или ином деле, исполнить то или другое поручение, устроить то или другое и дать в надлежащем порядке недельный отчет в том, что и как сделано. Как мы учимся письму писанием, рисованию – рисованием, пению – пением, так и деятельности мы учимся путем деятельности и исполнению различных действий именно в то время, когда мы их исполняем. Отсюда положение, которое мы приведем здесь наподобие изречения оракула: «Работая, мы сами развиваемся»;

● затем вся школа и каждый класс ее пусть представляет из себя государство, со своим сенатом и председателем сената, со своим консулом или судьей. Пусть они в известные дни на общих собраниях разбирают дела, как это происходит в благоустроенном государстве. Это будет действительно подготовлять юношей к жизни путем навыка к такого рода деятельности.

Что такое экстраординарные задачи.

Из второстепенных занятий остается указать еще на внеочередные чтения, которые должны быть предлагаемы известным лицам. Чтение некоторых сочинений, достойных ознакомления с ними, не требует ни томительных объяснений, ни участия и руководства учителя.

…Но тут следует соблюдать известное благоразумие. Во-первых, в самом начале курса известного класса, прежде чем ученики привыкнут к обязательным авторам и урокам, не следует дозволять им заниматься чем-нибудь вне обычного порядка, набивая этим свои головы; это можно дозволить лишь по истечении первого, второго или третьего месяца. Во-вторых, не должно дозволять одному ученику читать различных авторов; пусть один все время читает одного автора, другой – другого, чтобы не произошло путаницы. Пусть учитель распределит их по своему усмотрению между учениками; пусть он сообщит им об особенностях и стиле писателя и научит, как с пользой читать его, как выбирать в нем все заслуживающее внимания, и заносить это в свою записную книжку. Наконец, пусть учитель раз в неделю

во внеочередной час соберет этих учеников вместе, узнает, сколько каждый прочитал из своего автора, и заставит их прочитать или сказать наизусть сделанные извлечения. Это должно происходить в присутствии прочих учеников, чтобы другие, если заметят что-нибудь красивое или достопримечательное, также могли занести это в свои записные книжки. Таким образом, то полезное, что отдельный ученик вычитает, принесет пользу всем, даже менее способным, которые, не утомляясь этим внеочередным чтением, смогут усвоить себе его суть.

Третьестепенные занятия содействуют не столько внутренней культуре ума, сколько внешней подвижности тела и через это – развитию свежести ума. Сюда принадлежат в особенности игры и драматические представления.

Под играми мы понимаем движения духа и тела, которые в годы юности ни в коем случае не следует задерживать, а скорее вызывать и развивать, но их необходимо проводить благоразумно, чтобы от них не произошло вреда, а была польза. Таковы телесные, гигиенические упражнения, сопровождаемые движением, например бегание до известного пункта, умеренная борьба, игра в мяч, в шары, кегли, жмурки и другие подобные игры, которые можно проводить без нарушения благопристойности. Полезно также выйти из дому и гулять на дворе или саду, но всегда лучше вместе, чем в одиночку, чтобы упражняться в разговоре и отдохнуть, освежиться. Можно разрешать также сидячие игры, но только такие, в которых есть повод изощрять остроумие: как, например, шахматы и т. п.

Желательны драматические представления.

Прежде всего: этими публичными представлениями на сцене перед зрителями можно развивать остроту человеческого ума более мощно, нежели какими бы то ни было наставлениями или всей силой дисциплины. От этого и происходит то, что вещи, назначенные для усвоения памятью, легче запечатлеваются в ней, если они, таким образом, представляются в живой форме, нежели, если их только слышат или читают; таким способом легче заучиваются многочисленные стихи, изречения, даже целые книги, нежели гораздо меньшие вещи посредством одного затверживания. Далее и ввиду последующего – одно ведь следует из другого – они служат прекрасным поощрением для учеников, когда те знают, что перед многими должна быть произнесена или похвала прилежанию, или порицание лености. Затем и для учителей подобная личная проба прилежания вверенных им питомцев служит поощрением, внушая им уверенность, что от их похвалы зависит выступление на сцене порученных им учеников,

и представляет случай обнаружить служебную ревность. Эти же представления радуют и родителей, и они не жалеют издержек, видя, как их дети хорошо идут вперед и имеют успех перед публикой. Таким путем лучше обнаруживаются выдающиеся таланты и легче заметить, кто к каким занятиям преимущественно годен, равно как и то, кто из бедных учеников более достоин поощрения.

Наконец (и это самое главное, – этого одного вполне достаточно, чтобы рекомендовать театральные представления), так как жизнь людей (особенно тех, что предназначаются для церкви, государства и школы), должна быть посвящена беседам и действиям, то таким образом – посредством примера и подражания – юноши кратким и приятным путем приучаются наблюдать в вещах различные стороны, сразу отвечать на различные вопросы, искусно владеть мимикой, держать лицо, руки и все тело сообразно с обстановкой, управлять своим голосом, изменять его, – словом, благопристойно выполнять всякую роль и во всем вести себя непринужденно, оставив в стороне граничащую с деревенскими манерами застенчивость.

Порядок, касающийся перерывов и вакаций.

До сих пор мы говорили о порядке, касающемся занятий, теперь мы скажем о перерывах в занятиях. Так как недолговечно то, что не чередуется с отдыхам (а мы хотим развивать способности так, чтобы они были долговечны), то не обходимо, чтобы за работой следовал отдых – промежутки покоя. Каковы должны быть эти перерывы? Ежечасные, ежедневные, еженедельные и годичные. А именно, требуется, чтобы после каждого часа напряженной умственной работы давался получасовой отдых, а после завтрака и обеда по меньшей мере час для гуляния и развлечения. Наконец, после окончания дневной работы – восемь часов для покоя и сна; а именно, от восьми часов вечера до четырех часов утра. Далее, два раза в неделю, по средам и субботам, все время после обеда должно быть свободно от классных занятий и отведено для частных занятий и развлечений. Также должны быть свободны от занятий по одной неделе до и после годовых христианских праздников (Рождества, Пасхи, Троицы) и, наконец, целый месяц во время сбора винограда.

Если кто-нибудь думает, что при назначении вакаций мы были слишком щедры, то пусть он только примет в расчет, что все же для занятий остается полных 42 недели в год, в каждой неделе 611 часов. А это составит в год 1260 часов. По правилам нашего метода ни один час не должен проходить без нового полезного приращения к образованию; подумайте же, какую массу

образованности и мудрости можно собрать в целый год и сколько наконец, за целые семь лет

Конец общего начертания школы.

Пансофическая школа

Часть вторая
Содержащая специальное описание ее семи классов

Теперь дадим описание классов в отдельности и, предполагая, что каждый имеет свою особую классную комнату, проследим по порядку.

«Преддверный» (подготовительный) класс.

Надпись на двери: «Да не вступает сюда никто без знания грамоты».

Смысл надписи тот, что не должно допускать никого, кто еще не сведущ в грамоте, но только тех, кто умеет читать. Если принимать тех, которые еще не умеют читать, то это послужит задержкой не только для учителя этого класса, но и для всего состава учеников. Стало быть, новобранцы мудрости должны покончить со своими упражнениями в первоначальных элементах где-либо в другом месте, чтобы они приходили сюда уже грамотными.

Изображения в классной комнате.

Для того чтобы принятые сюда имели повсюду, куда они обратятся, поучения для своих чувств, – все четыре стены комнаты нужно расписать предметами, которые они будут изучать здесь. А именно:

- вполне чисто написанные буквы латинского письма (прописные и строчные, древний и курсивный шрифт), по которым ученики должны научаться каллиграфии;
- образцы склонений и спряжений, на которые должны смотреть начинающие при склонении имен и спряжений глаголов до тех пор, пока им не наскучит быть в зависимости от написанного перед ними и пока им, по основательном усвоении и укреплении через упражнение, не станет приятнее говорить все на память, чем утомлять глаза рассматриванием;
- самые краткие нравственные изречения, содержащие важнейшие жизненные правила, которые ученики должны заучить на память к концу учебного года.

Первая книга «преддверного» класса носит заглавие «Пределы вещей», из которых состоит мир, корни слов, из которых вырастает язык, и таким образом обнимает первые и самые элементарные основания нашего знания с прибавлением учения о нравственности для детей.

И для математики также следует уже здесь назначить

известный курс, так чтобы было ясно, что совсем не в шутку написал Платон над дверями своей школы: «Да не вступает сюда никто без знания геометрии».

…И в самом деле, для несведущих в математике сокрыты многие тайны вещей. Поэтому при поступлении детей в школу всеобщей мудрости мы с самого начала ставим преддверие к Божественной премудрости, чтобы вместе с буквами дети учились также писать, выговаривать и понимать числа. Это необходимо уже для того, чтобы они были в состоянии понимать и легко объяснять числа, которые содержатся в назначенной для «Преддверия» книге. Это будет для них началом учения о числах. Из геометрии мы не даем им ничего, – мы только заставляем их рисовать точку и линию; из музыки – шкалу тонов и ключей вместе с сольфеджиями. Ибо нельзя допустить, чтобы питомцы муз были несведущи в музыке; потому-то некогда Фемистокл, оттолкнувший лиру, считался необразованным человеком.

Для истории здесь нет никакой книги, кроме классной книги. Из нее можно рассказать ученикам по поводу того или другого слова что-нибудь на их родном языке, для того чтобы занять их слух и воображение и наполнить дух их любовью к истории.

Упражнения в стиле точно так же будут состоять ни в чем другом, как в списывании слов, переводе на родной язык и обратно, в склонении и спряжении, то по книге (или по изображениям на стене), то на память. Однако к концу года можно испробовать также соединения слов в предложении.

Собственно дополнительных занятий мы не указываем, кроме каллиграфии и рисования, чтобы ученики тем ревностнее занимались ими частным образом.

Игры дозволяются, и притом такие, которые приспособлены к возрасту и народному обычаю.

Театральным представлением будет публичный экзамен в таком виде, что из учеников каждый выберет партнера и начнет осаждать его вопросами; притом, в конце первой четверти года – из первой главы «Преддверия», в конце второй четверти – из второй и третьей, после третьей четверти – из остальных глав, а по истечении учебного года – из грамматики, приложенной к «Преддверию».

При правильной постановке дела борцы, участвующие в этой первой стычке, унесут с собой хорошую добычу: а именно, первые, низшие основания латинского языка, а с ними – философии и логики.

Вступительный класс.

Надпись на двери: «Да не вступает сюда никто, не сведущий в мерах».

Из сказанного уже понятен смысл этого изречения. Так как числа употребляются здесь уже чаще, то необходимо, чтобы сюда были привнесены начала математики – по крайней мере в тех пределах, в каких мы указали их для первого класса.

Хорошо иметь здесь изображение вещей, описанных в книге этого класса (тех, которых нельзя иметь для непосредственного наблюдения в здешней стране), а именно: на одной стене – изображение вещей естественных, на другой – искусственных. Две остальные стены пусть содержат грамматические правила – об особенностях, на которые необходимо обращать внимание в отношении родного языка.

Классной книгой служит здесь вторая часть учебного курса, содержащая внешнее распределение вещей и языка, в триедином сопоставлении, а именно: словарь с латинского на родной язык, полная и ясная грамматика, достаточная для естественного и простого строения языка, и текст януального, или вступительного, класса – краткая история вещей.

Из арифметики ученики должны научиться сложению, вычитанию, из геометрии – фигурам на плоскости, из музыки – в совершенстве изучить сольфеджии.

В качестве книги по истории служит и здесь ни что иное, как текст «Двери». Если учитель будет повторять его в час, назначенный на историю, и если он, пользуясь любым материалом (который ученики уже в предыдущий час прошли так, что усвоили как слова, так и содержание), при подходящем случае приятным образом будет рассказывать ученикам какие-нибудь полезные вещи, пленяя тем их слух и ум, то ему легко удастся, если только он прилежный учитель, возжечь в них желание почаще слышать какие-либо исторические сообщения.

Упражнения в стиле обнимают на этой ступени построение фраз, предложений и периодов. Ученики должны при всяком слове (имени существительном, прилагательном, глаголе, наречии, предлоге и т. д.) находить зависящие от него слова и уметь делать построение согласно правилам. После того, как это упражнение продлится шесть месяцев, ученики могут начать образовывать из комбинаций слов всякого рода предложения и упражняться в этом в течение целого триместра. В последнюю четверть они могут упражняться в разборе и образовании периодов.

Предметов дополнительных здесь не должно быть, чтобы не отягощать неокрепшие умы, которым еще опасно разбрасываться. Одним только могут они заниматься – тем, что представляет основу всякого обучения, а именно: точным усвоением различных вещей, а затем – сохранением усвоенного в памяти.

Род игр определяет учитель.

Театральные представления будут состоять в том, что текст «Двери» разбивается на простые вопросы и ответы, и эти разговоры представляются потом некоторыми учениками на сцене.

«Зальный» класс.

Надпись: «Да не вступает сюда никто, не владеющий словом».

Это следует понимать в том смысле, в каком Цицерон говорит, что он не может учить говорить (красноречиво) того, кто не умеет говорить. Если особенность этого класса – научать украшению речи, то как может кто-либо изукрашивать то, чего в нем нет? Следовательно, от того, кто сюда поступает, требуется знание строения простого и естественного языка; иначе его пребывание здесь будет бесполезно.

Если украсить стены этой комнаты талантливо исполненными рисунками, а также избранными замечаниями относительно украшения речи, то это принесет отменную пользу.

Основной книгой этого класса будет третья часть учебного курса, излагающая украшения вещей и латинской речи. К ней прибавлены предписания изящного стиля и реперторий, называемый латинским лексиконом; они открывают искусство разнообразить речь на тысячи различных ладов. (Заметь: второй класс показывает источник чистой латинской речи; этот – третий – ее ручейки и реки).

Из арифметики войдут умножение и деление вместе с «Картинкой» Кебеса, из геометрии – фигуры твердых тел, затем симфоническая музыка и первые начала латинской поэзии с избранными стихами Катана, Овидия, Тибулла и др.

Из истории здесь следует изучать достопамятные рассказы из Священной истории, чтобы насадить стремление к добродетелям и отвращение к порокам.

Давать этому классу еще дополнительные занятия я считаю делом сомнительным. Ученикам достаточно дела со своими прямыми задачами; им нужно ясно усвоить столь разнообразные способы изменений в языке, изучить их как следует и искусно подражать им. И богатый плод с этого класса пожнут они лишь тогда, когда будут в состоянии объяснять любого латинского писателя и затем выражать все на этом ученом языке.

Известные виды отдыха могут быть допущены или назначены в определенные часы.

Театральные представления следует устраивать (да они, может быть, уже и существуют в стиле комедии под названием «Школа-Игра» – они изображают самые привлекательные действия, причем все перечисленное содержание этого класса

может быть живо представлено).

Философский класс.

Надпись: «Да не вступает сюда никто без знания истории».

Надпись эта означает: основания вещей не в состоянии понять тот, кто не познал еще самих вещей. Ибо сначала нужно знать, что что-нибудь есть, прежде чем начать исследовать, откуда это и как. Следовательно, этим дается знать, что дверь философии открыта только для тех, кто (из школьных книг обоих предшествующих классов) начал объяснять вещи в мире с их внешней стороны, называть, изменять названия и через это различать их.

Классная комната должна содержать изображения, представляющие расчленение вещей – арифметические, геометрические, механические (статические) и тому подобные изображения; изображения анатомии, химической лаборатории со всеми ее принадлежностями и т. д.

Классной книгой служит здесь четвертая часть школьного курса, содержащая первую часть «Дворца мудрости». Здесь имеет место и дальнейшее облагораживание языка (все пишется в стиле, приспособленном к предметам) и еще более блестящее прояснение ума через прямое рассматривание всех предметов.

Из арифметики здесь преподается правило пропорций (так называемое тройное правило), а из геометрии – тригонометрия, к которой примыкают основания статики. К этому присоединяется инструментальная музыка.

Естественная история доставит умам великое удовольствие и свет для того, чтобы лучше понимать все, встречающееся в природе; ее следует составить из сочинений Плиния, Элиана и др.

В качестве учителей для упражнений в стиле надо привлечь древних писателей. Но так как к этому классу следует отнести изучение греческого языка… то мы отведем для него последний послеобеденный час, назначенный для упражнений в стиле, в надежде, что от этого не потерпят ущерба упражнения в латинском стиле, – которые со всей силой возобновятся в следующем классе…

Итак, дополнительным предметом в этом классе является изучение греческого языка.

Хотя я не отрицаю того, что этот язык сам по себе труден и содержит обширный материал, однако, ввиду того, что более солидное образование, как его требует эта школа, никоим образом не может обойтись без знания этого языка, трудность (если таковая есть) должна быть преодолена.

Об играх я не хочу говорить ничего, так как желательно, чтобы ученики постепенно более и более обращались от них к

вещам серьезным. Вполне приличный отдых для тела и духа не должен быть запрещаем как вообще человеческой природе, так и этому возрасту.

Представить философскую сцену в философском классе далеко не неуместно. Такими могли бы быть «Циник Диоген, выведенный на сцене, или Вкратце о философии»; драма уже готова и уже три раза с успехом была поставлена в латинских школах.

Логический класс.

Надпись: «Да не вступает сюда никто, не сведущий в философии».

Смысл сказанного – в следующем: если кто-либо еще не наполнил духа, созерцателя вещей, образами вещей, то он не сможет их и обдумывать, так или иначе располагать и исследовать.

…Изображения должны предлагать или избранные правила логики и некоторые художественно составленные картины проявлений духа и распространения его на область вещей, или и то и другое, или еще что-либо, что может быть придумано полезного. Ученику нет досуга самому останавливаться на этом; он будет иметь время, когда вещи потребуют этого, в последующей жизни.

В качестве классной книги здесь следует иметь пятую часть учебного курса. Она содержит полеты ума человеческого в область различных искусств, наряду с теми границами, в которые он должен быть заключен. …Это сочинение будет разделено на три части. Во-первых, материальную часть, содержащую ту часть пансофии, которая разъясняет как уже сделанные, так и предстоящие изобретения человеческого ума и силу искусства, изливающегося на творении. Во-вторых, вместо формальной части там будет «логическое искусство»; оно покажет, что вся мастерская человеческого разумного мышления отлично оборудована и что все может быть найдено с помощью аналитического, синтетического и синкретического (сопоставляющего, или сравнивающего) метода, приведено в порядок и истинное отделено от вероятного и ложного. В-третьих, будет приложен репорторий, или указатель, всех вещей, которые человеческий ум может найти и которые он обыкновенно находит как тогда, когда он стоит на правильном пути так и тогда, когда он блуждает без дороги.

Для послеобеденных развлечений будут здесь служить:

- из арифметики – правила товарищества и смешения, фиктивные предложения;
- из геометрии – измерение длины, ширины и высоты;

● из географии и астрономии – учение, в общих чертах, об обоих полушариях;

● из оптики – несколько главных положений.

Для того чтобы в занятиях историей сделать шаг вперед к более важному, мы ставим здесь историю механики, объясняющую изобретение вещей.

Для стиля теперь время привлечь образцовых писателей. … Но так как существуют различные степени стиля, то, по нашему мнению, и этой ступени следует выработать тот средний, приспособленный к вещам стиль, который свойственен историкам. И потому в этом классе ради стиля следует изучать лучших историков – Корнелия Непота – «О знаменитых полководцах Греции», Курция – «О деяниях Александра», Цезаря с его «Комментариями», Юстина и др.

Дополнительных занятий здесь нет; разве что те, кто возымеет желание совершенствоваться в греческом языке, будут читать бегло кое-что из наиболее изящных писателей: например, речи Сократа, легкие для понимания и полные прекрасных выражений, а также этические трактаты Плутарха, Сираха и т. п. К числу забав, служащих для отдыха, можно причислить состязание в разгадывании загадок и т. д.

Прекраснейшее представление могло бы дать состязание триединого искусства – Грамматики, Логики и Метафизики. Сперва борьба из-за первенства, а затем их мирное существование представляет много привлекательного. Кроме того, она во многих отношениях проливает свет на то, как правильнее понимать самые основы искусства речи, рассуждения и действия.

Политический класс.

Надпись: «Да не вступает сюда никто, не мыслящий разумно, или не опытный в логике».

Логике свойственно полагать границы человеческому мышлению, а людям, играющим роль в государстве, особенно свойственно, как полагают, руководствоваться разумными основаниями и руководить другими.

Изображения будут состоять в искусных рисунках, передающих силу истинного порядка и налагаемых им оков. Подобного рода изображением могло бы быть изображение человеческого тела, представляющее его в четырех различных видах:

● **с** отсутствием известных членов;

● с избытком (двухголовое, трехглазое, четырехрукое и тому подобное тело;

● с уродливо помещенными или даже с правильно поставленными, но отделенными друг от друга и не

находящимися в связи членами;

● совершенное тело, в котором части связаны, красиво сложены и т. д.

В качестве классной книги здесь должна служить третья часть «Дворца всеобщей мудрости», наглядно представляющая разумность человеческого общества (насколько далеко она простирается). Весь свет знания, доселе собранный, должен (так как все это имеет в виду человеческое общежитие) быть поставлен перед глазами, как вещь, лучше других удовлетворяющая запросам человеческой жизни.

Развлечение в послеобеденное время дадут: в арифметике – логистика, в геометрии – архитектоника, в географии – изображение мира, изящно составленное в небольшом объеме, наряду с той частью астрономии, которая содержит теорию планет и учение о затмениях.

Из истории на долю этого класса приходится история обычаев, которая, если ее как следует изукрасить, может быть в высшей степени интересной и полезной.

Ради стиля объясняются писатели, занимающие видное место: так, в прозе – Саллюстий и Цицерон, из поэтов – Вергилий, Гораций и др. …Ученики должны привыкнуть (тем более, что они сведущи в грамматике, риторике и логике) свободно выражаться о вещах, придется ли им говорить согласно правилам искусства без подготовки, например, о предмете, который задал учитель, или на тему, которая служила материалом для их состязания, или составить предварительно обдуманное (но в течение не слишком большого времени) сообщение относительно задач более трудных. Эту работу должны исполнять в прозаическом стиле все, не исключая никого. Наоборот, упражнения в поэтическом стиле не следует вести со всеми, так как вполне справедливо, что поэтами люди скорее рождаются, чем делаются. …Однако нельзя в силу этого оставлять непрочитанными поэтов или препятствовать поэтическим упражнениям, если кто чувствует к ним склонность…

Из дополнительных занятий я не могу рекомендовать ничего другого, как то, чтобы личному прилежанию всех учеников этого класса было предоставлено читать хороших, по совету учителя выбранных писателей, делать себе извлечения редких слов, прекрасных оборотов, особенно же изящных мыслей, и, таким образом, как бы выжимать весь сок их. Следует также советовать привыкать осмысленно выражаться и иметь в запасе меткие изречения, которые они, при подходящем случае, могли бы искусно пустить, как стрелу, в цель; они могут также, взаимно состязуясь, упражняться в этом искусстве. Если кого-нибудь,

кроме того, охватит желание посвятить себя более глубокому изучению греческого языка, тому следует дозволить, и даже рекомендовать, чтение некоторых писателей, например, таких историков, как Фукидад, поэтов, как Гесиод, и др.

Можно бы кое-что сказать и относительно видов отдыха; но я предоставляю это на волю каждого. Следует только обращать внимание на то, чтобы отдых не отсутствовал совсем, а с другой стороны, чтобы его не было слишком много и чтобы при этом не происходило ничего непристойного и опасного.

В театре могут быть представлены: Соломон – благочестивый, мудрый, богатый и славный, а затем заблуждающийся нарушитель закона, привлеченный к наказанию и снова образумившийся, или трагедия о суетности мира…

Законы хорошо организованной школы

Попечителям – привет!

Почтеннейшие! Аристотель мудро назвал жизнь, не руководимую никакими общественными законами, циклопической, а в другом месте он заявил, что государственное благополучие покоится на законах. Точно так же мудро говорит об этом другой философ в противоположной форме: кто захотел бы разрушить государство, тот стал бы нарушать порядок. Следовательно, мы, желающие благополучия маленькому государству нашей школы, должны оградить его законами. И так как мы желаем, чтобы наше государство никогда не подверглось разрушению, то с необходимостью мы должны всемерно позаботиться о том, чтобы однажды установленный в нем порядок никогда не был нарушен. Эти соображения и послужили поводом к тому, чтобы изложить порядок всей школы в «законах», т. е. в кратких и полновесных положениях.

Законы школьного порядка, касающиеся работы лиц и дисциплины.

Организованным является то, начало и конец чего настолько связаны со всеми промежуточными членами, что все взаимно и в целом содействует общей цели.

Так как в школе сталкиваются:

- работа, подлежащая исполнению;
- действующие лица;
- узы, связывающие то и другое, т. е. дисциплина, то работа лица и дисциплина должны быть приведены в совершенный порядок.

Узы, связующие школы, суть законы и исполнение законов, т. е. дисциплина, которая должна иметь свои границы.

Законы относительно целей школы, подлежащих предпочтительному осуществлению.

Знать, действовать и говорить – вот в чем соль мудрости, необходимая услада всей человеческой жизни, без чего все было бы нелепо, безвкусно и обречено на гибель.

Учить только умению говорить и не учить вместе с тем понимать (т. е. учить языкам без понимания вещей) – это значит не усовершенствовать человеческую природу, а только придать ей наружное, поверхностное украшение. Учить же понимать вещи, но не учить вместе с тем действовать – есть вид фарисейства говорить, но не делать. Наконец, понимать и делать вещи, не отдавая себе, однако, отчета в пользе знания и действия, это – полуневежество. Чтобы образовать людей, знающих вещи,

опытных в деятельности и мудрых в использовании знания и действия, наша мастерская гуманности, школа, должна вести умы через вещи таким образом, чтобы везде соблюдалась польза и предупреждалось злоупотребление. Это принесет значительную пользу во всей жизни (хозяйственной, государственной, церковной).

И так как в жизни приходится вращаться не только среди вещей, но и среди людей, то и школы, как мастерские добродетелей и человечности, должны сделать своих питомцев способными также и для общения с людьми (во всяком обществе).

Следовательно, во всех действиях и упражнениях в школе следует стремиться к тому, чтобы юные кандидаты в жизнь научились все, что им встретится в жизни, знать, уметь, излагать, применять к добродетели и благочестию.

Законы о месте занятий.

1. Сколько классов, столько же должно быть учебных комнат, чтобы каждый курс занимался отдельно и никогда не отвлекался от занятий посторонним шумом.

2. Каждая учебная комната должна быть снабжена кафедрой с достаточным количеством скамей; последние должны быть расставлены таким образом, чтобы учитель постоянно имел перед глазами всех обращенных к нему учеников.

3. Кафедра должна находиться не у окна или между окнами, но с противоположной стороны, так, чтобы свет, падающий на учеников сзади, делал видимым учителя вместе со всем, что он делает (в особенности, если он пишет на доске).

4. В классных комнатах все должно быть опрятно, где возможно – даже изящно, чтобы ученики всюду, куда они ни обратятся, имели возможность воспитать в себе любовь к чистоте и затем впоследствии содержать подобным же образом свои собственные жилища.

6. Для общественных актов, будут ли то праздничные собрания или театральные представления, должен существовать особый зал, вмещающий всю школу, но он не должен быть украшен картинами. Так как здесь собираются лишь в редких случаях и для экстраординарных актов, то чувства должны быть устремлены единственно на сценическое действие и не должны быть отвлекаемы посторонними предметами.

Законы о надлежащем распределении времени.

Мудрое распределение времени есть основа для деятельности. Поэтому мы предписываем следующее:

1. Для работы и отдыха должны быть одни и те же деления времени, именно часовые, дневные, недельные, месячные и годовые.

2. Каждый час должен иметь свою определенную задачу, которая непременно должна быть разрешена; раз она разрешена, дается отдых приблизительно в полчаса.

3. Серьезным занятиям посвящается ежедневно только четыре часа, к которым присоединяются: час после обеда – для музыкальных или математических развлечений, после школы – для повторения сделанного за этот день. Все остальное время остается свободным для домашних дел, пристойного отдыха и частных занятий.

5. В каждую четверть года одна неделя посвящается театральным представлениям, проводимым в течение пяти дней.

6. Ежегодно каждый класс начинает и кончает свои занятия осенью. Вне этого времени никто не принимается в школу, чтобы не вносить беспорядка в работу, исключая разве те случаи, когда кто-нибудь является вскоре после начала ученья и можно ожидать, что он благодаря частным занятиям нагонит других. Если он это обещает, то это можно разрешить.

…Где работы по уборке винограда не отвлекают от школы, там могут иметь место каникулярные праздники, но разумно, чтобы дать отдохнуть умам, а не ослабить их.

Законы об образцах для проведения работы.

1. То, что подлежит в школе изучению (познанию, изложению или действию), нужно показать на таких примерах, созерцая которые можно было бы им подражать. (Без примера ничему не выучишься.)

2. Предлагаемое в виде примера должно быть точным, чтобы при тщательном подражании нельзя было ошибиться. (Невозможно не перенять ошибки от ошибочного образца.)

3. Образец, предложенный для подражания, должен представлять собой или подлинный предмет или его изображение по подлинному оригиналу, будет ли то скульптурное изображение, или картина, или описание на словах. (Однако лучше всего иметь живое созерцание самого предмета.)

4. Что не может быть представлено в изображении (как например, добродетели), возможно, однако, в подражании. В том учитель должен служить живым примером.

Законы о книгах.

1. «Книгой» в широком смысле называют то, что нас научает и наставляет. Так, существуют книги Божественные и человеческие. К Божественным книгам относятся: книга природы (сам мир); книги Священного писания; книги совести. Человеческие же книги содержат или как бы объяснения образцов вещей или возмещают собой ряд оригиналов, одновременно предлагая и разъясняя вещи.

2. Правда, поскольку наша школа есть школа гуманности, она не устраняет ни одной из человеческих книг (разве уж там будет содержаться что-либо ничтожное, бесполезное, вредное). Так как существует мнение, что эти последние в силу своей возвышенности превосходят понимание нежного возраста, то человеческие книги допускаются с той целью, чтобы они открывали путь к чтению и пониманию Божественных книг и были верными путеводителями во всем том, что должно знать или не знать, делать или не делать, на что надеяться или чего бояться.

3. Те [книги], которые хорошо этому содействуют, должны быть нашими, а те, которые не содействуют, должны быть устранены.

Законы, касающиеся метода, которого нужно придерживаться при обучении и учении.

1. Далее, нам необходим надежный метод в занятиях, чтобы, следуя его предписаниям, воспитатель юношества так же быстро, как и изящно, приводил души к мудрости, красноречию, искусствам, добродетелям и благочестию, подобно тому как мастер механических искусств обрабатывает данный материал при помощи данных инструментов и делает его годным к употреблению.

2. Вечным законом метода да будет: учить и учиться всему через примеры, наставления и применение на деле или подражание.

3. Пример есть уже существующий предмет, который мы показываем. Наставление есть речь о предмете, разъясняющая, как он возник или возникает. Применение или подражание есть попытка сделать подобные же вещи.

4. Между этими тремя сторонами (моментами) метода должно быть установлено такое соотношение, чтобы пример равнялся одной, наставление – трем, подражание – девяти единицам. Например, если в каждый час должен быть окончен известный урок, то последний должен быть распределен таким образом, чтобы в течение 1/16 часа предмет был показан и рассмотрен, в течение 3/16 часа предмет был объяснен и воспринят в том виде, как обыкновенно он возникает, и чтобы остаток часа (3/4 часа) был отведен на подражание или на упражнения и исправление ошибок, без которых при обучении дело никогда не обходится.

5. При теоретических занятиях место подражания занимает повторение посредством испытания того, что было предложено и объяснено, чтобы стало ясным, правильно ли восприняли ученики и могут ли они все пересказать то же самое и тем же способом.

6. Этот поистине практический метод (обучающий всему через личное наблюдение, личное чтение, личный опыт) должен быть применяем повсюду, чтобы ученики приучались всюду возвышаться до учителей.

Законы для испытаний.

1. В этом смысле могущественное действие оказывают школьные испытания: часовые; дневные; недельные; месячные; триместровые; годовые.

2. Часовые испытания производятся учителем, дневные – декурионом (десятским), недельные – самими учениками, месячные – ректором, триместровые и годовые – начальниками школ.

3. Учитель испытывает ежечасно всех своих учеников (хотя не каждого в отдельности, если их много), частью наблюдая глазами, внимательны ли они, частью выспрашивая (например: такой-то или такой-то, повтори это. Что я только что сказал? Как это ты понимаешь? и т. п.).

4. Ежедневно по окончании школьных занятий десятский повторяет с находящимися под его надзором, выспрашивая все, что было сделано в течение целого дня, причем он добивается и того, чтобы правильно понятое было прочнее усвоено.

5. Еженедельно, и именно в послеобеденное время последнего свободного от занятий дня, ученики испытывают себя сами, взаимно поощряя к прилежанию состязанием из-за места. При этом всякий ученик, занимающий низшее место, имеет право вызвать на состязание занимающего высшее.

6. Раз в месяц ректор, посещая все классы, производит строгое испытание, выполнены ли месячные задания и насколько тщательно это исполнено.

8. С особой торжественностью должен быть производим ежегодный экзамен; он происходит осенью перед переводом из класса в класс в присутствии всех школьных начальников.

9. Если при этом выяснится, что некоторые в их научных занятиях слишком отстали, то начальники школ вместе с ректором и учителями должны составить решение, допустить ли таких учащихся к последующим занятиям, или они должны быть возвращены родителям и избрать другое жизненное занятие.

Законы о театральных представлениях.

Мы говорим о театральных представлениях, так как ученики должны давать представления в присутствии многих лиц, созванных с этой целью. Подобного рода представления очень полезно давать в школах. Так как жизнь всякого человека так устроена, что он должен вести разговор и действовать, то нужно руководить юношеством кратчайшим путем и таким приятным

образом, как пример и подражание, чтобы оно приучилось наблюдать различия в вещах, уметь тотчас реагировать на различия, делать приличные движения, держать лицо и руки да и все тело сообразно с обстоятельствами, изменять и сообразовывать голос, словом, проводить любую роль приличным образом и во всех этих случаях держаться благопристойно, будучи далеким от всякой деревенской застенчивости. Сообразно с этим мы определяем:

● чтобы каждый класс ежегодно четыре раза выставлял своих учеников на подмостки театра;

● чтобы распределенное по различным ролям было представлено все, пройденное в течение триместра;

● чтобы представления во всех классах были закончены в одну неделю, и именно так, чтобы низшие классы играли дважды в один и тот же день, один раз до полудня, другой раз после полудня;

● чтобы самые торжественные представления давались в конце года, перед переводом из класса в класс.

Законы об отдыхе.

Хотя наш метод посредством сочетания с некоторого рода «развлечениями» устанавливает все занятия так, что все наши умственные упражнения могут считаться играми, однако, так как юношеский возраст таков, что требует проведения времени более в телесных движениях, нежели в умственных упражнениях, не следует отказывать юношеству и в подобного рода отдыхе. Следует, однако, придать ему такой характер, чтобы не только не препятствовать, но, наоборот, содействовать благочестию, благопристойности и успеху в занятиях мудростью. Это произойдет в том случае, если будет соблюдено следующее:

1. Игры должны быть такого рода, чтобы играющие привыкли смотреть на них не как на какое-нибудь дело, но как на нечто побочное. (Следовательно, играм и отдыху отводится время не раньше, чем обеспечены серьезные занятия. Как для покоя н сна наступает время лишь тогда, когда тело утомится от работ, так и для десерта – лишь тогда, когда покончено с настоящими кушаниями.)

2. Следует играть так, чтобы игра способствовала здоровью тела не менее, чем оживлению духа. (Поэтому Платон обыкновенно настаивал на том, чтобы тело не упражняли без упражнения духа и наоборот. Итак, мы желаем, чтобы избегали тех игр, которые утомляют тело своей напряженностью, а также тех, которые ослабляют тело и дух; таковы сидячие игры и такие, которые держат дух в возбужденном состоянии, вызывая страх или надежду на успех. Сюда принадлежат те игры, в которых,

дело решает случай или в которые играют из-за большого выигрыша, например, игра в кости, в карты и т. п. Игры наших учеников должны состоять в движении, например в прогулке, беганье, умеренном прыганье и т. д.

3. Следует играть так, чтобы игра не грозила опасностью для жизни, здоровья, приличия. Этой опасности подвергают себя безрассудные люди при лазании по деревьям, плавании, борьбе и т. д.

4. Следует играть так, чтобы игры служили преддверием вещей серьезных. (Например, [заимствовать игры] из экономических политических, военных областей жизни и пр. Следовательно, можно делать экскурсии за город, чтобы смотреть деревья, травы, поля, луга, виноградники и работы, которые там производятся. Можно также заняться объяснением планов и стилей построек и лично осмотреть работы занятых при этом мастеров. Далее, можно образовать войско, назначить полководцев, начальников сотен, разбить лагерь, образовать боевую линию и пр. Но если участвующие хотят извлечь удовольствие из игр всякого рода, то они должны выбирать руководителя, по усмотрению которого ведется игра, чтобы все привыкли попеременно распоряжаться и повиноваться. Способ проведения подобного рода игры может свободно изменяться, и тогда он доставит не менее пользы, чем удовольствия.)

5. Следует играть так, чтобы игра оканчивалась раньше, чем она надоест. (Ведь ею хотят доставить не отвращение, а отдых.)

6. Наконец, хорошо будет, чтобы почаще (если не всегда) при игре учеников присутствовал учитель, не за тем, конечно, чтобы отдыхать, но чтобы наблюдать, как бы не произошло чего-либо непристойного и неподходящего.

7. При строгом соблюдении этих условий игра становилась бы не только игрой, но и серьезным делом, т. е. или развитием здоровья, или отдыхом для ума, или преддверием (подготовкой) для жизненной деятельности, или всем этим одновременно.

Законы относительно поведения.

Недавно мы распорядились отпечатать правила доброго поведения в их общем виде. Мы желаем, чтобы все имели их в руках, читали, соблюдали с той целью, чтобы наша школа была не чем иным, как мастерской благопристойности. Для достижения этой цели мы устанавливаем следующее:

1. Все наши ученики должны делать все скорее из любви к добродетели, чем из страха перед наказанием.

3. Пусть ученики во всем, что должны делать, приучаются предвидеть цель, изыскивать средства и выжидать благоприятного случая.

4. Поэтому никогда не следует делать ничего иного, кроме того, что подсказывается хорошей, благовидной целью, при стремлении к которой не придется испытывать стыда, а по достижении ее – раскаянья.

5. Если начинают входить в дело, то должны привыкнуть не оставлять его до тех пор, пока цель не достигнута.

6. Однако к цели следует стремиться не скачками, но постепенно, чтобы дела шли своим чередом, а не поспешно.

7. Пусть приучаются знать только полезное. (Следовательно, пусть везде имеют это в виду и к этому стремятся.)

8. Каждый должен привыкать сосредоточиваться, не быть рассеянным, для того чтобы все делать вполне обдуманно.

9. Нельзя допускать, чтобы кто-либо был безучастным к своему делу. (Если окажется, что кто-нибудь работает вяло, заставляй его работать больше других; и если нет никакого серьезного дела, то пусть он лучше играет, чем бездельничает. Подвижность, желание работать и отсюда выносливость в работе – это громадное сокровище в жизни.)

10. В сне, в еде и в питье ученики наши должны быть воздержанны и избегать всякой неумеренности. (Наш Атеней посвящен музам, а не Вакху, а свет мудрости требует трезвой души.)

11. Послеобеденный сон (как вредный для здоровья и духовных сил) нельзя дозволять ни одному из наших питомцев. Ночь и мрак сама природа назначила для отдыха, свет и день для работы. Итак, послеобеденный отдых – это дурная привычка, – следует отменить, заменив несвоевременный покой гуляньем, разговорами, игрой.

12. Тело, как жилище души, все наши питомцы должны держать не изнеженно, однако же опрятно.

13. Точно так же, как орудие души, тело у всех наших учеников должно развивать для подвижности подвижностью; и закалять его к работе работой.

14. И так как наша школа есть школа мудрости, а не войны, то оружием всех питомцев должны служить книги, но не мечи. (Следовательно, употребление оружия следует воспретить совсем. Когти, рога, хоботы и клыки бесполезны для овец и ягнят.)

15. Наклонность к брани и злословию должна быть настолько удалена, что право на это теряет даже тот, кто попытался бы обратиться к брани по справедливому случаю.

16. Капризы и деревенская грубость не терпимы ни в ком. Все должны приучать себя к вежливости, услужливости в словах и делах. Школе подходит быть городом, а не деревней.

17. Гордое и пренебрежительное отношение к другому

должно всячески искоренять всюду, где бы оно не обнаруживалось.

18. Особую заботу следует прилагать к тому, чтобы не вселилась в кого-либо страсть к присвоению чужого: никто, присваивающий себе чужое добро, не должен оставаться безнаказанным.

19. Ложь – рабский порок, не может быть терпима ни в ком. Пусть все привыкают откровенно говорить правду, даже если бы пришлось сознаться в вине, чтобы никогда не было заметно разлада между сердцем и устами – этого самого презренного порока.

20. Если в ком-нибудь будет замечено в чем-либо отступление от правил, того следует дружелюбно убеждать, а убеждаемый должен дружественно принимать увещание.

21. Если же увещаемый не воспринимает этого по-братски и даже отказывается принять увещание, то его следует привести к учителю, устраняя всякие соображения о личной дружбе или неудовольствии и руководясь единственным желанием бороться со злом, чтобы оно не пустило корней.

Законы хорошего порядка среди всех граждан нашей школы.

7. …Каждый класс также должен иметь вид маленького государства со своим собственным сенатом, состоящим из десятских и их заместителей; председательствует в нем руководитель первого десятка. Чтобы лучше содействовать общей внимательности, учителя выберут себе в помощники из числа своих учеников наиболее способных и зарекомендовавших себя прилежанием столько человек, сколько у них в этом году окажется по десяти учеников. А чтобы все точнее следовало своему течению, следует избрать этих десятских из учеников того же класса, предназначенных к переводу в следующий класс. Ибо, таким образом, пройдя уже весь курс класса и зная в нем все, они в состоянии будут оказывать надлежащую помощь учителю и действовать среди новых учеников класса в качестве помощников учителей.

8. Можно дозволять, хотя и не заставлять, чтобы десятские каждого класса по меньшей мере раз в неделю собирались в своей учебной комнате и обсуждали, не произошло ли где-либо нарушение порядка, и если они что-нибудь заметят, то исправляли бы либо самих себя, либо увещали своих сотоварищей, вышедших за пределы дозволенного, или примиряли бы возникшие среди них мелкие ссоры. Если это им не удастся, то они должны обратиться к учителю.

Законы для учеников.

1. Никто, допущенный в эту школу, не должен иметь другого

намерения, кроме одного, – преуспевать в полезных науках, добрых нравах и истинном благочестии.

2. Следовательно, никто не должен здесь уподобляться тени, но каждый должен быть живым членом в живом теле, относясь ко всему с живым интересом; в противном случае его следует удалить.

4. …Каждый должен искренно любить своего учителя как второго отца, тщательно и с готовностью подчиняться во всем его указаниям; подобное почтение должен он проявлять также и по отношению к учителям других классов…

6. Он должен жить в дружбе со всеми своими сотоварищами и никого не обижать рукой или словом, так, чтобы ссоры и несогласие были далеки от нашей школы…

11. Когда учитель что-либо говорит, показывает, объясняет, то все должны слушать с напряженным вниманием, и если им прикажут подражать этому, то они должны подражать возможно скорее.

12. Затем, если он что-либо спрашивает, то все в одинаковой мере должны напрягать свое внимание, чтобы каждый, от кого он потребует ответа, был готов тотчас дать его.

13. Все должны привыкнуть читать, писать, говорить, даже размышлять и действовать отчетливо, внятно и без всякого замешательства…

17. В уходе за телом все должны соблюдать чистоту.

18. Все должны приучаться к пристойности в движениях.

19. Находясь вне школы, идя по улицам, разговаривая с людьми, все должны помнить правила скромности и добродетели.

Законы для учителей.

1. Учителями должны быть люди честные, деятельные и трудолюбивые; не только для вида, но и на самом деле они должны быть живыми образцами добродетелей, которые они должны привить другим. (Ничто притворное не может быть продолжительным.)

2. Чтобы быть в состоянии бодро выполнять обязанности своей профессии и предохранить себя от скуки и отвращения, они должны, во-первых, остерегаться слишком низко ценить себя и относиться к самим себе с презрением. Кто сам считает постыдным быть учителем и остается им только ради денег, конечно, бежит оттуда, как с жерновой мельницы, лишь только найдет другой род занятий, обеспечивающий большее вознаграждение. Но наши полагают, что они поставлены на высоко почетном месте, что им вручена превосходная должность, выше которой ничего не может быть под солнцем.

3. Ближайшая забота будет состоять в том, чтобы мощно

увлекать учеников благим примером; ибо нет ничего естественнее, как то, чтобы последующие ступали по следам предыдущих и чтобы ученики воспитывались по образцу учителя. Руководство только в виде слов и предписаний обладает силой сообщить делу только весьма слабое движение. Поэтому наши учителя должны остерегаться походить на тех придорожных Меркуриев, которые только показывают простертой рукой, куда нужно идти, а сами не идут…

7. Наконец, так как успехи в благочестии и нравственности идут лучше, когда ум, оснащенный светом познания, умеет сделать лучший выбор среди вещей, а познание вещей почерпается из наук, то пусть учителя помнят, что их питомцы должны быть осведомлены. А потому учителя должны знать, хотеть и уметь сделать умы своих учеников мудрыми, языки – красноречивыми, руки – искусными для письма и других действий, и опять-таки при помощи постоянных примеров, наставлений, практики.

8. Итак, показывай им так, чтобы они что-нибудь видели, объясняй так, чтобы они понимали, заставляй их подражать, чтобы и они также могли выражать то, что ты можешь. И как только у них явится надежда, что они могут это сделать, заставляй их повторять до тех пор, пока они не будут в состоянии делать это правильно и быстро. Итак, пусть хорошие учителя полагают, что (заметь хорошенько) самые маловажные обязанности – диктовать что-либо, гораздо же более важные – наблюдать внимательны ли ученики, частым спрашиванием возбуждать силу ума, чтобы они понимали, и в процессе исправления, когда ученики сбиваются, искусно исправлять.

9. Чтобы быть в состоянии выполнить все это без скуки, необходимо относиться к ученикам по-отечески, с серьезным страстным желанием им успехов, как будто бы учителя являлись родителями духовного развития учащихся. При этом они должны все делать более добродушно, нежели строго, помня слова Горация: «Все голоса за того, кто приятное свяжет с полезным».

Это возраст, который, – не зная еще бремени жизни, – измеряет полезное только сообразно с его приятностью и требует скорее сахара и меда, нежели настоящего кушанья.

10. Хороший учитель не пропускает ни одного удобного случая, чтобы научить чему-либо полезному. Итак, если нашим учителям придет на ум научить чему-либо хорошему, то они никогда не упустят такого случая, будет ли то в школе в присутствии всех, или вне ее частным образом, с кем-либо одним, но в этом последнем случае дело происходит затем следующим образом: то, что ученик усвоил частным образом, он должен

повторить в классе перед всеми с двоякой пользой, во-первых, чтобы все привыкли внимательно воспринимать также и то, что говорится кому-нибудь вне школы, и уметь передавать смысл воспринятого; во-вторых, чтобы то, что говорится кому-либо одному по какому-либо поводу, служило на пользу всем; ибо школьный учитель должен быть одинаково учителем всех…

15. Из числа нравственных добродетелей особенно настойчиво должен он рекомендовать и внедрять путем упражнений способность переносить труды, больше того, стремление к ним; ибо, достигнув этого, они будут иметь великое сокровище для жизни.

16. Каждый учитель должен в особенности иметь перед глазами цель и задачи своего класса, чтобы хорошо зная, чего он должен достигнуть, все направлять сообразно с этим; он добьется похвалы, если всех своих учеников доведет до этой цели, заслужит позор, если допустит, чтобы кто-либо не достиг ее.

Законы относительно школьной дисциплины.

1. Никакое нарушение законов не должно быть терпимо ни в ком, начиная с высших и кончая низшими.

2. Однако для наказаний должны быть известные ступени в соответствии с проступками. Наибольшим обычным у нас наказанием будут розги, наименьшим – разумный выговор. При побоях следует постоянно предохранять голову.

3. Проступки, происходящие от небрежности, а не от упрямства, не следует строго наказывать, но в то же время не нужно давать им и усиливаться вследствие снисходительности. Одно упрямство следует переламывать со всей строгостью и основательно искоренять как корень всего злого.

4. Если кто-либо, вследствие порока рассеянности, невнимательно слушает, смотрит куда-нибудь в другую сторону, читает или пишет посторонние вещи, болтовней мешает быть внимательным себе и другим и вообще провинится в чем-либо подобном, то его нужно призывать к порядку частыми замечаниями до тех пор, пока этот порок не будет излечен…

7. Кто приносит ложные жалобы родителям, опекунам или друзьям на своих сотоварищей, воспитателей и учителей, того следует наказать строго как за то, что он разглашает тайны школы, так и за то, что он говорит ложь и неблагодарен по отношению к своим учителям и своей лживостью нарушает нормальные отношения и смущает настроение добрых людей…

9. Если кто-либо из старших [учеников] распространяет пренебрежение и оскорбление законов и школьной дисциплины, то тот, кому непосредственно подчинен провинившийся, обязан, во-первых, образумить его наедине. Если это не поможет, то он

должен высказать ему порицание перед всем собранием. Если и это бесполезно, то следует донести об этом ректору, который обязан, созвав школьный сенат, обстоятельно разобрать дело и присудить дерзкого к телесному наказанию; если же он опять окажется неисправимым, то его следует изгнать из общества его ученых собратий. Мы не желаем применения более строгих карательных мер, кроме самого жестокого и страшного – удаления или исключения, как удаляют паршивую овцу из стада, чтобы не заразить других.

10. Наконец, пусть поддержание дисциплины всегда происходит строго и убедительно, но не шутливо или яростно, чтобы возбуждать страх и уважение, а не смех и ненависть. Следовательно, при руководстве юношеством должна иметь место кротость без легкомыслия, при взысканиях – порицание без язвительности, при наказаниях – строгость без свирепости.

Законы о соблюдении законов.

1. Так как по опыту известно, что все мы более склонны к злу (особенно в юношеском возрасте) и в течение нескольких часов можем быть до того испорчены праздностью или пороками, что нескоро можем возвратиться к беспорочности духа, то должна быть налицо постоянная и в высшей степени бдительная охрана законов. Иначе было бы безразлично – не иметь никаких законов или не соблюдать их: гораздо хуже, когда разнузданность бешено срывается с цепей, нежели когда она совсем на заключена в оковы [законов].

2. И так как за законы приходится бороться больше, чем за стены, как мудро имели обыкновенно говорить древние (так как можно жить без стен, но никоим образом государство не может существовать без законов), то нужно считать за нечто непреложное, что благополучие школы состоит в добросовестном исполнении законов.

3. Однако опять-таки не без основания Архизилай говорит: «Где много врачей, там много болезней, и где очень много законов, там много и преступлений». Поэтому благосостояние школы следует полагать не столько в увеличении количества законов, сколько, наоборот, в тщательном соблюдении однажды данных. Отсюда следует, что не нужно легко допускать, чтобы к этим нашим законам прибавляли новые, за исключением разве крайней необходимости; лучше твердо соблюдать эти немногие хорошие, общие, однажды данные.

4. И так как Цицерон сказал: «Законы говорят ко всем одним и тем же голосом», – то должно стараться, чтобы законы были одни и те же для всех независимо от личностей. Они не должны являться сетями паука, в которые попадаются маленькие мушки,

тогда как большие насекомые и шершни их разрывают.

5. Терпеть в школьном обществе кого-либо испорченного (потому только, что он богат или знатен, или из посторонних соображений, потому что не хотят огорчить его или его родителей), тем более не хотеть удалить из школы небрежного, нерадивого, предающегося пьянству или в каком-либо отношении непристойного учителя – есть несомненный признак расшатанной дисциплины школы.

Похвала истинному методу

Благороднейший покровитель, знатнейшие, почтеннейшие и славнейшие мужи и вся дружина обучающихся! Мы собрались, … чтобы приступить к исполнению нашего решения: привести в порядок ряды нашего учащегося юношества, поставить ему вождя в воинствовании словесном и завязать перестрелку, т. е. положить почин первоначальному обучению…

Дабы ободрить вас этой надеждой, я и решил предпослать нашему нынешнему заседанию краткое рассуждение о славе и пользе истинного метода.

Чтобы приятнее вам было меня слушать, задумал я, по примеру Верховного учителя, открыть уста свои в притчах и рассказать вам о воспетых древними блужданиях по лабиринту и о выходе из этих блужданий с помощью счастливо затем полученной нити Ариадны. Внимание, благосклонные слушатели! Постараюсь, чтобы слушая, вы не скучали, а выслушав – не пожалели о затраченном времени. Постараюсь доставить вам умственное развлечение, показав, как вымысел складно приходится к делу.

Но сначала я изложу самую легенду, как ее рассказывали древние, а затем уже применю ее и к настоящему нашему учреждению, т. е. к раскрытию вреда, вызываемого беспорядком и пользы, проистекающей от порядка.

Легенду древние излагали так. У Миноса, царя острова Крита, была жена Пасифая, женщина чудовищной похотливости, которая, прелюбодейно сойдясь с быком, родила чудовище – получеловека-полубыка, прозванное Минотавром. Случилось, что прибывший на Крит в качестве гостя гениальный строитель Дедал предложил царю свои услуги по части художественных построек, и царь просил его выстроить Лабиринт, т. е. сооружение с запутанным выходом, с тем чтобы сделать его темницей для чудовищного ублюдка. Дедал и построил здание, до того изобиловавшее [всевозможными] закоулками, залами, каморками, переходами, лестницами вниз и вверх, что кто бы туда ни был посажен или ни забрел своей охотой, был бы обречен на вечное блуждание в нем, не находя выхода. Царь Минос заключил в нем свое чудовище, Минотавра, и повелел вталкивать туда на съедение чудовищу или на голодную смерть приговоренных к смерти злодеев. Случилось так, что сын афинского царя Тезей, заведенный [своей] любознательностью на Крит, был [также] схвачен, и его должны были бросить туда же. Но так как юноша он был прекраснейший, то сжалившаяся над

ним дочь царя Миноса, Ариадна, по совету Дедала, снабдила его средством, как избавиться от вечных блужданий и [конечной] гибели. Средство очень простое, но вполне отвечающее своему назначению. Это был клубок ниток. Привязав конец нити у входа и разматывая его по пути, он мог найти выход, возвратившись тем же путем, каким он шел вперед. Хитрость удалась. Освободившийся Тезей увез с собой Ариадну, устроительницу своего спасения. После смерти отца Тезей сделался царем в Афинах и совершил столь достопамятные подвиги, что среди многих [других] он один считается равным Геркулесу. Среди других его подвигов ему приписывают учреждение палестры, т. е. сведение борьбы к искусству состязаний, которые до тех пор ограничивались одним [грубым] соперничеством в росте и силе, не имевшим ничего общего с искусством.

Вот вам, слушатели, легенда. А какой смысл вкладывала в нее мудрость древних, – мифологи толкуют следующим образом. Лабиринт, говорят они, означает сложность человеческой жизни, до того изобилующей всяческими трудностями, что лишь с помощью исключительной мудрости можно из них выпутаться. А особенно это относится к тем, кто поставлен у кормила правления, к царям и князьям народов: перед ними вечно встают бесконечные трудности, одна тяжелее другой. Вот почему так много говорят о Тезее все писатели. А то, что Тезей не мог выбраться [из лабиринта] без искусства Дедала, значит, что без ума и вдохновения в больших предприятиях никогда не бывает достаточно одной силы и напористости. Так легенду о Тезее и Дедале объясняет и прилагает к человеческой жизни замечательнейший мифолог нашего времени Ноэль.

Однако эту легенду можно гораздо точнее и яснее применить, к делам человеческим, рассматривая ее как живое подобие всех затруднительных положений, которые благополучно разрешаются с помощь божественной премудрости.

Царь всего Крита Минос пусть знаменует царя вселенной – бога. Когда с его женой Пасифаей, т. е. с человеком сотворил блуд адский бык, т. е. Сатана, народилось от этого чудовище Минотавр – это мудрость, состоящая из смешения семени божественного и сатанинского, по своим высшим качествам – привлекательная и небесная, похожая на божественную, а по низшим – земная и безобразная, увлекающая в сторону грубости. Так и мы захотели стать богами, но с печатью диавола: мы подобны богу обладанием способностью к всезнанию, диаволу же равны нарушением повиновения. Чтобы наказать нас, царь вселенной и превратил для нас сад радости в лабиринт. …Таково Соломоново свидетельство о мире, как о великом лабиринте,

заключающем в себе все меньшие лабиринты. И мы блуждаем в этих бесконечных меньших лабиринтах, каждый в своем. Не верите? Не сомневайтесь. Нет ничего достовернее, чем то, что для каждого человека, как это, по крайней мере, обычно бывает, его занятие (для хозяев – их хозяйство, для политических деятелей – политика, для юристов – юриспруденция, для медиков – медицина, для философов – философия, для логиков – логика, для грамматиков – грамматика) представляет лабиринт запутанных ходов, который Вергилий называет безысходным, а Катулл – необозримым. Не находя из него выхода, большинство либо погибает от голода, в никогда не насыщаемом смертельном томлении по истинной мудрости и другим благам, либо становится добычей чудовища, т. е. впадает в чудовищные, еретические, погибельные мнения, будучи яростно раздираемо взаимной ненавистью, распрями и убийством, как это и наблюдается в …жизни всего мира.

Тезей, сын афинского царя, означает тех, кому присуща любовь к истинной мудрости (так как Афиной греки называли Минерву, почитавшуюся ими как богиню мудрости). И эти сыны мудрости, в силу ли врожденной человеческому уму, любознательности, под влиянием ли чужих примеров – примеров людей, сбившихся с прямого пути, – случается, попадают в лабиринт. Но дочь вечного царя, вечная, все созидающая, сохраняющая и исправляющая мудрость, сжалившись над ними, оказывает им свое содействие, чтобы они могли выбраться из этих переплетений; выбраться при помощи средства, самого простого, но вполне отвечающего своей цели и очень удачно представленного в образе нити. В самом деле, что можно представить себе проще нити? Нет в ней ни неразрешимых узлов, ни формы, кроме протяженности в длину, ни каких-либо свойств, кроме гибкости и непрерывности.

В медицине такой нитью Ариадны является воздержание и простой стол, в сочетании с умеренным [физическим] трудом. В первые времена мира это заменяло всякое леченье.

В юриспруденции такой Тезеевой нитью является искание добра и справедливости и суждение о делах, исходящее от любви или, если уже для любви не остается места, то (во всяком случае) суждение, исполненное терпимости, ибо, где царствует правосудие, смягчаемое человеколюбием, – оттуда не могут не бежать пороки, там не может не укрепляться и не возрастать добродетель. Счастливо государство, где во всех живет подобное стремление к добру и справедливости! А без него, чем больше хлопочут юристы, тем больше они усложняют свой лабиринт, утомляют и расстраивают умы бесконечным запутыванием и

распутыванием всевозможных казусов на конечную гибель делу.

Но обратимся, однако, к лабиринтам школьным дабы и здесь, изобрести нить Ариадны способную нас из них вывести. Великим лабиринтом является в школьном деле, во-первых, сама многочисленность подлежащих изучению предметов: и языки, и философия, и математика, и мораль и чего только еще нет. Если взять школьную науку, то это – какой-то густой, непроходимый лес, неисчерпаемый океан. Затем – такое разнообразие подлежащих изучению предметов, что стоит только посмотреть, как закружится голова! Наконец, метод преподавания и обучения настолько запутан, что всякий, желающий пройти через сад науки, наталкивается на тысячи и тысячи поворотов, изгибов, околиц и так заморочит себе голову, что едва отыщет выход к ясному свету мудрости; большинство же неизбежно застревает в пещерах суемудрия и находят в них как бы свою могилу.

Отсюда сразу же и ясно, в какого рода Ариадниной нити нуждаются школы. Они нуждаются в таком, тщательно обдуманном методе занятий, который, будучи простым и легким, давал бы, однако, возможность смело и успешно проникать в пещеры наук. Вместе с тем этот метод должен быть настолько прочен, что, как бы далеко он не простирался, он никогда бы не изменял в странствованиях по наукам. Обладая такого рода методом обучения – прекрасным, гибким, надежным, при содействии многих умов тщательно разработанным и доведенным до такой ясности, что его не без основания можно сравнить с нитью Ариадны, – обладая этим методом, мы не скрываем его от вас, племя афинян и сыны Минервы, т. е. мудрости!

В чем именно заключается способ наиболее легкого усвоения всех предметов скажу кратко. Вы же, возлюбленные Тезеи, глубже испытайте этот способ на собственном опыте, если только проявите склонность следовать нашему руководству и если наш метод не покажется вам слишком уж простым. Знайте, что пройти из конца в конец все изгибы словесного лабиринта и не быть им поглощенным и не погибнуть – вы можете посредством постоянного анализа и синтеза.

В какой бы закоулок вы не попали, анализ ничему не позволит ускользнуть от вашего внимания (что составляет основу любого рода учености). А синтез из ущелий теории снова выведет нас в просторные поля действия. Если же присоединить к ним и светильник сравнения, то где бы вы ни оказались, у вас всегда будет с собой свет. Вам кажется, что я говорю загадками? Эти загадки разгадает и разъяснит само дело. Словом тождество или однородность метода в преподавании ли языков, истории ли, философии ли, богословия ли, других ли всех наук – вот что

является светильником сравнения, который так осветит множество и разнообразие подлежащего изучению, чтобы можно было одним интеллектом постигнуть одновременно многое другое, похожее и непохожее, различное и противоположное. Преодоление одной какой-либо трудности тотчас же обеспечивает преодоление многих других. Но, как я уже сказал, здесь нет надобности входить в более подробные объяснения тайны лучшего метода.

Изложенная в правилах, подлежащая ежедневной иллюстрации на практике, она ни для кого из вас, кто только пожелает, не останется неизвестной.

А теперь мы лишь покажем на примере обучения латинскому языку (чтобы впоследствии сделать это более полно), в чем до сих пор, в самом деле, заключается этот лабиринт в первоначальном обучении, – лабиринт, из которого мальчики, юноши, взрослые, зрелые люди и даже иные старцы, в беспрерывном по нему блуждании в течение всего своего детства, юности или даже всей жизни, едва находили, а иной раз, даже так и не находили выхода. В нашей же школе, будем надеяться, злосчастный лабиринт этот превратится в приятный сад благодаря подразделению всего курса этого обучения на три ступени, на три класса, проходимые в трехлетний промежуток времени. В первом классе путем постоянного параллелизма вещей и слов закладываются основы латинского языка и вообще всей изящной литературы; во втором – постигается строение языка; в третьем – [ко всему этому] прибавляется то, что служит украшением речи. Закончив эти три класса, можно будет вступить и на луга высшего обучения и, установив в них подобным же образом отдельные задачи и соответствующие задачам средства, приятно пройти и эти луга.

До сих пор не было у вас недостатка в Дедалах, искусных строителях лабиринтов, в коих погрязла молодежь, увлеченная своей любознательностью, ни в чудовищах софических блужданиях, в пасти которых погибали юноши. Так неужели вы откажитесь принять предлагаемую вам путеводную нить Ариадны – этот метод, который даст возможность легко их все пройти и благополучно из них выйти.

Правила поведения, собранные для юношества в 1653 году

Научись сперва добрым нравам, а затем мудрости, ибо без первых трудно научиться последней.

(Сенека)

Кто успевает в науках, но отстает в добрых нравах, тот больше отстает, чем успевает.

(Народная поговорка)

О нравах вообще.

1. Основание нравственности есть такое настроение человеческого духа, в силу которого человеку приятно вести себя так, чтобы нравиться …добрым людям.

2. Юноша, где бы ты ни был, помни о том, что ты находишься в присутствии …людей.

3. Поэтому остерегайся делать что-либо такое, что непристойно …в глазах людей.

4. Да будет чист дух твой ради …твоей совести; лицо же твое и поведение, речь и весь внешний вид да будут чисты и честны ради …людей.

5. Но из всего этого не должно нравиться ничто поддельное и подкрашенное; единственным правилом всех твоих действий да будет естественность и подлинно доброе.

О выражении лица, состоянии всего тела и телодвижениях.

Находясь в присутствии кого-либо, достойного уважения, держи себя следующим образом:

1. Стой прямо.

2. Голова должна быть обнажена.

3. Выражение лица должно быть не печальным и мрачным, но, с другой стороны, и не дерзким и то и дело меняющимся, а смягченным выражением непринужденной скромности.

4. Лоб должен быть ровным, а не сложенным в морщины.

5. Глаза не должны блуждать, смотреть искоса, щуриться или дерзко перебегать туда и сюда; с другой стороны они не должны быть неподвижно устремлены в одну точку, но смотреть все время скромно и должны быть направлены на того, с кем говоришь.

6. Нос должен быть чист и высморкан.

7. Губы – не надуты, но в их естественном положении.

8. Рот – не раскрыт и разинут, и не искривлен, также и не стиснут, но закрыт слегка смыкающимися губами.

9. Не следует кусать губ, еще того менее высовывать и показывать язык.

10. Шея должна быть выпрямлена, а не склонена на один бок.

11. Плечи должны быть приподняты равномерно, а не так, чтобы одно было ниже другого.

12. Руки не должны находиться в движении, т. е. нельзя ими чесать голову, ковырять в ушах или в носу, теребить волосы или производить другие неподходящие движения.

13. Если стоишь, то стой прямо, опираясь на обе ноги, а не на одну из них, как аист, и не растопырив их, но слегка соединив.

14. Если сидишь, сиди скромно, не прислоняясь спиной к стене, не облокачиваясь локтем на стол, не нагибаясь в какую-нибудь сторону, не двигая ногами.

Поведение при естественных побуждениях.

1. Что делаешь, делай благопристойно.

2. Если смеешься, так пусть это будет именно смех, и притом умеренный, а не громкий хохот. (Смеяться в ответ на все, что говорят и делают, есть свойство глупых (легкомысленных) людей, ни от чего не смеяться – простоватых. Держись и здесь золотой середины.)

6. Нападет на тебя зевота, чиханье или кашель, отвернись или держи руку перед ртом и делай это по возможности бесшумно.

8. Громко дышать и храпеть свойственно скорее медведям, чем людям.

О прическе и одежде.

1. Давать отрастать волосам на голове до того, что они покроют лоб или спустятся на плечи, апостол запрещает.

2. Какие бы у тебя, однако, ни были волосы, пусть они всегда будут причесаны и чисты.

3. Шляпа, платье, обувь и пояс должны быть чисты, не запачканы грязью и пылью или еще чем-либо худшим.

4. Выходить полуодетым, точно так же как и носить сюртук или плащ, накинув лишь на одно плечо, более прилично для паяца, чем для занимающегося науками.

О выходе.

1. Никогда не выходи в общество иначе, как вымывшись, причесавшись и прилично одевшись.

2. На улице и в других местах, где могут увидать тебя люди, веди себя благопристойно, так чтобы никто не мог упрекнуть тебя

в чем-либо предосудительном.

3. Походка твоя пусть будет хорошо соразмерена: не слишком медленна, потому что это обнаруживает леность, но не слишком быстра и поспешна, так как это указывает на легкомыслие.

4. Идучи, передвигай ноги равномерно; не подскакивай, не размахивай руками, не переваливайся, не смотри в землю, но и не забрасывай головы назад и пр.

При разговоре.

1. Речь пусть будет предназначена для того, чтобы учить или учиться, иначе лучше молчать.

2. Если нужно говорить, то сознание должно предшествовать языку, а не наоборот, чтобы не запинаться или не брать назад свои слова, если скажешь что-либо неподходящее.

4. Голос у говорящего должен быть мягким и спокойным, не крикливым, раздражающим слух, но и не бормочущим про себя, едва доходящим до слуха.

5. Если говоришь, то говори языком, а не головой или рукой, или всем телом, т. е. не качанием тела и жестами.

6. Если спрашиваешь или отвечаешь на вопрос, делай это ясно, коротко, просто.

7. Прерывать говорящего, прежде, чем он окончит свою речь, в высшей степени некультурно.

8. Если в разговоре нужно сказать о чем-либо неприличном, то предпошли предварительно извинение или передай описательно, так чтобы вещь не совсем приличная достигла слуха и чувства не иначе, как в пристойном выражении.

Правила поведения утром.

1. Кто посвятил себя наукам, тот не будет сонливым; после семи часов сна он поспешит к работе.

3. Встав с постели, причеши волосы, вымой лицо и руки чистой водой, выполощи рот и прилично оденься.

4. Каждому встречному желай счастливого дня.

5. Покончив с приветствиями, возьмись за свои книги и обдумай, что тебе нужно сделать в этот день.

6. Сообразив, что тебе нужно делать, принимайся за серьезное исполнение этого и, чтобы все шло в порядке, распредели все разумно.

Поведение в школе.

1. Спеши в школу, как на игру (она и есть такова); не пропускай ее никогда.

2. Захватывай с собой школьное оружие, которое тебе необходимо в данный день и в данный час. (Стыдно занимать у другого ученика книги, бумагу, перья и чернила.)

3. Занимай тотчас свое место, а не чье-либо чужое.

4. Не обременяй других болтовней и шумом до прихода учителя; веди себя скромно во всем.

7. Стыдись иметь ученого учителя и ученые книги, а самому оставаться неученым.

8. Для поддержки памяти служат дневники; отмечай себе в них, что тебе нужно выучить из того, что тебе еще не известно. Итак, не иметь дневника или вести его небрежно служит ясным признаком беспечного ученика и заслуживает порицания.

9. Считай несчастным тот день или тот час, в который ты не усвоил ничего нового и ничего не прибавил к своему образованию.

10. Отпущенный из школы, безотлагательно иди домой; не бегай по улицам; не останавливайся; не делай ничего неприличного.

11. Если тебе в доме нужно оказать услугу родителям, то оказывай немедленно; если тебя пошлют куда-нибудь, исполни поручение точно и быстро возвратись домой, чтобы было ясно, что занятие наукой полезно во всем.

12. Время, которое остается у тебя от оказания услуг, посвящай повторению выученного. (Нет ничего более драгоценного в жизни, чем время; кто теряет время, тот теряет жизнь.)

По отношению к учителю.

1. Люби учителя, как отца, и нигде не оставайся с большим удовольствием, чем под его наблюдением.

2. Оказывай учителю всякое почтение и послушание на словах и на деле.

3. Смотри на учителя как на живой пример (в смысле образования, нравственности) и старайся подражать ему во всем.

4. Когда учитель говорит, внимательно слушай; когда он что-нибудь подсказывает словами или рукой, подражай этому; когда он обращает внимание на ошибку, исправляй ее.

5. Остерегайся как-либо оскорбить или огорчить учителя.

7. Если все-таки навлечешь на себя наказание за допущенный проступок, то не ропщи; если тебя похвалят за добродетель, радуйся и старайся заслужить похвалу еще больше.

По отношению к товарищам.

1. Считай всех товарищей по ученью за друзей и братьев.

2. Живи со всеми дружно.

3. Не вступай в борьбу ни из-за чего, за исключением наук, но и в этом случае не затевай споров и враждебных выходок, но состязуйся прилежанием.

4. Больше люби более ученых и более скромных товарищей и охотнее дружи с ними.

5. Кого хочешь превзойти в похвале за прилежание, того чаще вызывай на состязание.

6. Прилагай наибольшее старание к тому, чтобы не поддаться вызванному тобой на состязание, но одолеть его.

7. Будучи побежденным, не гневайся на победителя, но пусть это послужит тебе побуждением для победы над ним на будущее время.

8. На таких условиях прекрасно будет победить или быть побежденным; как то, так и другое будет служить точильным камнем доблести и прилежания.

9. Кто сам не хочет решиться на подобного рода состязание в отличии, того пусть осмеивают и презирают, как ленивое животное.

В обращении со всеми.

1. Води знакомство только с теми, кто тебя может сделать ученее или лучше, или ты его.

2. Как яда, избегай легкомысленных товариществ; дурные разговоры портят хорошие нравы.

3. Однако ввиду того, что жить придется в шуме света, следи за собой, чтобы не давать примера чего-либо неприличного и самому не воспринимать такового. Относительно обращения с людьми позаимствуй несколько советов у мудрых.

4. Люби всех добрых, не раздражай ни одного злого.

5. Не бросай своего, не уничтожай и не презирай чужого.

6. Состязайся с добрым в исполнении своих обязанностей, не вступай ни с кем в ссору и брань.

7. Со всеми будь обходителен (ласков), ни с кем не поступай по капризу.

8. Если возможно, лучше оказывать благодеяния, чем принимать их.

9 Не гонись за похвалой, но изо всех сил старайся действовать похвально.

10. При встрече с кем-нибудь приветствуй его; перед уважаемыми лицами даже обнажай голову, уступай им место и свидетельствуй им свое почтение поклоном.

11. Отвечай на приветствия других.

12. Остановиться с кем-либо, уставить глаза на незнакомого считается неприличным; ни на кого не обращать внимания – глупым.

13. Приучайся выдерживать взгляд людей почтенных: излишняя застенчивость свойственна деревенщине.

15. Не клянись; речь твоя да будет «да» и «нет».

16. Не отпирайся, если сделаешь ошибку, но сознайся в ней и попроси прощения.

За столом.

1. За столом веди себя …благонравно.

5. Если тебе, младшему, придется сидеть за столом со старшими, то будь предусмотрителен, чтобы не сделать чего-нибудь такого, что противоречит добрым нравам.

6. Признаком деревенщины является:

● Садиться без приглашения.
● Занимать более видное место.
● Класть на стол локти.
● Или, наоборот, держать руки под столом.
● Ломать хлеб и другие кушанья руками или обгладывать зубами.
● Перехватывать у других лучший кусок.
● Подносить ко рту слишком большое количество пищи.
● Нагружать ложку до краев, как воз.
● Пачкать пальцы.
● Обгладывать зубами кости.
● Подставлять другим объедки.
● Вынимать кусок изо рта и снова класть его на тарелку.
● Во время еды чесать в голове, болтать, смеяться и т. п.
● Одновременно жевать и разговаривать.
● Пить, имея во рту еду.
● Пить с переполненным ртом или с причмокиванием.
● Ковырять в зубах ногтями или ножом.

6. Юноша должен есть для подкрепления сил, а не из прожорливости.

7. Пить нужно, вытерев рот, и умеренно, не более двух, много трех умеренных глотков.

8 Ребенок за столом не должен говорить ни слова, если его не спросят.

После обеда.

1. Вымой руки, выполощи рот и вычисти зубы, чтобы выглядеть опрятным.

2. Не берись за книги, чтобы не возбуждать ум к высшей деятельности в то время, когда происходит пищеварение.

3. Но избегай также послеобеденного сна, язвы духа; доставляй себе отдых прогулкой, пристойными разговорами или игрой, пока не окончится пищеварение.

Во время игры и отдыха.

1. Во время, назначенное для отдыха от работ, освежай себя игрой, которая доставляет телу силу, а духу – оживление; таковы: игра в обручи, в шары, в кегли, в мяч, беганье, прыганье. Но все это должно быть в меру, в присутствии или с разрешения учителя.

2. Запретные игры суть: кости, карты, борьба, кулачный бой, плаванье и другие бесполезные и опасные игры.

3. Украшение игры: подвижность тела, жизнерадостность духа, порядок, игра с толком и по правилам и победа доблестью, а не хитростью.

4. Пороки в игре: леность, вялость, недоброжелательство, заносчивость, крик и коварство.

7. С началом учебных часов следует от развлечения возвращаться к учению.

Правила поведения вечером.

1. По окончании ужина не начинай ничего нового, а иди на прогулку и припоминай свои дневные занятия.

3. Придя в спальную комнату, припомни (или стоя перед постелью, или на коленях) наедине с собой, как ты провел день.

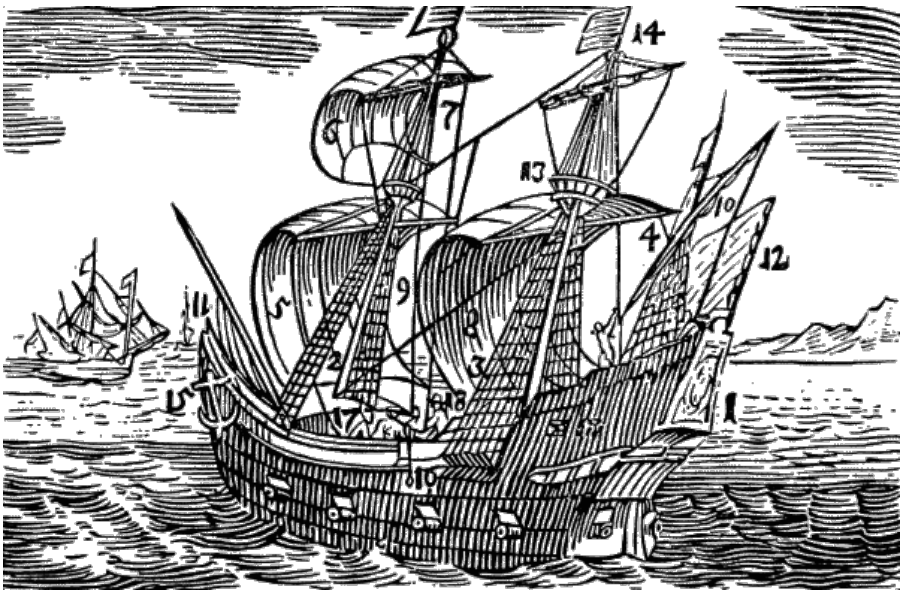
7. В постели, в интересах здоровья, не ложась ни на лицо, ни на спину, но ложись на правый бок, а в середине ночи – на левый.

8. Если в комнате спит несколько человек, то, обменявшись друг с другом взаимными пожеланиями доброй ночи, нужно избегать всякого развлечения (разговора и шума); здесь должно быть полное спокойствие.

9. Пока заснешь, повторяй избранное изречение, усвоенное тобой в этот день, чтобы заснуть с хорошими мыслями и с ними же и проснуться.

Так поступай и будешь жить.

Часть IV
Мир чувственных вещей в картинках или Изображение и наименование всех главнейших предметов в мире и действий в жизни



От составителя

В Сарос-Патаке Я.А. Коменский пишет одно из своих поздних педагогических произведений «Мир чувственных вещей в картинках».

Создавая свою книгу, великий педагог преследовал цели обучения латинскому языку. До конца XVIII в. латинский язык считался языком науки, на нем были написаны наиболее значимые трактаты по философии и естествознанию, он выступал средством общения ученых разных стран. По этой причине латинскому языку уделялось пристальное внимание, он являлся обязательным учебным предметом в различных школах, гимназиях и университетах Европы.

Книга Я.А. Коменского была впервые издана в 1658 г. и как учебник для изучения латинского языка получила чрезвычайно быстрое распространение. Она была по достоинству оценена мыслителями многих стран. Философ Лейбниц рекомендовал ее как основу для элементарного преподавания языка, поэт и естествоиспытатель Гете писал, что в руки ему не попадалась «ни одна книга подобного рода», не раз обращался к этой книге К.Д. Ушинский.

Однако при создании «Мира чувственных вещей в картинках» ее автор ставил вопрос не только об эффективном обучении латинскому языку, но и о первоначальном обучении детей родному языку в школе и семье.

В основу изучения языков Я.А. Коменский положил познание окружающего мира. Здесь воплотились многие идеи, которые он вынашивал всю свою жизнь – о первоначальном познании мира на основе чувственных образов, о расширении при этом запаса слов, об использовании наглядности как «золотого правила обучения» при активизации механизмов внимания, восприятия, мышления.

В учебнике представлено 150 картин, в совокупности они составляют энциклопедию «видимого мира», представляя собой отражение его «Пансофии». В нем содержатся сведения по естествознанию, астрономии, географии, истории, экономике, политике и др.

Как верно было в дальнейшем замечено, учебник Я.А. Коменского помогал не только преподносить знания, но и возбуждать острый интерес к знаниям. С помощью картинок Я.А. Коменский сделал доступным пониманию ребенком того, что само по себе является для ребенка трудным.

В этот сборник вошло около 30 картинок, многие из которых

представляют для сегодняшнего читателя, помимо прочего, исторический интерес.

Мир

Небо (1) содержит в себе огонь, звезды.

Облака (2) висят в воздухе.

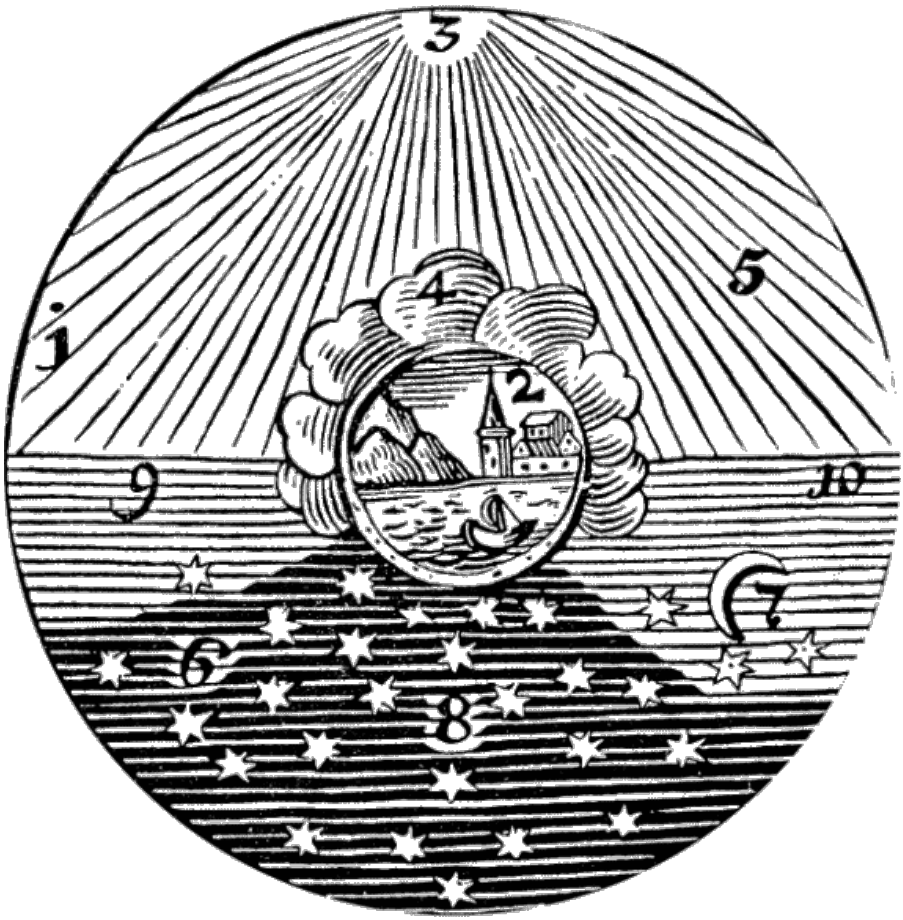
Птицы (3) летают под облаками.

Рыбы (4) плавают в воде.

Земля имеет горы (5), леса (6), поля (7), животных (8), людей (9).

Так полны своих обитателей четыре стихии, величайшие тела мира.

Небо



Небо (1) вращается и ходит вокруг земли (2), находящейся в середине.

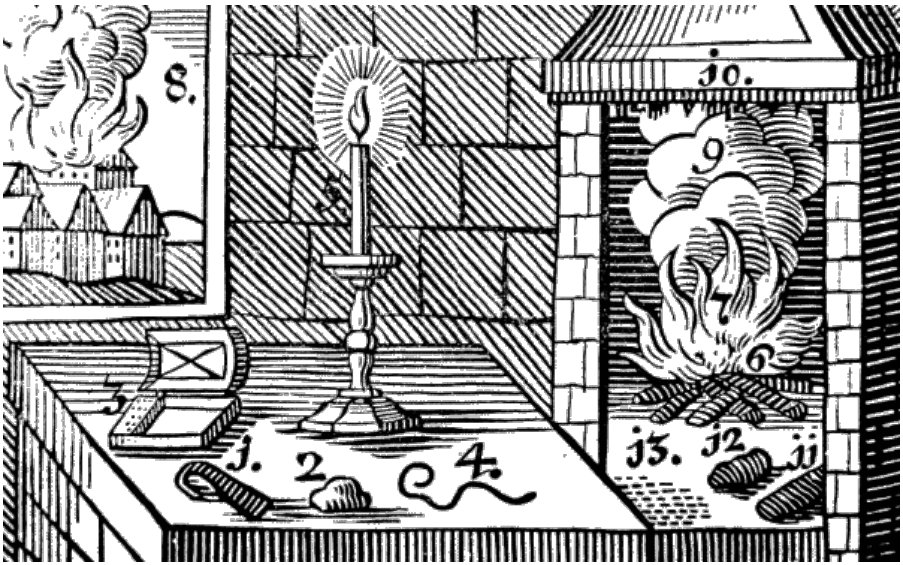
Солнце (3), где бы оно ни было, сияет вечно: хотя тучи (4) скрывают его от нас, оно производит своими лучами (5) свет; свет [создает день]. Противоположен ему мрак (6), откуда – ночь.

Ночью сияет луна (7), и звезды (8) мерцают, искрятся.

Вечером (9) бывают сумерки.

Утром – заря (10) и рассвет.

Огонь



Огонь жжет, сжигает.

Искра его, выбитая при помощи стали (1) из кремня (2) и попавшая на трут в зажигательном приборе (3), сжигает спичку (4), а от нее – свечу (5) или дрова (6) и возбуждает пламя (7) или пожар (8), который охватывает строения.

Оттуда поднимается дым (9), который, оседая в трубе (10), превращается в сажу.

Из горящего полена образуется головня (11) (погасшее полено). Из раскаленной части полена образуется уголь (12).

Наконец, то, что остается, есть пепел (13) и зола (тлеющий пепел).

Воздух

Ветерок (1) веет спокойно.

Ветер (2) дует сильно.

Буря (3) валит деревья.

Вихрь (4) совершает круговые движения.

Подземный ветер (5) производит землетрясение, землетрясение производит обвал (разрушения).

Вода

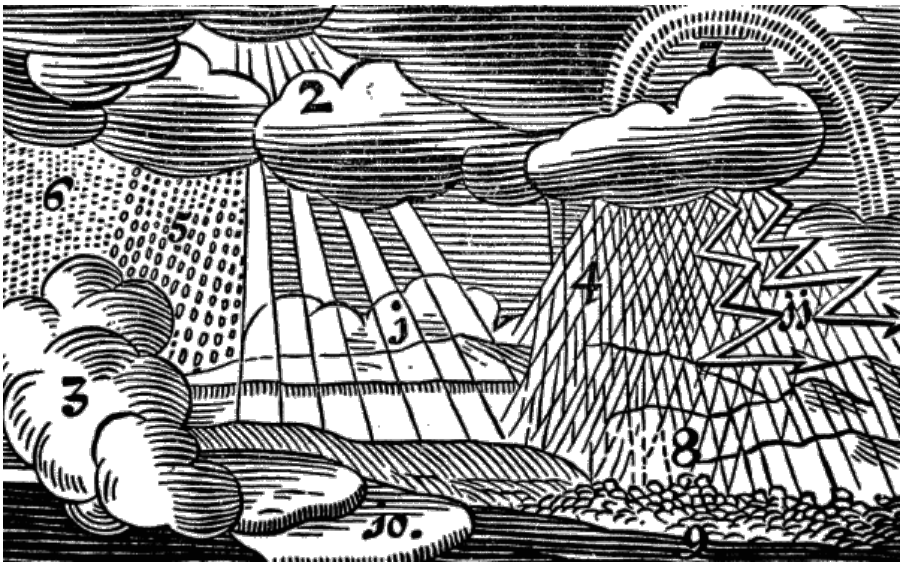
Вода бьет из ключа (1);

быстро стекает в потоке (2);

медленно течет в ручье (3); стоит в пруду (4); течет в реке (5); кружится в водовороте (6); образует болота (7).

Река имеет берега (речные – 8). Море образует берега морские (9), заливы (10), мысы (11), острова (12), полуострова (13), перешейки (14), проливы (15) и имеет утесы (16).

Облака



Из воды поднимается пар (1). Из него образуется облако (2) и около земли туман (3). Из тучи в виде капель льется дождь (4) и ливень. Замерзший дождь превращается в град (5); полузамерзший – в снег (6); нагретый – в ржавчину.

В дождевом облаке, стоящим против солнца, появляется радуга (7). Капля, упавшая на воду, образует пузырь (8); много пузырей образуют пену (9).

Замерзшая вода превращается в лед (10). Замерзшая роса называется инеем.

Из сернистых испарений *(в эпоху Коменского еще не было известно объяснение грома и молнии явлениями электричества – Ред.)* происходит гром, который, вырываясь из тучи со сверканием (11), грохочет и посылает молнию.

Земля

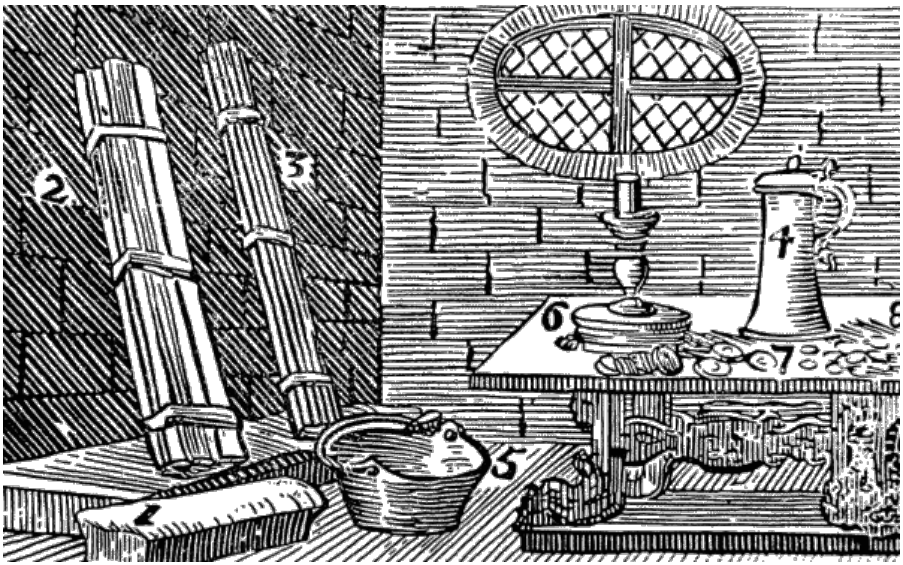
На земле находятся высокие горы (1), глубокие долины (2), возвышенные холмы (3), пустые пещеры (4), ровные поля (5), тенистые леса (6).

Произведения земли

Луг (1) производит зеленый покров с цветами и травами. Будучи скошены, они становятся сеном (2). Вспаханная земля (3) приносит злаки и овощи (4). В лесах вырастают грибы (5), земляника (6), черника и другие ягоды.

Под землей образуются металлы, камни, минералы.

Металлы



Свинец (1) мягок и тяжел.

Железо (2) твердо, и еще тверже сталь (3).

Из олова делают чаши (кружки) (4); из меди – котлы (5); из латуни – подсвечники (6); из – серебра – талеры (7); из золота – червонцы (дукаты) и золотые гульдены (8). Живое серебро (ртуть) всегда жидко и разъедает металлы.

Камни

Песок (1) и гравий (2) есть измельченный камень. Камень (3) есть часть скалы (4). Точильный камень (5), кремень (6), мрамор (7) и др. – непрозрачные камни. Магнит (8) притягивает железо.

Драгоценные камни (9) суть прозрачные камешки, как, например: белый алмаз, красный рубин, синий сапфир, желтый гиацинт (яхонт) и др. Они сверкают, если отшлифованы многогранными. Жемчужины и (крупные) перлы растут в раковинах. Кораллы (11) – на морских деревцах. Янтарь (12) собирают в море. Стекло (13) похоже на кристалл.

Одушевленные и прежде всего Птицы

Одушевленное существо живет, чувствует, двигается; рождается и умирает; питается и растет; стоит или сидит, или лежит, или ходит.

Птица покрыта перьями (2), летает на крылах (3), имеет два крыла (4), и столько же ног (5), хвост (6) и клюв (7).

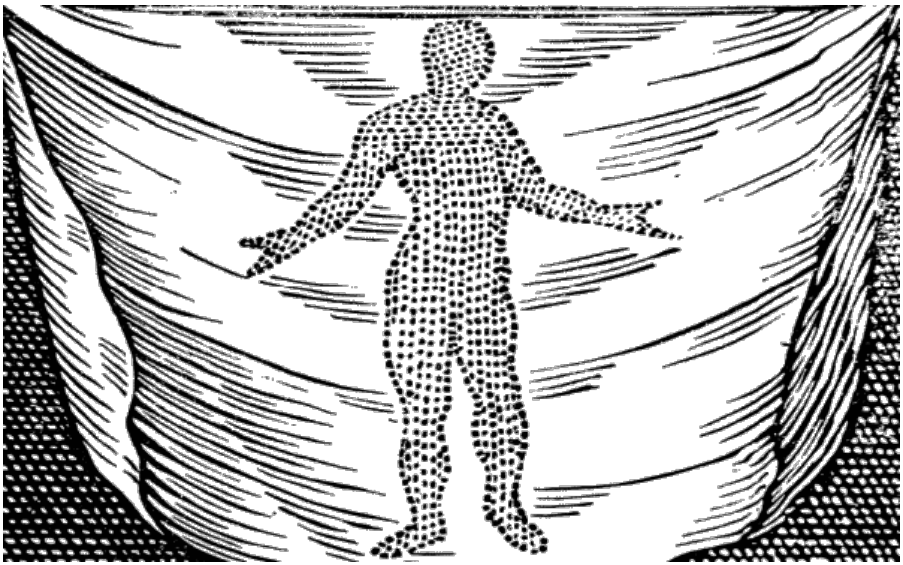
Самка (8) в гнезде (9) кладет яйца (10) и, сидя на них, выводит птенцов (11). Яйцо покрыто скорлупой (12), в которой находится белок (14), а в нем – желток (13).

Семь возрастов человека

Человек бывает сначала младенцем (1), затем мальчиком (2), потом отроком (3), затем юношей (4), после этого мужем (5), затем стариком (6) и, наконец, дряхлым стариком (7).

Так и другого пола – бывает младенец-девочка (8), девочка (9), девушка (10), женщина (11), пожилая женщина (12), старуха (дряхлая) (13).

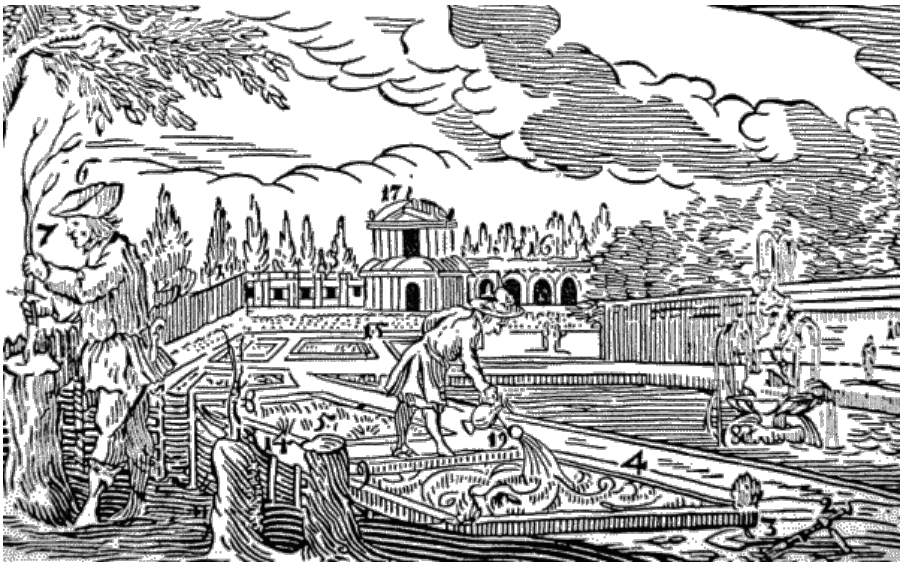
Душа человека



Душа есть жизнь тела, единая во всем теле: она только растительная в растениях; вместе с этим она – чувствующая в животных; кроме сего, – разумная в человеке.

Последняя проявляется в трех способностях: в уме (мышлении), которым она познает и понимает добро и зло, или действительное, или кажущееся; в воле, которою она избирает и желает, или отбрасывает и отвращается от познанного; в духе, которым она стремится достигнуть избранного добра или избегает отвергнутого зла. Отсюда – надежда и страх в желании и отвращении. Отсюда – любовь и радость в наслаждении; но – гнев и скорбь в страдании. Истинное познание вещей есть знание (наука), ложное – заблуждение, мнение, подозрение (предположение).

Садоводство



Перейдем к пище человека и к механическим искусствам, которые ее добывают.

Первой и древнейшей пищей были плоды земные. Отсюда и первым трудом Адама было садоводство.

Огородник (1) в огороде копает землю заступом (2) или киркой (3) и делает гряды (4) и рассадники (5), в которые сажает семена и растения.

Садовник в фруктовом саду сажает деревья (7) и прививает черенки (8) к стволам других деревьев (9).

Сад ограждает труд человека (плотной) стеной (10), сложенной из камней (11), забором из кольев (12), досками (13), плетнем (14), сплетенным из кольев и хвороста; или же его ограждает природа кустарником и терновником (15).

Украшают сад дорожками (16) и беседками (17). Орошают фонтанами (18) и лейками (19).

Хлебопечение

Пекарь просеивает муку через мучное сито (2) и насыпает ее в квашню (3); затем он подливает воды, делает тесто (4) и месит его деревянной скалкой (5); после этого делает хлебы (6), лепешки (7), сайки (8), крендели (9) и проч.

Потом кладет их на лопату (10) и сажает в печь (11) через печное отверстие (12); но раньше он выгребает кочергой (13) огонь и угли, которые он помещает под печью (14).

И так выпекается хлеб, у которого снаружи корка (11), а внутри – мякиш.

Как производится мед

Пчелы образуют рой (1) и дают ему вождя (царя) (2). Когда этот рой собирается улететь, его отзывают назад звоном медного таза (3) и помещают в новом улье (4). Пчелы строят шестигранные ячейки (5), наполняют их медвяным соком цветов и делают соты (6), из которых течет мед (7). Ячейки, растопленные на огне, превращаются в воск (8).

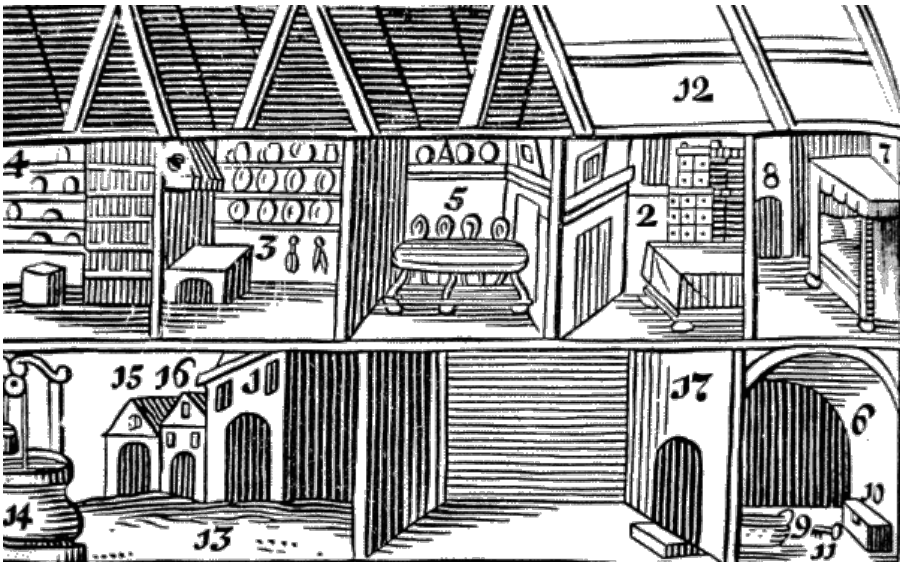
Обработка льна

Лен и коноплю, вымоченные в воде и снова высушенные (1), теребят деревянным трепалом (2) (при этом отпадает шелуха 3), затем чешут железной чесалкой (4), чтобы отделить паклю (5).

Чистый лен привязывается к прялке (6) пряхой (7), которая левой рукой тянет нитку (8), а правой (12) крутит колесо (9) или веретено (10), на котором находится вертлужок (11).

Нитки принимает катушка (13), откуда они переводятся на мотовило (14); здесь наматываются или клубки (15), или связки (мотки) (16).

Части дома



Дом разделяется на комнаты, каковы: приемная (зал 1), комната с печью (камином 2), кухня (3), кладовая (4), столовая (5), погребок (6), спальня (7) с пристроенным к ней тайником (8).

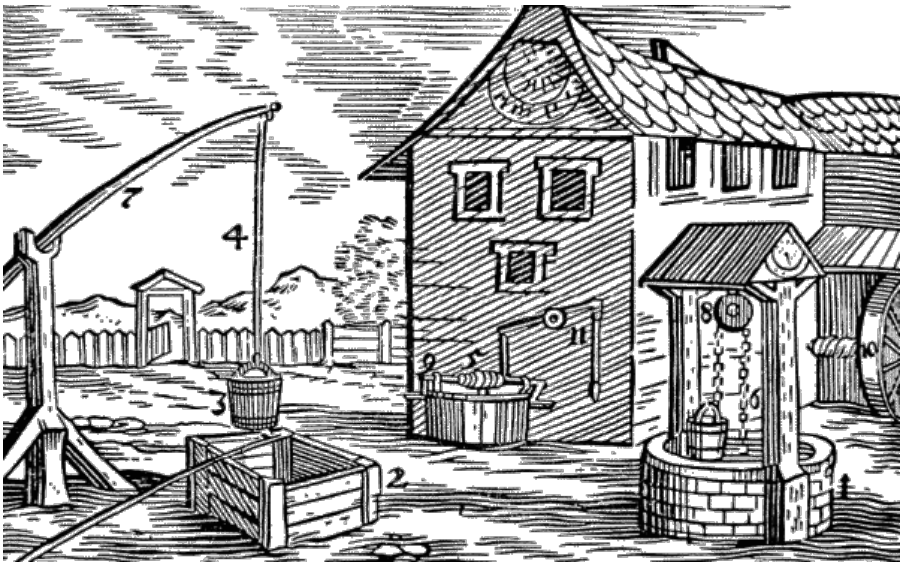
Корзины (9) служат для переноски вещей; сундуки (10), которые запираются ключом (11) – для сохранения их.

Под крышей находится чердак (12), на дворе (13) – колодец (14).

Конюшня (15) рядом с баней (16).

Под домом находится подвал (17).

Колодцы



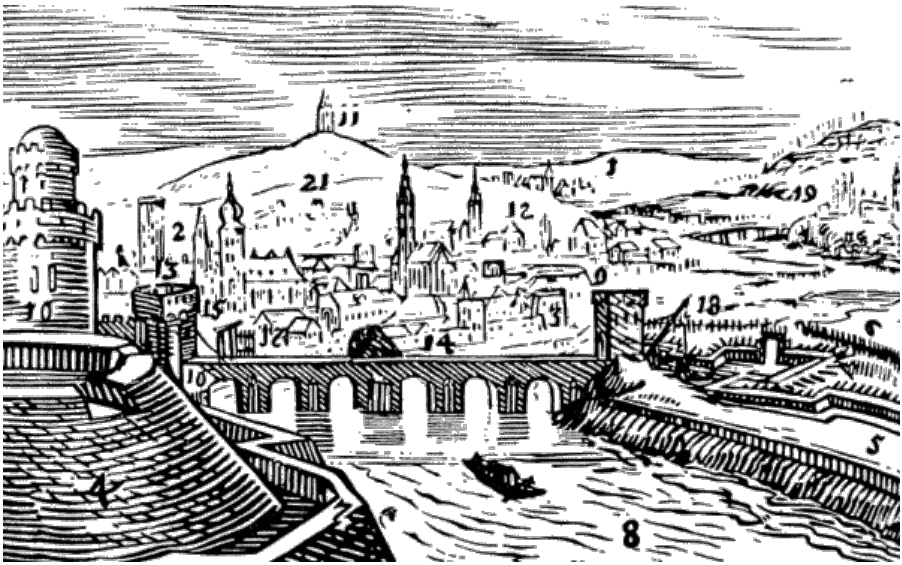
Когда не хватает источников, выкапывают колодцы (1) и окружают их срубом (2), чтобы в них кто-нибудь не упал. Отсюда черпают воду ведрами (3), которые висят или на шесте (4), или на веревке (5), или на цепи (6). Делают это при помощи или журавля (7), или блока (8), или ворота (цилиндра 9) с ручкой, или колеса (10), или, наконец, насоса (помпы 11).

Гончар

Гончар (1), сидя над гончарным кругом (2), выделывает из глины (3) горшки (4), кувшины (5), сосуды на трех ножках (6), блюда (7), глиняные вазы (8), печные кафли (9), покрышки (10).

Затем он обжигает их в печи (11) и обмазывает глазурью. От разбитого горшка остаются черепки (12).

Город



Из многих домов образуется селение (1) или городок, или город (2). И тот, и другой укрепляются и окружаются стенами (3), валом (4), насыпью (5) и частоколом (6).

За стенами внутри находится свободная от построек полоса (7); снаружи – ров (8).

На стенах находятся бастионы (9) и башни (10).

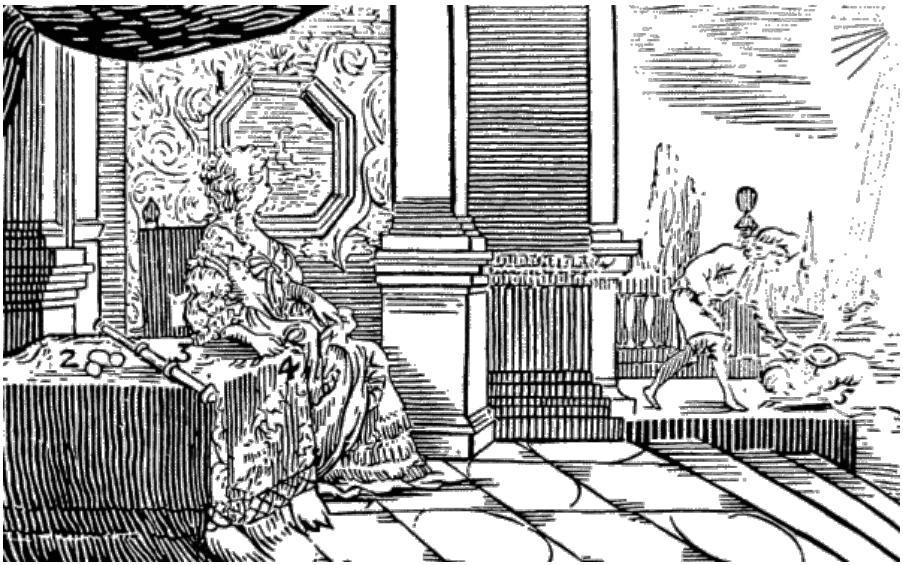
На более высоких местах находятся наблюдательные вышки (11).

В город входят из пригорода (12) через ворота (13) по мосту (14).

Ворота снабжены подъемной решеткой (15) и подъемным мостом (16). Они имеют створки (17), запоры и засовы, а также шлагбаумы (18).

В пригородах находятся сады, огороды (19), пригородные дачи (20), а также кладбища (21).

Зеркала и оптические стекла



Зеркала (1) изготовляются для того, чтобы люди видели в них самих себя; очки (2) – для того, чтобы человек со слабым зрением видел яснее. Через телескоп (3) отдаленные предметы видны, как ближайшие. В микроскопе (4) блоха кажется величиной с поросенка. Лучи солнца зажигают дерево через зажигательное стекло (5).

Бумага

Древние пользовались буковыми дощечками (1), или листьями (2), а также корой (3) деревьев, в особенности египетского деревца, которое называлось папирус.

Теперь употребляется бумага, которую изготовляет бумажник на бумажной мельнице (4) из старых тряпок (5), которые растираются в кашицу (6). Последнюю он разливает в формы (7), растягивает в листы (8) и выставляет на воздух для просушки.

Двадцать пять листов образуют десть (9), двадцать дестей – стопу (10), десять стоп – кипу (11).

То, что предназначено для продолжительного существования, пишут на пергаменте (12).

Искусства речи

Грамматика (1) занимается буквами (2), из которых она составляет слова (3) и учит правильно их произносить, писать (4), образовывать и отделять друг от друга.

Риторика (5) украшает (6) как бы первую форму (7) речи ораторскими красками (8), каковы: фигуры, украшения, поговорки (пословицы), изречения, афоризмы, сравнения, символы и проч.

Поэзия (9) собирает эти цветы красноречия (10) и сплетает их как бы в венец (11). Таким образом, создавая из прозы плавную (связную) речь, она складывает разные стихи и гимны (оды) и потому увенчивается лавровым венком (12).

Музыка (13) создает из нот мелодии (14), к которым прилаживает слова, и тогда исполняет их или одним голосом, или многими, или на музыкальных инструментах (15).

Этика

Наша жизнь есть дорога или распутье, подобно пифагоровой букве Y. Ее левая тропа широка (1), правая – узка (2). Первая есть дорога порока (3), вторая – тропа добродетели (4).

Берегись, юноша (5)! И бери пример с Геркулеса: оставь левую тропу, отвернись от порока: красив вход (6) к нему, но позорен и гибелен выход (7). Вступи на правую, хотя она и терниста (8).

Нет непроходимой дороги к добродетели. Следуй туда, куда ведет добродетель, через терпенье к возвышенью, к замку чести (9).

Держись среднего и прямого пути, – здесь для тебя наиболее безопасная дорога. Берегись свернуть с правой тропы (10). Страсти, этого необузданного коня (11), укрощай уздой (12), чтобы не полететь в пропасть.

Берегись уклониться на левую тропу (13), словно ленивый осел (14), но иди вперед твердо, прямо к цели, и ты получишь награду (будешь увенчан) (15).

Человечность

Люди созданы для взаимной пользы, поэтому они должны быть человечны друг к другу.

Будь приятен и ласков лицом (1), вежлив и учтив в манерах и в поведении (2), приветлив и правдив в своей речи (3), горяч и чист сердцем (4).

Люби, тогда и тебя будут любить. Отсюда возникает взаимное дружелюбие (5), какое бывает между голубями (6), единодушное, кроткое и с обеих сторон благожелательное.

Угрюмые люди всем неприятны, мрачны, грубы, сварливы, гневливы (7), жестоки (8) и неукротимы (более похожи на волков и львов, чем на людей), враждебны друг к другу, а потому и вступают в поединки (столкновения) друг с другом (9). Зависть (10), желая другим зла, сама себя съедает.

Умеренность

Умеренность (1) предписывает соблюдать меру в пище и питье (2) и сдерживать жадность, словно уздой (3); и так она умеряет все, дабы не было ничего чрезмерного. Гуляки напиваются (4), шатаются (5) и дерутся (7). От пьянства происходит похотливость, от последней распутная жизнь между развратными мужчинами (8) и женщинами (9)

Трудолюбие

Трудолюбие (1) любит работу, избегает лени, всегда занято, как муравей (2), и собирает себе, как и он, запасы всего (3). Оно не спит постоянно и не празднует вечно, как лентяй (4) или кузнечик (5), которых в конце концов гнетет нужда (6). Начатую работу оно бодро исполняет до конца, ничего не откладывает на завтра и не распевает песенки ворона (7), который повторяет cras, cras (завтра, завтра).

После законченных трудов оно, утомленное, отдыхает. Но, обновивши силы отдыхом, оно возвращается к занятиям, чтобы не привыкнуть к покою.

Прилежный ученик подобен пчелам (8), которые с разных цветов (9) собирают мед в свой улей (10).

Мужество

Мужество (1) бесстрашно в несчастьях, как лев (2), и уверено в себе, но и незаносчиво в счастье. Оно опирается на свою опору (3) – постоянство. Оно неизменно во всех обстоятельствах и готово спокойно переносить и удачи, и неудачи. На щит (4) выдержки оно принимает удары несчастья и мечом (5) добродетели отражает врагов душевного спокойствия, т. е. страсти.

Справедливость

Справедливость (1) рисуют сидящей на квадратном камне (2), ибо она должна быть неподвижна, с завязанными глазами (3), дабы не считаться с лицами. Она закрывает левое ухо (4), чтобы сохранить его для другой (спорящей) стороны. В правой руке она держит меч (5) и узду (6) для наказания и обуздания злых людей. Кроме того, она держит весы (7), на правую чашку (8) которых положены заслуги, а на левую (9) – награды, уравновешивающие друг друга взаимно. Этим хорошие люди подстрекаются, словно шпорами (10), к добродетели. В принятых на себя обязательствах (11) нужно быть честным; договоры и обещания нужно крепко поддерживать, отданное на хранение или взаймы нужно возвращать; ни у кого нельзя похищать (имущество) (12) и (никому) нельзя причинять обиды (13); каждому отдавать должное, – таковы правила справедливости.

Вот что запрещается пятой и седьмой заповедью Божьей, и по заслугам виновные наказываются виселицей и колесом (14).

Родословное дерево

С человеком (1) находятся в кровном родстве в восходящей линии:

отец (отчим 2) и мать (мачеха 3), дед (4) и бабка (5), прадед (6) и прабабка (7), дед прадеда (10) и бабка прадеда (11), прадед прадеда (12) и прабабка прадеда (13);

дальнейшие называются предками (14). В нисходящей линии: сын (пасынок 15) и дочь (падчерица 16), внук (17) и внучка (18), правнук (19) и правнучка (20), внук внука (21) и внучка внука (22), правнук внука (23) и правнучка внука (24), правнучка правнука (25) и правнучка правнука (26);

дальнейшие называются потомками (27).

По боковой линии: дядя со стороны отца (28) и тетка со стороны отца (20), дядя со стороны матери (30) и тетка со стороны матери (31), брат (32) и сестра (33), двоюродный брат со стороны отца (34 – сын отцовского брата), двоюродный брат по матери (35), двоюродный брат – сын сестры отца (36).

Щедрость

Щедрость (1) соблюдает меру в пользовании богатствами, которые она честно приобретает для того, чтобы иметь, что подать бедным (2).

Она их одевает (3), кормит (4) и помогает (5) с радостным лицом (6) и крылатой рукой (7).

Она господствует над богатством (8), а не оно над нею, как скупец (9), который имеет для того, чтобы иметь, и является не владельцем своего добра, а сторожем, и ненасытно и беспрестанно наскребывает (10) его своими ногтями.

Однако щедрость и бережет, и сохраняет свое добро, запирая его (11), чтобы всегда иметь.

А расточитель (12) неразумно расточает то, что было хорошо собрано, и в конце концов впадает в бедность.

notes

Примечания

1

Сочинения Я. А. Коменского, данные в книге, печатаются в сокращенном и адаптированном варианте.